

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Вольтер

Философские письма

К работе над этим произведением Вольтер приступил в конце 1727 – начале 1728 г., находясь в Англии, но широко развернул ее по возвращении на родину в 1729 г. и в основном завершил к концу 1732 г. В начале 1733 г. Вольтер направил один экземпляр рукописи в Лондон своему другу Тьерю с поручением издать ее в английском переводе. Второй экземпляр был передан французскому книгоиздателю Жору, которому в середине 1733 г. Вольтер отправил также только что написанные "Замечания на "Мысли" Паскаля", которые должны были заключить "философские письма".

В Лондоне сочинение Вольтера было опубликовано в августе 1733 г. под заглавием "Письма об английской нации". французское издание писем Вольтер затягивал, опасаясь репрессий со стороны властей, пока Жор по своему усмотрению не опубликовал их в апреле 1734 г. в Руане как "философские письма". В интересах конспирации на титульном листе книги в качестве места издания был указан Амстердам, названо голландское книгоиздательство, а автор обозначен лишь начальной буквой его фамилии – "В...". Парижская судебная палата ("парламент") незамедлительно осудила "философские письма" на сожжение как книгу "соблазнительную, противную религии, добрым нравам и почтению к властям". Был отдан приказ об аресте Вольтера, авторство которого установить не стоило труда. Предупрежденный о грозящем аресте, Вольтер успел бежать в Голландию. В том же 1734 г. "философские письма" трижды издавались в Амстердаме и один раз в Лондоне на французском языке, где они получили название "Письма, написанные из Лондона об англичанах и о других вопросах".

Перевод "Философских писем" сделан по их критическому изданию в 1909 г. известного французского исследователя Гюстава Лансона, который в основу своего труда положил издание Жора 1734 г. с указанием изменений, вносимых Вольтером в ходе 16 последующих прижизненных публикаций этого произведения.

Письмо первое

О КВАКЕРАХ

Я решил, что учение и история столь необычных людей заслуживают любознательного отношения разумного человека. Дабы просветиться в этом вопросе, я собрался встретиться с одним из самых знаменитых квакеров! Англии, который после тридцати лет занятия коммерцией сумел положить предел росту своего состояния и своим вожделениям и удалился в деревню под Лондоном. Мне надлежало разыскать его в его убежище; это был небольшой дом добротной постройки, сверкавший незатейливой чистотой. Сам квакер был бодрым стариком, никогда не страдавшим никакими недугами, ибо он не ведал страстей и ему была чужда невоздержанность. В жизни своей я не лицезрел более благородного и привлекательного облика. Одет он был, как все люди его религии, в платье без боковых складок и пуговиц на карманах и на манжетах и носил большую шляпу с загнутыми полями, как наши священники. Принял он меня в той же шляпе, и, когда ступил мне навстречу, в его осанке нельзя было заметить даже намек на поклон; однако в его открытом и исполненном человеческого достоинства лице было гораздо больше предупредительности, чем у тех, кто привык шаркать ногой или держать в руках предмет, предназначенный для покрытия головы.

– Друг, – сказал он мне, – я вижу, ты иностранец: если я могу быть тебе чем-то полезен, только скажи.

– Месье, – отвечал я, согнувшись и поклоне и скользя по направлению к нему ногой по нашему обычаю, – я льщу себя надеждой, что мое справедливое любопытство не будет вам неприятно и вы снизойдете ко мне и окажете мне честь просветить меня в вашей религии.

– Люди твоей земли, – возразил он мне, – слишком склонны к любезностям и реверансам, однако я не встречал еще ни одного, кто был бы столь любознателен, как ты. Входи, и сначала давай пообедаем вместе.

Я произнес еще несколько нелепых приветствий – трудно ведь сразу отрешиться от своих привычек; после здоровой и скромной еды. начавшейся и закончившейся молитвой, я стал расспрашивать моего нового Друга. Я начал с вопроса, который добрые католики не раз задавали гугенотам.

– Дорогой сэръ, – спросил я его, – вы крещены?

– Нет, – отвечал мне квакер, – точно так же как и мои собратья.

– Значит, черт побери, – воскликнул я, – вы не христианин?

– Сын мой, . -- с живостью возразил он мягко, – но надо браниться: мы христиане и стараемся быть добрыми христианами, но мы не считаем, будто суть христианской меры состоит в поливании головы чуть посоленной холодной водой.

– Проклятье – вскричал я, пораженный таким несчастьем. Вы, верно. забыли, что Иисус Христос был крещен Иоанном'.'

– Друг, еще раз прошу, обойдемся же без проклятий", молвил добродушный квакер. – Христос принял крещение Иоанна, по сам не крестил никого; мы же ученики Христа, а не Иоанна.

– Увы! – скачал я, – в стране, где есть инквизиция, вы были бы попросту сожжены, бедняга... Во имя любви к Богу давайте я нас окрещу и сделаю христианином!

– Если бы требовалось лишь это для снисхождения к твоей слабости. –возразил он серьезно, – мы охотно бы это сделали; мы никого не осуждаем за выполнение обряда крещения, но мы верим, что те, кто исповедует абсолютно священную и духовную религию, должны, елико возможно, воздерживаться от иудейских обрядов.

– Так что же, крещение, – вскричал я, – это один из иудейских обрядов?!

– Да, мой сын. – продолжал он, – он настолько иудейский, что многие евреи еще и поныне пользуются иногда крещением Иоанна. Обратись к античности, и ты узнаешь, что Иоанн просто воскресил эту практику, действовавшую задолго до него у евреев, подобно тому как паломничество в Мекку было принято у исмаилитов. Иисус пожелал принять крещение Иоанна, точно так же, как он подверг себя и обрезанию, но то и другое – и обрезание и омовение водой – было упразднено крещением Христа – этим крещением духа, омовением души, спасающим людей; так, предтеча Иоанн сказал: "Я крещу вас водою истине, но другой придет после меня, более могущественный, чем я. которому я недостоин даже подать сандалии; он окрестит вас огнем и Св. Духом". Точно так же великий апостол язычников Павел писал коринфянам: "Христос послал меня не крестить, но проповедовать Евангелие". Таким образом, этот самый Павел никогда никого не крестил водой, кроме двух человек, да и то против своей воли. Он сделал обрезание своему ученику Тимофею, другие апостолы также делали обрезание всем, кто этого желал. А ты обрезан?

– обратил он ко мне вопрос.

Я ответил ему. что не имел этой чести.

– Прекрасно, друг. – сказал он, – ты христианин без обрезания, а я – без крещения.

Вот таким образом мой снятой человек тенденциозно злоупотребил

?тремя-четырьмя местами Священного писания, которые, казалось бы. оправдывали его секту, но он самым искренним образом забыл добрую сотню мест, кои ее уничтожают. Я поостерегся вступать с ним в какой бы то ни было спор – когда имеешь дело с одержимым, это ничего не дает: никогда не следует говорить человеку о недостатках его возлюбленной, как ни в коей мере не следует объяснить, истцу слабые стороны его дела или приводить доводы рассудка ясновидцу; итак, я перешел к другим вопросам.

– А как вы относитесь к причастию? – спросил я его.

– Мы вообще им не пользуемся, – сказал он.

- Как! Вы вообще обходитесь без причастия?

-Нет, но мы признаем только причастие сердца.

После этого он снова стал цитировать мне Писание. Он произнес предо мной внушительную речь, направленную против причастия, говоря со мной вдохновенным тоном, дабы внушить мне, что все святые таинства -это выдумки людей и что слово "таинство" ни разу не встречается в Евангелии.

-Извини, - сказал он, - мое невежество, я не привел тебе и сотой доли доказательств моей религии, но ты можешь их прочесть в изложении нашего символа веры у Роберта Беркли²: это одна из лучших книг, вышедших когда-либо из рук человеческих. Наши враги считают ее очень опасной, именно это показывает, насколько она разумна.

Я обещал ему прочесть эту книгу, и мой квакер решил, что я уже обращен.

Далее он изложил мне в немногих словах основание тех странностей, которые служат причиной презрения, питаемого к этой секте другими.

- Признайся, - сказал он, - что тебе стоило больших усилий не рассмеяться, когда на все твои любезности я отвечал тебе, не снимая с головы шляпы и разговаривая с тобой на "ты", а между тем ты мне кажешься слишком образованным человеком, чтобы не знать, что во времена Христа ни одна нация не впадала в эту смехотворную подмену единственного числа множественным. Цезарю Августу говорили: "Я тебя люблю, я тебя прошу, благодарю тебя"; он не терпел даже, чтобы его называли "Господин, Dominus". И лишь гораздо позже люди решили обращаться друг к другу на "вы" вместо "ты", словно вместо одного человека налицо два, и присвоить себе заносчивые титулы "Ваше высочество", "Превосходительство", "Преосвященство", которые земные черви дают другим земным червям, заверяя их в том, что они являются почтительнейшими (и бесчестно двоедушными!), ничтожнейшими и покорнейшими их слугами. Именно для того, чтобы сильнее остерегаться этого недостойного обмена лживыми и льстивыми заверениями, мы одинаково обращаемся на "ты" к королям и уличным сапожникам и никому не кланяемся, сохраняя к людям лишь милосердие, уважение же -только к законам.

Мы также носим одеяние, несколько отличное от одежды других людей, дабы это было нам постоянным напоминанием о том, что мы не должны на них походить. Другие люди носят знаки своего сана, мы же -знаки христианского смирения; мы избегаем веселых сборищ, зрелищ, игр, ибо это дало бы нам повод сетовать на то, что сердца наши заполнены подобными пустяками вместо того, чтобы там обитал Бог; мы никогда не даем клятвенных заверений даже на судах, ибо считаем, что ими Всевышнего не подобает произносить всуе в мелочных спорах людей. Когда мы должны явиться пред должностным лицом для устройства чужих дел (у нас самих никогда не бывает тяжб), мы подтверждаем истину простым "да" или "нет", и судьи верят нам на слово, и то время как великое множество христиан ложно клянутся на Евангелии. Мы никогда не идем на войну, но не потому, что боимся смерти; напротив, мы благословляем миг, соединяющий нас с Первосущим, но мы ведь не полки, не тигры и не псы, а люди и христиане. Наш Бог, повелевший нам возлюбить своих врагов и страдать безропотно, несомненно, не желает того, чтобы мы переплывали море и убивали наших братьев, потому что убийцы в алых плащах и высоких двурогих шлемах вербуют горожан, поднимая шум при помощи двух палочек, коими ударяют по туго натянутой ослиной коже; и когда после выигранного сражения весь Лондон сверкает иллюминацией и небо загорается от ракет, а воздух оглашается шумом благодарственных молебнов, звоном колоколов, звучанием органов и пушечными выстрелами, мы содрогаемся в тиши от этих убийств - причины всеобщего ликования.

Письмо второе

О КВАКЕРАХ

Примерно таков был разговор, состоявшийся между мной и этим необычным человеком; но еще гораздо больше я был поражен, когда в следующее воскресенье он повел меня в церковь квакеров. В Лондоне у них много часовен; та, в которой я оказался, расположена рядом со знаменитым столпом³, именуемым Монументом. Когда я вошел вместе со своим провожатым, все были уже в сборе. В церкви находилось около четырехсот мужчин и трехсот женщин; эти последние прикрывали свои лица веерами,

головы мужчин были покрыты широкополыми шляпами; все сидели в глубоком молчании. Я прошел между ними вперед, при этом никто даже на меня не взглянул. Молчание это длилось четверть часа. Наконец, одни из них поднялся с места, снял свою шляпу и после нескольких ужимок и вздохов, действуя отчасти ртом, а отчасти носом, понес галиматью, взятую, как он считал, из Евангелия, но к которой ни он сам, ни кто-либо из присутствовавших не поняли ни слона. Когда этот конвульсионер завершил свой великолепный монолог, а собрание разошлось, совершенно оглушенное полученным наставлением, я спросил у моего приятеля, для чего наиболее мудрые среди них терпят подобные глупости.

- Мы обязаны их терпеливо переносить, - отвечал он мне, - потому что не можем знать, вдохновлен ли человек, встающий, чтобы держать речь, разумом или же глупостью; в этом сомнении мы весьма терпеливо слушаем, мы разрешаем говорить даже женщинам. Часто случается, что вдохновленными оказываются сразу двое или трое наших богомольцев, и тогда в доме господнем поднимается порядочный шум.

- Значит, у вас вообще нет священников? - спросил я его.

- Нет, мой друг, - сказал квакер, - и мы прекрасно без них обходимся. Богу не угодно, чтобы благодать святого духа нисходила по воскресеньям на кого-либо одного и чтобы мы осмеливались отстранять от этого других верующих. Благодарение небу, мы - единственные люди па Земле, совсем не имеющие проповедников. Не хочешь ли ты лишиться нас этого счастливейшего отличия? В самом деле, для чего нам отлучать от груди свое собственное дитя и отдавать его наемной кормилице, если у нас самих есть молоко, чтобы его напитать? Эти наемницы тотчас же станут господами в доме и подчинят себе и мать и дитя. Бог рек: Даром получили, даром и отдайте. Станем ли мы после подобных слоё торговать Евангелием и Снятым Духом и превращать собрание христиан в купеческую лавку?

Мы не даем ни гроша людям, одетым в черное, для того чтобы они помогали нашим бедным, хоронили наших умерших, проповедовали бы верующим: священные эти обязанности слишком нам дороги, чтобы перекладывать их на чужие плечи.

- Но как можете вы различить, что именно Дух Божий вдохновляет вас в ваших речах? - спросил я настойчиво.

- Всякий, - сказал он - кто молит Бога о том, чтобы Он его просветил, и кто возвещает прочувствованные Им евангельские истины, может быть уверен в том, что его вдохновляет Бог.

Вслед затем он забросал меня цитатами из Евангелия. долженствующими, по его мнению, доказать, что не существует христианской веры без непосредственного откровения. Он добавил также следующие примечательные слова:

- Когда ты двигаешь каким-либо из своих членов, двигает ли его при этом собственная твоя сила? Разумеется, нет, ибо у члена этого часто бывают произвольные движения. Именно тот, кто создал твое тело, поднимает это тело с земли; а идеи, получаемые твоей душой, - разве ты их сам образуешь? Менее всего, ибо они приходят к тебе вопреки твоей воле. Таким образом, твои идеи дает тебе Создатель твоей души; но, поскольку он сохранил свободу для твоего сердца, он дает твоему уму идеи, кои твое сердце заслуживает; ты живешь и Боге, действуешь и мыслишь в Боге, и тебе остается лишь раскрыть глаза на тот свет, что просвещает всех людей; тогда ты узришь истину и заставишь узреть ее других.

- Э, вот и отец Мальбранш⁴ во всей его наготе! - воскликнул я.

- Я знаю твоего Мальбранша, он был чуть-чуть квакером, но был им не в достаточной мере.

Вот главное, что я извлек на доктрины квакеров; в следующем письме перед вами пройдет их история, которая должна показаться нам еще более необычной, чем их учение.

Письмо третье

О КВАКЕРАХ

Вы уже видели, что история квакеров начинается с Иисуса Христа, который,

согласно их учению, был первым квакером. Религия, говорят они, подверглась искажению почти сразу же после его смерти и пребывала в таком искаженном виде около 1600 лет; однако в мире всегда существовали отдельный тайные квакеры, бравшие на себя заботу о поддержании священного огня, затухающего по милости остальных, пока, наконец, этот светоч не возгорелся в 1642 году в Англии.

Случилось это в то время, когда три или четыре секты раздирали на части Великобританию гражданскими войнами, затевавшими во имя Божье: некий человек по имени Джордж Фокс из графства Лестер, сын шелкодела, принял решение выступить с проповедями, по его собственному утверждению, в качестве истинного апостола; иначе говоря, он брался проповедовать, не умея ни читать, ни писать. Это был молодой человек, двадцатипятилетнего возраста, безупречной нравственности, но сумасброд. Он был с головы до пят облачен в кожу и так ходил из деревни в деревню, выкрикивая протесты против войны и духовенства. Были бы его проповеди были направлены только против солдат, ему нечего было бы опасаться, но он нападал на церковь и потому немедленно был заточен в тюрьму. Его препроводили в Дерби к мировому судье. Фокс предстал перед судьей в своем кожаном колпаке. Сержант закатил ему тяжелую оплеуху, приговаривая: "Нищий бродяга, или ты не знаешь, что перед господином судьей надо стоять с непокрытой головой?" Фокс подставил другую щеку и попросил у сержанта милости, чтобы он во имя любви к Богу дал ему другую пощечину. Мировой судья хотел привести его к присяге перед допросом. "Друг мой, отвечал он судье. -знай, я никогда не произношу имени Господа всуе". Когда судья услышал, что человек этот обращается к нему на ты, он послал его в исправительное заведение графства, чтобы ему дали там розог, Джордж Фокс отправился в дом умалишенных, славя Бога, и там без промедления над ним была учинена экзекуция в -точном соответствии с приговором судьи. Те, кто выполнял эту палочную эпитимью, были поражены, когда он попросил добавить ему еще несколько ударов розгами ради спасения его души. Господа эти не заставили себя долго просить, Фокс получил двойную порцию розог, за что он их поблагодарил самым сердечным образом. Затем он принялся им проповедовать. Сначала раздался смех, затем они стали прислушиваться, и поскольку одержимость - заразная болезнь, многие почувствовали себя убежденными; так люди, учинившие ему порку, стали его первыми учениками.

Освобожденный из своего заточения, он бродил по полям с двенадцатью своими приверженцами, без устали проповедуя против духовенства и время от времени подвергаясь порке. В один прекрасный день, привязанный к позорному столбу, он произнес перед народом такую страстную речь, что обратил в свою веру полсотни слушателей, остальных же сделал столь ревностными своими приспешниками, что, возбужденные, они освободили его от позорного ошейника. После этого было послано за англиканским священником, которому было поручено осуждение Фокса на эту казнь, и -тот был водворен на свое место у позорного столба.

Он осмелился даже обратиться к нескольким солдатам Кромвеля, которые бросили после этого военное ремесло и отказались дать присягу на верность. Кромвелю не нужна была секта, члены которой вообще не желали сражаться, тем более что Сикст Пятый изрек дурное пророчество о секте *dove non si chiaava*. Кромвель воспользовался своей властью для преследования этих новоявленных апостолов, и ими стали заполнять тюрьмы; однако преследования имеют всегда один результат- они создают прозелитов; последние выходят из тюрем укрепленными в своей вере и сопровождаемые обращенными ими тюремщиками. Однако вот что более всего послужило расширению секты: Фокс считал себя боговдохновенным. Вследствие этого он полагал, что обязан говорить иначе, чем прочие люди: проповедуя, он начинал дрожать, делать всевозможные ужимки и гримасы, задерживать дыхание и выдыхать с силой: сама дельфийская жрица не выполнила бы всего этого лучше. В короткий срок он усвоил стойкую привычку к боговдохновенности, а уж после этого было не в его власти говорить иначе. Это было его первым даром своим ученикам. Они добросовестно повторяли все гримасы своего мэтра и дрожали изо всех сил в момент вдохновения. Отсюда и получили они имя "квакеры", что означает "трясуны". Простой народ забавлялся тем, что им подражал. Люди дрожали, говорили в нос, бились в конвульсиях и верили при этом, что они одержимы Святым Духом. Им не доставало только чудес - чудеса были им даны.

Патриарх Фокс сказал публично, в присутствии большого собрания, некоему мировому судье: "Друг, будь осторожен. Бог не замедлит покарать тебя за преследование святых". Судья этот был пьяницей, дни напролет пившим скверное пиво и водку; он умер от апоплексического удара через два дня, именно в тот момент, как собирался подписать ордер на тюремное заключение нескольких квакеров. Эта внезапная смерть

не была приписана его невоздержанности: весь свет рассматривал ее как действие предсказания святого человека.

Смерть эта породила большее число квакеров, чем тысячи проповедей и несчетное множество конвульсий. Кромвель, видя, что число квакеров растет с каждым днем, вознамерился привлечь их на свою сторону. Он велел предложить им денег, но они оказались неподкупными, и однажды он сказал, что религия эта – единственная, которую он не сумел одолеть с помощью гиней.

Иногда они подвергались преследованиям при Карле II⁹, но не за свою религию, а за нежелание платить десятину духовенству, за обращение на ты к должностным лицам и за отказ от присяг, предусмотренных законом.

Наконец, в 1675 году шотландец Роберт Беркли представил королю свою "Апологию квакеров" – прекраснейшее сочинение. Посвятительное письмо Карлу II содержит там не низкую лесть, но смелые истины и справедливые советы.

"Ты испытал, – говорил он в конце этого письма Карлу II. – и сладость (и горечь, благополучие и величайшие бедствия; тебя изгнали из страны, где ты царствуешь, ты почувствовал тяжесть притеснения, и ты должен знать, сколь презретен угнетатель перед лицом Бога и людей). И если бы ты после стольких испытаний и благословений судьбы ожесточился в своем сердце и забыл Бога, который помнил о тебе и твоей юдоли, проступление твое было бы еще горше и осуждение твое – еще ужасней. Поэтому, вместо того чтобы слушать лесть своего двора, послушайся голоса своей совести, которая тебе никогда не польстит. Твой верный друг и подданный Беркли".

Самое поразительное, что письмо это, написанное королю неизвестным частным лицом, произвело свое действие и преследование прекратилось.

Письмо четвертое

О КВАКЕРАХ

Примерно в это время появился знаменитый Уильям Пени¹⁰, установивший власть квакеров в Америке и снискавший им уважение в Европе, если только люди способны уважать добродетель, выступающую в шутовской личине. Человек этот был единственным сыном сэра Пенна, вице-адмирала Англии и фаворита герцога Йорка, начиная со времен Якова II¹¹.

Уильям Пени в возрасте пятнадцати лет встретил в Оксфорде, где он учился, некоего квакера. Последний его убедил, и молодой человек, отличавшийся живостью, природным красноречием и благородством лица и манер, тотчас же завербовал нескольких своих товарищей. Он незаметно учредил Общество юных квакеров, собиравшихся в его доме. Таким образом, в свои шестнадцать лет он оказался главой секты.

По окончании колледжа и возвращении к своему отцу-адмиралу он, вместо того чтобы пасть перед ним ниц и просить его благословения, как это принято у англичан, подошел к отцу с покрытой головой и обратился к нему с такими словами: "Я весьма рад, друг, видеть тебя в добром здоровье". Вице-адмирал решил, что сын его спятил, но скоро понял, что тот стал квакером. Он пустил в ход все доступные человеческому рассудку средства, чтобы убедить его жить, как все люди. Но единственным ответом молодого человека были уговоры, направленные на то, чтобы с его отец сам стал квакером.

В конце концов отец немного уступил сыну под единственным условием, что, когда тот отправится с визитом к королю и герцогу Йорку, он будет держать шляпу в руке и не будет говорить им ты. Уильям отвечал, что его совесть ему этого не позволяет. Возмущенный и отчаявшийся отец прогнал его из своего дома. Юный Пени возблагодарил Бога за то, что тот даровал ему пострадать за свое дело, отправился проповедовать в Сити и завоевал там много приверженцев.

Озарения каждодневно нисходили на проповедников секты, а так как Пени был юн, прекрасен и ладно скроен, придворные дамы и горожанки благочестиво спешили его послушать. Слава его заставила патриарха Джорджа Фокса явиться из глубины Англии в Лондон па него взглянуть. Вместе они решили отправиться с миссией в чужие страны. Они направили свой путь в Голландию, оставив достаточно много

работников, которым надлежало возделывать лондонский виноградник. В Амстердаме труды их увенчались блестящим успехом; но более всего чести принес им и сильнее всего подверг опасности их скромность прием, оказанный им княгиней папского двора Елизаветой, теткой английского короля Георга II, женщиной, знаменитой своим умом и ученостью, которой Декарт посвятил свой "философский роман"¹³. В то время она удалилась на покой в Ла Э, где и встретила этих друзей: именно так именовали тогда квакеров в Голландии. У нее состоялось несколько собеседований с ними; они нередко читали проповеди в ее доме, и если они не превратили ее в оконченную квакершу, то по крайней мере признали, что она недалека от царствия небесного.

"Друзья" посеяли свои семена также в Германии, но урожай был невелик. Манера обращаться на "ты" не пришлась по вкусу в стране, где все были обязаны постоянно иметь на устах титулы "Ваше высочество" и "Ваше превосходительство". Пени, получив сообщение о болезни отца, незамедлительно вернулся в Англию; он явился как раз, чтобы присутствовать при его последних вздохах. Вице-адмирал примирился с ним и нежно его обнял, несмотря на то, что сын исповедовал другую религию. Уильям убеждал его вообще не принимать причастия и умереть квакером, в то время как старый добряк безрезультатно советовал сыну носить на манжетах пшеницы и перья на шляпе.

Уильям унаследовал огромное состояние, в том числе и королевские долги за авансы, выплаченные вице-адмиралом во время морских походов. В те времена не существовало ничего более неверного, чем деньги, которые задолжал король. Пени вынужден был не один раз обратиться на "ты" к Карлу II и его министрам, добиваясь их выплаты. И 1680 году правительство даровало ему вместо денег в собственность и владение американскую провинцию к югу от Мериленда¹⁴; таким образом, квакер стал сувереном. Он выехал в свои новые владения на двух кораблях, битком набитых последовавшими за ним квакерами, с тех пор эту землю стали называть по его имени Пенсильванией. Он основал там город Филадельфию, в нынешнее время весьма процветающий. Начал он с того, что заключил союз со своими соседями-американцами. То был единственный договор между этими народами и христианами, при заключении которого не давалось клятв и который не был нарушен. Новый суверен стал также законодателем Пенсильвании, он дал ей весьма мудрые законы, ни один из которых не был после него изменен. Первым среди них был закон о недопустимости преследования кого бы то ни было за его религиозные убеждения и о том, что все люди, верующие в Бога, должны считать себя братьями.

Едва лишь установил он свое правление, как множество американских торговцев явились заселить эту колонию. Туземцы, вместо того чтобы бежать в леса, незаметно привыкли к миролюбивым квакерам: насколько они питали отвращение к другим христианам – завоевателям и разрушителям Америки, настолько же они любили этих новых пришельцев. По прошествии небольшого времени множество этих так называемых дикарей, очарованных мягкостью своих соседей, явились толпою просить Уильяма Пенна принять их в число своих вассалов. Зрелище было необычное: суверен, которому все без исключения говорили "ты" и беседовали с ним, не снимая с головы шляпу; губернаторство без священников, парод без армии, граждане, поголовно равные старшему должностному лицу, и соседи без чувства соперничества.

Уильям Пенн мог похвалиться тем, что принес на Землю золотой век – эту обычную притчу во языцах – и что век этот, по-видимому народился лишь в Пенсильвании. После смерти Карла II он возвратился в Англию по делам своей новой страны. Король Яков, любивший его отца, питал ту же слабость и к сыну. Он не смотрел на него больше как на темного сектанта, но отдавал ему должное как великому человеку. Политика короля совпадала в данном случае с его привязанностью: вздумав потакать квакерам, он упразднил законы, направленные против нонконформистов, дабы получить возможность ввести католическую религию под покровом этой свободы. Все английские секты разглядели ловушку и не дали себя в нее поймать. Они всегда объединялись перед лицом католицизма – их общего врага; однако Пени не посчитал, что он должен отречься от своих принципов ради блага протестантов, его ненавидевших, и поит против короля, который его любил. Учредив свободу совести в Америке, он не желал явиться ее разрушителем в Европе; итак, он остался верен Якову II. и дело дошло до того, что он был всеми ославлен иезуитом. Эта клевета глубоко задела его, и он был вынужден защищаться в печати. Между тем злополучный Яков II, который, как почти все Стюарты, являл собой сочетание величия и слабости и, так же как они, чересчур мало отдавал себе в этом отчет, утратил свое королевство таким образом, что трудно было сказать, как

это произошло¹⁵.

Все английские секты получили от Вильгельма 111 и его парламента, ту свободу, которую они не желали принять из рук Якова. Тогда и создалось такое положение, при котором квакеры получили под покровительством законов все те привилегии, которыми они пользуются по сей день. Пени, убедившись, что секта его без всяких разногласий утвердилась в его отечестве, вернулся в Пенсильванию. Его люди, а также американцы встретили его со слезами радости, как если бы он был отцом, вернувшимся к своим детям. Все его законы в его отсутствие соблюдались с религиозным пиететом, что до него не случалось ни с одним законодателем. В течение нескольких лет он оставался в Филадельфии, но в конце концов вопреки своей воле уехал оттуда в Лондон, чтобы добиться там новых привилегий для торговых дел пенсильванцев. В дальнейшем он жил в Лондоне вплоть до глубокой старости, считаясь вождем народа и главой религиозного вероисповедания. Умер он лишь в 1718г.

За его потомками было сохранено владение и управление Пенсильванией, но они продали это правление королю за двенадцать тысяч монет. Состояние казны короля позволило ему уплатить только тысячу. Французский читатель мог бы тут подумать, будто правительство выплатило остальное под честное слово короля и навсегда захватило правление страной. Ничуть не бывало: коронная казна не смогла в означенный срок выплатить кредиторам всю сумму, и контракт был объявлен недействительным. Семья Пенна вновь вступила в свои права.

Я не могу предсказать, какова будет судьба квакерской религии в Америке, но я вижу, что в Лондоне она хиреет с каждым днем. Во всех странах без исключения господствующая религия, если она не занимается преследованиями, поглощает в конце концов остальные. Квакеры не могут быть членами парламента, не имеют права владеть какой-либо конторой, ибо в этом случае полагается приносить присягу, а они не желают клясться. Поэтому они вынуждены зарабатывать себе деньги торговлей. Дети их, обогатившись благодаря деятельности отцов, стремятся к удовольствиям, к почестям, они хотят носить манжеты и пуговицы и стыдятся имени "квакер"; они становятся протестантами, чтобы идти в ногу с модой.

Письмо пятое

ПО ПОВОДУ АНГЛИКАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Англия – страна сект. Англичанин – человек свободный – отправляется на небо тем путем, какой он сам себе избирает.

Однако, хотя каждый может здесь служить Богу на свой лад, истинная религия англичан – та, которая помогает составить себе состояние, – это епископальная секта, именуемая англиканской, или истинной, церковью¹⁶. Ни в Англии, ни в Ирландии нельзя получить должность, не числясь среди ревностных англикан. Это – превосходное доказательство, сумевшее обратить множество нонконформистов, так что в наши дни вне лона господствующей церкви существует меньше двадцатой части нации.

Англиканское духовенство сохранило многие католические обряды, особенно же педантически-дотошное взимание десятины. Помимо этого, для них, как и для католических священников, характерно благочестивое и одновременно честолюбивое стремление быть наставниками.

Более того, они, как только могут, разжигают в своей пастве священный гнев против нонконформистов. Негодование это было довольно оживленным еще в правление тори¹⁷, в последние годы царствования королевы Анны¹⁸; однако оно не шло далее обычая время от времени разбивать стекла в зданиях еретических часовен, потому что сектантская ярость прекратилась в Англии с гражданской войной и в царствование Анны сохранились лишь глухие всплески морской стихии, продолжавшей бесшумно волноваться тогда, когда буря уже улеглась. Поскольку виги¹⁹ и тори раздирали свою страну на части так, как некогда гвельфы и гиббелины²⁰, в религии неизбежно возникли партии. Тори стояли за епископат, виги стремились его упразднить, однако удовлетворились тем, что принизили его, когда пришли к власти.

Во времена, когда граф Оксфордский Харлей²¹ и милорд Болинброк²² провозглашали тосты за здоровье тори, англиканская церковь смотрела на них как на защитников

своих святых привилегий. Собору низшего духовенства (некоему роду палаты общин с представителями от церкви) тогда еще до некоторой степени доверяли, по крайней мере, он пользовался свободой собраний и мнений, а также располагал возможностью время от времени сжигать некоторые нечестивые книги, т.е. книги, направленные против него же.

Нынешний кабинет министров, состоящий из виггов, не разрешает только этим господам устраивать свои сборища, и они удалились под сень своих приходских часовен во имя печальной обязанности молить Бога за правительство, не упуская при этом случая вставить ему палки в колеса. Что до епископов, которых здесь всего двадцать шесть, то они, к досаде виггов, имеют право заседать в верхней палате, ибо до сих пор действует древнее злоупотребление, согласно которому их считают баронами; однако они обладают в палате не большим влиянием, чем герцоги и пэры в парижском парламенте. Есть один пункт в присяге, приносимой государству, который словно создан для испытания христианского терпения этих господ.

Согласно этому пункту дается обещание принадлежать к законной церкви. На свете нет епископа, диакона или архидиакона, который не считал бы себя обладателем божественного права, а потому это рассматривается ими как великое унижение – быть вынужденными подчиняться тому, что, по их мнению, является всего-навсего жалким законом, установленным мирскими профанами. Один монах (отец Курейэ)²³ недавно написал книгу, доказывающую законность и преемственность англиканской иерархической лестницы. Труд этот был запрещен во Франции; однако не думаете ли вы, что он понравился правительству Англии? Отнюдь нет. Этим проклятым виггам было мало горя, нарушалась ли у них епископская преемственность или нет и был ли епископ Паркер²⁴ рукоположен в сан в кабаке (ходили такие слухи) или в церкви: они даже предпочитали, чтобы епископы получали свою власть не из рук апостолов, а от парламента. Лорд Б. сказал, что божественное право создано лишь для того, чтобы плодить тиранов в рясах и стихарях, граждан же создает Закон.

С точки зрения нравов англиканское духовенство более умеренно, чем французское, и вот по какой причине: все духовные лица воспитываются в Оксфордском или же Кембриджском университетах, вдали от столичного разврата; они весьма поздно рукополагаются в церковный сан – в возрасте, когда их честолюбию недостает пищи и единственной страстью человека остается скупость. Должности здесь являются компенсацией за длительное служение в церкви, точно так же, как это бывало в армии. В Англии нельзя увидеть молодых епископов или полковников по выпуске из колледжа. Помимо того, что почти все священники бывают женаты, дурные манеры, усвоенные в университете, и недостаточно широкое общение с женщинами ведут к тому, что, как правило, епископ вынужден довольствоваться своей женой. Святые отцы посещают иногда кабаки, ибо обычай им это разрешает, а если они и напиваются, то с серьезным видом и без скандалов.

Неопределенное существо – полуцерковник–нолумирин, имя которому "аббат", принадлежит к роду существ, неведомых в Англии; все священники без исключения здесь люди скрытные и педанты. Когда до них доходят слухи, что во Франции молодые люди, известные своими дебошами и вскормленные для прелатуры интригами женщин, занимаются любовными похождениями, забавляются сочинением нежных песенок, каждодневно задают обильные изысканные ужины и прямо с них отправляются молить Св. Духа о просветлении, дерзновенно называя себя при этом преемниками апостолов, они славят Бога за то, что они протестанты. Но ведь они – мерзкие еретики, достойные того, чтобы быть сожженными ко всем чертям, как сказал мэтр франсуа Рабле²⁵; поэтому я не стану вмешиваться в их дела.

Письмо шестое

О ПРЕСВИТЕРИАНАХ

Англиканская религия распространена только в Англии и Ирландии. Пресвитерианство – это не что иное, как кальвинизм в чистом виде, такой, каким он был учрежден во Франции и продолжает существовать в Женеве. Поскольку священники этой секты получают от своей церкви лишь весьма скромное жалованье и потому не могут жить в такой же роскоши, как епископы, они, естественно, стали выступать против почестей, которых сами не могут добиться. Вообразите себе надменного Диогена²⁶, грубо попирающего гордость Платона²⁷: шотландские пресвитериане недалеко ушли от этого спесивого нищего болтуна. Они относились к королю Карлу II с меньшим уважением, чем Диоген выказывал Александру²⁸. Ибо, когда они подняли оружие за

него против Кромвеля, который их обманул, они принуждали и этого бедного короля выдерживать по четыре проповеди на дню, запрещали ему играть в карты, наложили на него епитимью, так что Карлу очень скоро наскучило править такими педантами и он ускользнул из их рук, как школьник убегает из колледжа.

В сравнении с юным, темпераментным французским бакалавром, но утрам ведущим диспуты в школе теологов, а вечерами занимающимся вокалом с дамами, англиканский теолог – сущий Катон²¹, но Катон этот кажется настоящим любезником в сравнении с шотландским пресвитерианином. Этот последний выступает серьезной поступью, с кислой миной, носит огромную шляпу, длинную мантию поверх короткого платья; проповеди он произносит в нос и именует вавилонской блудницей любую церковь, некоторые служители которой настолько удачливы, что обладают пятьюдесятью тысячами ливров ренты, а народ так добр, что терпит это и именует их "Монсеньерами", "Вашиими преосвященствами" и "Высокопреосвященствами".

Господа эти, имеющие также несколько приходов в Англии, напустили на себя серьезный и важный вид в соответствии с модой этой страны. Именно им мы обязаны тем, что в трех королевствах³⁰ воскресенье стало священным днем; в этот день запрещено трудиться и развлекаться, что является двойной суровостью в сравнении с обычаями католических церквей: никаких опер, комедий или концертов по воскресным дням в Лондоне; даже карты настолько решительно запрещены, что лишь очень высокопоставленные персоны и те, кого именуют "порядочными людьми", могут себе позволить игру в этот день. Остальная часть нации отправляется слушать проповедь, либо в кабаки или к веселым девицам.

Хотя епископат и пресвитериане являются двумя господствующими сектами в Великобритании, все прочие секты чувствуют себя там как дома и достаточно дружно уживаются между собой, несмотря на то, что большинство их проповедников взаимно презирают друг друга почти с той же искренностью, с какой янсенист³¹ осуждает иезуита³².

Если вы придете на лондонскую биржу – место, более респектабельное, чем многие королевские дворы, – вы увидите скопление представителей всех народов, собравшихся там ради пользы людей: здесь иудеи, магометане и христиане общаются друг с другом так, как если бы они принадлежали одной религии, и называют "неверными" лишь тех, кто объявляет себя банкротом; здесь пресвитерианин доверяется анабаптисту и англиканин верит на слово квакеру. Уходя с этих свободных, мирных собраний, одни отправляются в синагогу, другие – выпить, этот собирается дать себя окунуть в глубокий чан во имя Отца и Сына и Святого Духа, тот устраивает обрезание крайней плоти своему сыну и позволяет бормотать над ним еврейские слова, которых он и сам-то не понимает; иные идут в свою Церковь со своими шляпами на головах, чтобы дожидаться там божественного вдохновения, – и все без исключения довольны.

Если бы в Англии была только одна религия, следовало бы опасаться ее деспотизма; если бы их было две, представители каждой перерезали бы друг друга горло; но их там тридцать, а потому они живут в благодатном мире.

Письмо седьмое

О СОЦИНИАНАХ, ИЛИ АРИАНАХ, ИЛИ АНТИТРИНИТАРИЯХ³³

Здесь существует небольшая секта, состоящая из духовных лиц и нескольких мирян, весьма ученых и не принимающих имени ни ариан, ни социниан; однако они совершенно не согласны со святым Афанасием³⁴ по пункту, касающемуся Троицы, и прямо говорят вам, что Отец выше Сына.

Припоминаете ли вы известного ортодоксального епископа, который, дабы убедить императора в единосущности Отца и Сына, вздумал взять сына императора под подбородок и потянуть его за нос в присутствии священной особы его величества. Император сильно вознегодовал на епископа, но этот славный малый обратился к нему следующие прекрасные и убедительные слова: "Мой повелитель, если ваше величество пребывает в гневе по поводу того, что к вашему сыну было проявлено недостаточно уважения, как, полагаете вы, должен обойтись Бог-Отец с теми, кто отказывает Иисусу Христу в титулах, с которыми они должны к нему обращаться?"

Люди, о коих я вам рассказываю, уверяют, что святой отец был очень неосмотрителен: аргумент оказался совсем неубедительным, и император вполне мог

ему ответить: "Заметьте себе, что существуют два способа проявить ко мне неуважение: первый – не воздать достаточной чести моему сыну, а второй оказать ему ту же честь, что и мне".

Как бы то ни было, партия Ария заново начинает возрождаться как в Англии, так и в Голландии и Польше. Великий господин Ньютон оказал честь этому направлению, взяв его под свою защиту. Философ этот считал, что унитарии в своих рассуждениях были лучшими геометрами, чем мы³⁵. Но наиболее стойким патроном арианской доктрины является славный доктор Кларк³⁶. Человек этот отличается суровой добродетелью и мягким характером, он скорее влюблен в свои мнения, чем одержим страстью вербовать прозелитов, и занят исключительно вычислениями и доказательствами – настоящая рассуждающая машина.

Именно он является автором одной весьма малопонятной книги, чтимой, однако, за веру в существование Бога³⁷, и другой книги, легче постижимой, но достаточно презираемой за положение об истинности христианской религии³⁸.

Он совершенно не вмешивался в торжественные схоластические диспуты, которые наш друг... именует "почтенной чепухой". Он удовлетворялся тем, что опубликовал книгу, содержащую все свидетельства ранних веков в пользу и против унитариев, и предоставил читателю заботу подсчитывать голоса и выносить приговор³⁹. Эта ученая книга завоевала ему много приверженцев, но помешала стать архиепископом Кентерберийским. Боюсь, что ученый доктор просчитался, ибо гораздо лучше быть примасом Англии, чем арианским попом.

Таким образом, вы наглядно видите, какие перевороты происходят как в области мнений, так и в империях. Партия Ария после трехвекового триумфа и двенадцативекового забвения возрождается в конце концов вновь из пепла; правда, она весьма скверно выбрала время своего нового появления – век, когда весь свет по горло сыт диспутами и сектами. Эта секта пока еще слишком мала, чтобы добиться свободы публичных собраний, но, без сомнения, она ее добьется, если станет более многочисленной. Однако сейчас все настолько ко всем этим вещам равнодушно, что новую или обновленную религию не ждут никакие удачи. Не забавно ли, что Лютер⁴⁰, Кальвин⁴¹ и Цвингли⁴² – одним словом, все нечитабельные писатели основали секты, раздиравшие Европу на части, что невежественный Магомет⁴³ основал религию в Азии и Африке, а в то же время господа Ньютон, Кларк, Локк⁴⁴, Леклерк⁴⁵ – величайшие философы и лучшие стилисты своего времени – едва-едва сумели добиться создания небольшой паствы, вдобавок редющей с каждым днем!

Вот что значит кстати явиться в мир. Если бы кардинал де Рец⁴⁶ появился вновь в наше время, он наверняка не взбунтовал бы даже десятка парижских женщин. Если бы вновь родился Кромуэль – тот, кто велел обезглавить своего короля и сам стал правителем, – он был бы обыкновенным торговцем в Лондоне.

Письмо восьмое

О ПАРЛАМЕНТЕ

Члены английского парламента любят сопоставлять себя при каждой возможности с древними римлянами.

Совсем недавно г-н Шиппинг⁴⁷ начал свою речь в палате общин следующими словами: "Величие английского народа были бы попорно и т.д.". Необычность такого способа выражения вызвала громовой хохот; однако Шиппинг, ничуть не смутившись, твердо повторил те же слова, и смеха уже не последовало. Признаюсь, я не усматриваю ничего общего между тем и другим правлением; правда, в Лондоне существует сенат, членов которого подозревают (несомненно, ошибочно) в том, что они при случае продают свои голоса точно так же, как это делалось и Риме. Вот и все сходство, во всем же остальном два этих народа представляются мне в корне различными, будь то в хорошем или дурном. Риму была совершенно неведома ужасающая нелепость религиозных войн, гнусность эта была сохранена для благочестивых проповедников самоуничтожения и терпения. Марий⁴⁸ и Сулла⁴⁹, Помпей⁵⁰ и Цезарь⁵¹, Антоний⁵² и Август⁵³ сражались вовсе не из-за спора о том, должны ли фламиньи⁵⁴ носить свое облачение поверх тоги или под ней, а священные цыплята, для того чтобы предзнаменования были верны, есть и пить или же только есть. Англичане, наоборот, готовы повесить друг друга во имя своих устоев и истребляли друг друга в боевом строю из-за споров подобного рода. Епископальная церковь и

пресвитерианство на определенный период заставили этих серьезных людей потерять головы. Я представляю себе, что подобных глупостей более там не случится; горький опыт, кажется мне, их умудрил, и я не замечаю у них больше ни малейшего желания лезть на рожон из-за силлогизмов.

А вот и еще более существенное различие между Римом и Англией, полностью говорящее в пользу этой последней, а именно, плодом гражданских войн в Риме было рабство, плодом английских смут – свобода. Английская нация – единственная на Земле, добившаяся ограничения королевской власти путем сопротивления, а также установившая с помощью последовательных усилий то мудрое правление, при котором государь, всемогущий, когда речь идет о благих делах, оказывается связанным по рукам и ногам, если он намеревается совершить зло; при котором вельможи являются грандами без надменности и вассалов, а народ без смут принимает участие в управлении.

Палата лордов и палата общин являются посредниками нации, король верховным посредником. Этого равновесия не доставало римлянам, вельможи и народ постоянно были там между собой разделены, причем отсутствовала посредническая власть, которая могла бы устанавливать между ними согласие. Римский сенат, исполненный несправедного и достойного кары чванства, мешавшего ему хоть чем-нибудь поступиться в пользу плебеев, владел единственным в своем роде секретом, помогавшим ему отстранять их от правления, а именно: он постоянно занимал плебеев внешними войнами. Сенаторы смотрели на Народ как на дикого зверя, которого необходимо было натравливать на соседей, дабы он не пожрал своих господ; так величайший порок правления римлян сделал из них завоевателей: поскольку они были неудачливы у себя дома. они стали господами мира, пока в конце концов их раздоры не сделали их рабами.

Правление Англии не создано ни для столь величавого блеска, ни для столь мрачного конца; цель его вовсе не в блистательной глупости завоеваний, наоборот, цель эта состоит в том, чтобы такое завоевание не совершили ее соседи; народ этот ревниво блюдет не только свою свободу, но и свободу других народов. Англичане ожесточились против Людовика XIV⁵⁵ единственно потому, что они приписывали ему честолюбивые чаяния. Они пошли на него войной просто так, без какой бы то ни было особой заинтересованности.

Без сомнения, установить свободу в Англии стоило недешево. Идол деспотической власти был потоплен в морях крови: однако англичане вовсе не считали, что они слишком дорого заплатили за достойное законодательство. Другие нации пережили не меньше смут и пролили не меньшее количество крови; но кровь эта, которую они проливали за дело своей свободы, только крепче цементировала их рабство.

То, что стало в Англии революцией, в других странах было не более как мятежом: какой-нибудь город – будь то в Испании. Берберии или Турции становится под ружье во имя защиты своих привилегий, и тотчас же его подавляют наемные солдаты, палачи вершат казни, а оставшейся в живых части нации остается лишь целовать свои цепи. Французы считают, что правление на этом острове более бурно, чем море, омывающее его берега, и это верно; но происходит это лишь тогда, когда король сам вздымает бурю, когда он хочет стать хозяином судна, на котором он всего только главный кормчий. Гражданские войны во Франции были продолжительнее, ожесточеннее и изобильнее преступлениями, чем такие же войны в Англии; но ни одна из этих гражданских войн не имела своей целью мудрую свободу.

В гнусные времена Карла IX⁵⁶ и Генриха III⁵⁷ речь шла лишь о том, чтобы выяснить, будут ли французы рабами Гизов⁵⁸. Что касается последней Парижской войны⁵⁹, то она заслуживает лишь того, чтобы быть ошikanной; мне так и видятся школяры, взбунтовавшиеся против ректора колледжа, за что в конце концов они и были высечены розгами; кардинал де Рец, исполненный боевого духа, заслуживающего лучшего применения, взбунтовался без всякого видимого повода; он был мятежником без определенного плана, вождем партии, не имеющей армии, заговорщиком ради заговора, и казалось, что он затеял гражданскую войну лишь ради собственного своего развлечения. Парламент не понимал ни того, что он хочет, ни того, что ему не угодно. Он всполошил войска приказом об их аресте, он их разбил, он угрожал, просил прощения, объявил в качестве награды голову кардинала Мазарини⁶⁰. а вслед за этим явился приветствовать его во время торжественной церемонии. При Карле IX⁶¹ наши гражданские войны были жестокими, во времена Лиги⁶² – омерзительными, в период же Фронды война была просто смешной.

Более всего во Франции ставят в упрек англичанам казнь Карла I⁶³, хотя его победители поступили с ним так, как поступил бы с ними он сам, если бы был удачлив.

Наконец, взгляните, с одной стороны, на Карла I, побежденного в честном бою, взятого в плен, судимого и осужденного в Вестминстере, а с другой – на императора Генриха VII⁶⁴, отравленного своим капелланом во время причастия, на Генриха III, убитого монахом – орудием ярости целой партии, а также на тридцать убийств, замышлявшихся против Генриха IV⁶⁵, причем несколько покушений было осуществлено, и последнее из них лишило, наконец, Францию этого великого короля. Взвесьте все эти преступления и судите сами.

Письмо девятое

О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Счастливым это сочетание в правлении Англии, это согласие, существующее между общинами, лордами и королем, было не всегда. Английская земля долго оставалась рабыней – римлян, саксов, датчан, французов. Особенно Вильгельм Завоеватель правил железной рукой, он распоряжался жизнью и состоянием своих новых подданных, словно восточный монарх. Он запретил под страхом смерти всем без исключения англичанам разжигать огонь и освещать свои дома после восьми часов вечера, и они не смели этого делать, хотя оставалось непонятным, стремился ли он таким образом предупредить возможность ночных сборищ или же решил при помощи столь нелепого запрета доказать, как велика может быть власть одного человека над другими.

Правда, до и после Вильгельма Завоевателя⁶⁶ англичане имели парламенты, и они этим похваляются, словно сборища эти, именовавшиеся и тогда парламентами и состоявшие из церковных тиранов и мародеров, называвших себя баронами, были стражами свободы и общественного благополучия.

Варвары, хлынувшие с берегов Балтийского моря на прочую часть Европы, принесли с собой обычай этих генеральных штатов, или парламентов, по поводу которого бывает столько шума, но который очень мало известен. Правда, короли в те времена вовсе не были деспотами, но народ не меньше от этого изнывал в жалком рабстве. Главари этих дикарей, опустошивших Францию, Италию, Испанию, Англию, провозгласили себя монархами; их предводители разделили между собой земли побежденных, откуда и возникли маркиграфы, лорды, бароны – все эти маленькие тираны, зачастую оспаривавшие у своих королей шкуру, сдиравшуюся ими со своих народов. Это были хищные ястребы, сражавшиеся с орлом за право пить кровь голубок; таким образом, каждый народ имел сто тиранов вместо одного господина. Священники тотчас же вошли в долю. Во все времена уделом галлов, германцев, островитян Англии было подчиняться власти своих друидов и сельских старост – старинной разновидности баронов, однако с менее тираническими наклонностями, чем их наследники. Упомянутые друиды называли себя посредниками между божеством и людьми, они издавали законы, отлучали от культа, осуждали на казнь. Постепенно в правление готов и вандалов их власть сменилась властью епископов. Во главе епископов встали папы и с помощью своих бреве, булл и монахов заставили трепетать королей; они их низлагали, подсылали к ним убийц и вытягивали из них все деньги, которые можно было получить от Европы. Слабоумный Инас⁶⁷, один из тиранов английской гептархии, был первым, кто во время паломничества в Рим обязался платить динарий святого Петра (в переводе на нашу монету это было примерно одно эку) за каждый дом на своей территории. Весь остров тотчас же последовал этому примеру; Англия мало-помалу превратилась в провинцию папы, святой отец посылал туда время от времени своих легатов, чтобы взимать там непомерные подати. Иоанн Безземельный⁶⁸ в конце концов в приличной форме уступил свое королевство его святейшеству, который отлучил его от церкви; бароны же, не усмотрев в этом для себя выгоды, изгнали этого жалкого короля и посадили на его место Людовика VIII⁶⁹, отца Людовика Святого⁷⁰, короля Франции; однако очень скоро они разочаровались в этом новоявленном короле и заставили его уплыть восвояси.

В то время как бароны, епископы, папы раздирали таким образом на части английскую землю, на которой все они хотели повелевать, народ – самая многочисленная, более того, самая добродетельная, а следовательно, и самая достойная часть человечества, – народ, состоящий из правоведов и ученых, негодяев и ремесленников, одним словом, из всех тех, в ком нет ни капли тиранических устремлений, рассматривался всеми этими господами как стадо

Менее всего тогда общины могли участвовать в управлении, они считались презренной чернью: их труд, их кровь принадлежали их господам, именовавшим себя знатью. Самая многочисленная часть человечества была тогда в Европе тем, чем она и посейчас является во многих северных странах, – крепостными сеньора, неким родом скотины, продаваемой и покупаемой вместе с землей.

Понадобились столетия, чтобы человечеству была отдана дань справедливости, чтобы был прочувствован весь ужас того, что малое число людей пожинает посев большинства, и не явилось ли счастьем для рода человеческого то, что власть этих мелких грабителей была подавлена во Франции легитимным владычеством наших королей, а в Англии – легитимным господством королей и народа?

Счастливым образом в потрясениях, вызванных в империях спорами королей и вельмож, оружие народов до некоторой степени притупилось; свобода родилась в Англии из споров тиранов, бароны вынудили Иоанна Безземельного и Генриха III⁷¹ даровать знаменитую Хартию⁷², непосредственной целью которой было на самом деле поставить королей в зависимость от лордов, но согласно которой остальная часть нации получила некоторые поблажки, с тем чтобы при случае она приняла сторону своих так называемых покровителей. Эта великая Хартия, рассматриваемая как священный принцип английских свобод, сама позволяет понять, сколь мало тогда была знакома свобода. Одно только ее заглавие доказывает, что король приписывал себе абсолютные правомочия, а бароны и духовенство даже не пытались заставить его отречься от этого пресловутого "права", поскольку высшее могущество принадлежало им.

Вот как начинается великая Хартия: "Мы жалуем по нашей свободной воле следующие привилегии архиепископам, епископам, аббатам, приорам и баронам нашего королевства" и т.д.

В параграфах этой Хартии не сказано ни единого слова о палате общин доказательство того, что ее не было еще и в помине или же что она существовала, не обладая никакими полномочиями. Здесь содержатся оговорки в отношении свободных людей Англии – печальное указание на то, что были среди них и другие. Из параграфа 32 видно, что эти так называемые "свободные" были обязаны работать на своих господ. Подобная свобода еще сильно пахивала рабством.

Согласно параграфу 21, король повелевает, чтобы его служащие впредь не смели насильно и бесплатно отнимать лошадей и повозки у свободных людей, и это предписание показалось народу воистину свободой, ибо оно избавляло его от более тяжкого произвола.

Генрих VII⁷³, удачливый узурпатор и великий политик, делавший вид, что он любит баронов, на самом же деле ненавидевший их и боявшийся, решил позаботиться об отчуждении их земель. С этого момента чернь, постепенно составлявшая себе своими трудами состояния, стала покупать замки знаменитых пэров, разорившихся из-за своих безумств. Мало-помалу все земли сменили своих хозяев.

Палата общин становилась со дня на день все более могущественной, древние семьи пэров со временем вымерли, и, поскольку в соответствии с буквой закона знатью в Англии считаются только пэры, в этой стране совсем не осталось бы аристократии, если бы короли время от времени не создавали новых баронов, сохраняя таким образом, сословие пэров, которого они некогда так боялись, дабы противопоставить его сословию общинников, ставшему весьма ненадежным.

Все эти новые пэры, составляющие верховную палату, получают от короля свои титулы и ничего больше: почти ни один из них не владеет землей, имя которой он носит. Кто-то из них может именоваться герцогом Дорсетским, но не иметь ни пяди земли в Дорсетшире.

Другой является графом какого-либо села, но едва ли даже знает, где это село расположено. Власть их сильна в парламенте и нигде больше.

Вы не услышите здесь разговоров о верховном, среднем и низшем суде, ни равным образом о праве охотиться на своих землях, ибо гражданин не волен ни в едином выстреле на своем собственном поле.

Человек в силу своей принадлежности к знати или к духовному сословию не освобождается от уплаты определенных налогов, причем все обложения регулируются палатой общин, которая по своему рангу стоит на втором месте, но по своему влиянию занимает первое.

Правда, вельможи и епископы могут отклонить билль общин о налогах, но им не дозволено ничего в нем менять: они должны либо принять его, либо безоговорочно отклонить. Когда билль подписан лордами и получил одобрение короля, все без исключения обязаны платить, причем каждый вносит налог не согласно своему титулу (это было бы нелепо), но в соответствии со своим доходом. В Англии не существует никаких видов произвольной подушной подати, но только реальный поземельный налог. При превосходном короле Вильгельме III⁷⁴ была произведена денежная оценка всех земель и таким образом установлена их твердая стоимость.

Налог и теперь остается таким же, хотя доходы с земель возросли, поэтому никто не чувствует себя угнетенным и обиженным. Ноги крестьянина не стирают деревянные башмаки, он ест белый хлеб, хорошо одевается, не боится увеличить поголовье своего стада или покрыть свою крышу черепицей под угрозой повышения налога в следующем году. Здесь много крестьян, владеющих состоянием, равным примерно двумстам тысячам франков, и при этом они вовсе не считают чем-то зазорным для себя продолжать обрабатывать землю, которая принесла им богатство и на которой они живут свободными людьми.

Письмо десятое

О ТОРГОВЛЕ

Торговля, обогатившая английских горожан, способствовала их освобождению, а свобода эта, в свою очередь, вызвала расширение торговли; отсюда и рост величия государства: именно торговля мало-помалу породила морские силы, с помощью которых англичане стали повелителями морей. В настоящее время они располагают почти двумястами военными судами, и потомки, быть может, с удивлением узнают, что маленький остров, имевший в собственном распоряжении лишь немного свинца, олова, земли для сукновален и грубой шерсти, достиг благодаря своей торговле такого могущества, что смог в 1723 году⁷⁵ отправить эти эскадры сразу в три различных конца света: одну – к Гибралтару, который был завоеван и подчинен ее оружием, другую – в Портобелло, дабы лишить короля Испании радости наслаждения индийскими сокровищами, и третью – в Балтийское море, дабы воспрепятствовать междоусобице северных держав.

В то время, когда Людовик XIV наводил ужас на Италию и когда его армии, уже овладевшие Савойей и Пьемонтом, готовы были взять Турин, случилось, что принц Евгений⁷⁶ выступил из сердца Германии на помощь герцогу Савойскому; у него не было за душой ни гроша, а ведь без денег нельзя ни брать, ни защищать города, и он обратился к английским купцам: за полчаса ему было предложено пятьдесят миллионов, с помощью которых он освободил Турин, сразился с французами, после чего отправил тем, кто предоставил ему упомянутую сумму, маленькую записочку: "Господа, я получил ваши деньги и льщу себя надеждой, что употребил их к вашему вящему удовлетворению".

Все это вызывает у английского купца справедливое чувство гордости и заставляет его, не без некоторого основания, сравнивать себя с римским гражданином, поэтому младшие сыновья пэров королевства вовсе не пренебрегают коммерцией. Милорд Таунсенд¹⁷, премьер-министр, имеет брата, довольствующегося положением торговца в Сити. Когда милорд Оксфорд⁷⁸ управлял Англией, его младший сын был комиссионером в Алеппо, откуда не хотел возвращаться на родину и где он умер.

Обычай этот, правда, чересчур сильно распространившийся, представляется чудовищным немцам, помешанным на своих казармах: они не могут взять в толк, как это сын английского пэра может быть всего лишь богатым и могущественным буржуа, в то время как в Германии повсюду одни только принцы. Нам случилось видеть там до тридцати высочеств, носящих одно и то же имя, все состояние которых составляют их герб и их высокомерие.

Во Франции распоряжаются маркизы, и любой из них, прибыв в Париж из глубокой провинции с шальными деньгами и титулом маркиза Ака или Иля, может говорить о себе: "Человек, подобный мне, человек моего положения" – и гордо презирать негоцианта; сам негоциант так часто слышит презрительные отзывы о своей

профессии, что имеет глупость за нее краснеть. Однако я не знаю, какая из этих двух профессий полезнее государству – профессия ли напудренного вельможи, которому точно известно, в какое время встает ото сна король и когда он ложится, и который принимает величественный вид, играя роль прихлебателя в приемной министра, или же профессия негоцианта, обогащающего свою страну, раздающего из своего кабинета приказания Суратту и Каиру и содействующего процветанию всего света.

Письмо одиннадцатое

ПРИВИВКА ОСПЫ

В христианской Европе потихоньку именуют англичан глупцами и сумасбродами: глупцами – потому что они прививают оспу своим детям для того, чтобы помешать их заболеванию этим недугом; безумцами – потому что они с легким сердцем заражают своих детей неизбежной страшной болезнью, имея в виду предотвратить сомнительную беду. На это англичане, в свою очередь, возражают: "Все европейцы, кроме нас, – трусы и извращенцы; трусы они потому, что боятся причинить малейшую боль своим детям, извращенцы же потому, что дают им в один прекрасный день умереть от оспы". Дабы можно было судить о том, кто прав в этом споре, я изложу историю этой пресловутой прививки, о которой за пределами Англии говорят с таким ужасом.

У черкесских женщин с незапамятных времен существует обычай прививать оспу своим детям, даже с шестимесячного возраста: им делается надрез на руке и в этот надрез вводится пустула, аккуратно снятая с тела другого ребенка. Пустула эта производит в руке, в которую она введена, такое же действие, как дрожжевая закваска в куске теста: она вызывает брожение и распространяет по всей крови свои характерные свойства; нарывчики ребенка, которому привили эту искусственную оспу, служат для прививки той же болезни другим детям; таков почти постоянный круговорот этой прививки в Черкесии; и когда, по несчастью, в стране совсем исчезает оспа, там царит такое же замешательство, как в других странах в неурожайный год.

Причина, послужившая в Черкесии утверждению этого обычая, кажущегося столь странным другим народам, существует тем не менее повсеместно: это материнская нежность и забота.

Черкесы бедны, а дочери их красивы, и потому из своих дочерей они извлекают максимум выгоды: они поставляют красавиц в гаремы султана, персидского суфия и всех тех, кто достаточно богат для того, чтобы покупать и содержать этот драгоценный товар; они возвращают дочерей в чести и холе, дабы научить их ласкать мужчин, исполнять пляски, полные неги и сладострастия, разжигать самыми сластолюбивыми способами и средствами похоть горделивых господ, служению которым они предназначены; несчастные эти создания каждодневно твердят свой урок со своими мамашами, подобно тому как наши девочки твердят свой катехизис, ничего в нем не смысла.

Однако нередко случается, что отец и мать, затратив огромный труд на хорошее воспитание своих детей, внезапно видят себя обманутыми в своих лучших надеждах: на семью обрушивается оспа, одна дочь умирает, другая теряет глаз, третья выздоравливает, но остается с раздутым носом, и бедные эти люди оказываются безнадежно разоренными. Зачастую, когда заболевание оспой принимает эпидемический характер, торговля полностью прерывается на ряд лет, а это производит заметные опустошения в сералях Персии и Турции.

Торгующая нация всегда очень крепко стоит на страже своих интересов и не пренебрегает никакими знаниями, способными принести пользу ее торговле. Черкесы заметили, что на тысячу человек едва ли найдется один, который заразился бы дважды настоящей оспой, и на самом деле иногда переносят трижды или четырежды легкую оспу, но никогда не болеют двумя выраженными и опасными формами; одним словом, они поняли, что в действительности этой болезнью дважды в своей жизни не болеют. Они заметили также, что, когда оспа носит наиболее благоприятный характер и ее высыпание поражает только тонкий и нежный кожный покров, она не оставляет никаких следов на лице. Из этих естественных наблюдений они сделали вывод, что, если шестимесячный или годовалый ребенок перенесет благоприятную форму оспы, он от нее не умрет, не будет обезображен ее следами и расквитается с этой болезнью на всю свою будущую жизнь.

Итак, оставалось лишь сберечь своим детям жизнь и красоту при помощи сделанной в добрый час прививки. Это и было достигнуто тем, что в тело ребенка вводили гнойничок, взятый от наиболее полноценной оспы, имеющей в то же время самый, какой только возможен, благоприятный исход.

Опыт не мог не увенчаться успехом. Турки, люди весьма здравомыслящие, тотчас же переняли этот обычай, и ныне нет в Константинополе того паши, который не прививал бы оспу своему сыну или дочери, отнимая их от груди матери.

Некоторые утверждают, что черкесы некогда переняли этот обычай у арабов, но мы прольем свет на этот исторический факт с помощью некоего ученого бенедиктинца, не преминувшего составить по его поводу несколько томов *in-folio*, наполненных доказательствами. Все, что я имею сказать по этому вопросу, есть следующее: в царствование Георга Первого мадам Уортлей-Монтэгу, одна из умнейших английских женщин, обладавшая к тому же огромным влиянием на умы, во время посольской миссии своего мужа в Константинополе приняла решение без лишних колебаний привить оспу ребенку, рожденному ею в этой стране. Капеллан ее мог ей сколько угодно твердить, что это не христианский обычай, приносящий успех лишь неверным, — сын⁷⁹ мадам Уортлей чувствовал себя после прививки великолепно. По возвращении в Лондон эта дама поделилась своим опытом с принцессой Галльской, нынешней королевой⁸⁰. Следует признать, что независимо от титулов и корон принцесса эта была рождена для поощрения всевозможных искусств и для блага людей; она — очаровательный философ на троне, ни разу в жизни не упустивший случая пополнить свое образование или проявить свою щедрость. Именно она, услышав разговоры о том, что жива еще дочь Мильтона⁸¹ и что живет она в нищете, тут же послала ей дорогой презент; именно она покровительствует этому бедняге отцу Курайэ; именно она снизошла до того, чтобы стать посредницей между доктором Кларком и г-ном Лейбницем⁸². С того момента, как до нее дошли слухи о прививке, или внедрении, оспы, она велела произвести опыт на четырех преступниках, осужденных на смерть: тем самым она вдвойне спасла им жизнь, ибо она не только избавила их от виселицы, но и с помощью искусственно привитой оспы предоохранила их от возможного заболевания натуральной оспой, от которой они могли умереть с течением времени.

Принцесса, убедившись в пользе эксперимента, велела привить оспу своим детям. Англия последовала ее примеру, и с этого времени по меньшей мере десять тысяч первенцев обязаны своей жизнью королеве и мадам Уортлей-Монтэгу и столько же дочерей обязаны им своей красотой.

На сто человек в мире приходится по меньшей мере шестьдесят болеющих оспой, а из этих шестидесяти в самые благоприятные годы умирают двадцать человек и двадцать сохраняют на всю жизнь ее пагубные следы; таким образом, болезнь эта наверняка убивает или обезображивает пятую часть человечества. Из всех тех, кому была привита оспа в Турции или Англии, не умирает ни один человек, если только он не болен и не обречен на смерть по другим причинам; никто из них не бывает отмечен следами оспы, и никто не болеет ею во второй раз, если только прививка была сделана по всем правилам. Несомненно, если бы какая-нибудь супруга французского посла поведала Парижу этот константинопольский секрет, она оказала бы бессмертную услугу своей нации; во всяком случае, герцог де Вийкье, отец нынешнего герцога Омонтского, один из самых крепких и здоровых людей во Франции, не умер бы в расцвете своих лет.

Принц Субизский, пользовавшийся самым блестящим здоровьем, не был бы унесен смертью в возрасте двадцати пяти лет: его высочество дед Людовика XV⁸¹ не был бы похоронен на пятидесятом году своей жизни, и двадцать тысяч человек, умерших в Париже от оспы в 1723 году, были бы сейчас живы. В чем же дело? Ужели французы совершенно не любят жизнь, а их жены совсем не заботятся о своей красоте? Поистине. Мы странные люди. Возможно, мы перейдем этот английский метод еще через десять лет, если только нам разрешат это приходские священники и врачи, а может случиться и так, что французам уже через три месяца придет в голову фантазия делать себе прививки, если англичане в силу изменчивости своей природы утратят к ним вкус.

Я узнал, что уже сто лет как китайцы практикуют у себя этот обычай; пример нации, слывающей самой мудрой и цивилизованной во вселенной, должен считаться серьезным прецедентом. Правда, китайцы пользуются иным приемом: они не делают никаких надрезов, но дают вдохнуть оспенный пузырек через нос, как понюшку

табаку. Способ это более приятен, но эффект он дает тот же самый и позволяет точно таким же образом утверждать, что, если бы во Франции существовала практика прививок, была бы спасена жизнь тысячам людей.

Письмо двенадцатое

О КАНЦЛЕРЕ БЭКОНЕ⁸⁴

Совсем недавно в одной знаменитой компании был поднят известный пустой и банальный вопрос: кто из великих людей – Цезарь, Александр. Тамерлан⁸⁵ или Кромвель и т.д. – был более велик?

Один из участников спора сказал, что, вне всякого сомнения, самым великим был Исаак Ньютон; он оказался прав, ибо если истинное величие состоит в том, чтобы, получив в дар от неба мощный талант, использовать его для самообразования и просвещения других, то человек, подобный г-ну Ньютону, едва ли встречающийся однажды на протяжении десяти веков, действительно велик, в то время как все эти политики и завоеватели, без которых не обошлось ни одно столетие, обычно суть не что иное, как именитые злодеи. Мы чтим тех, кто владеет умами силою своей правды, но не тех, кто путем насилия создает рабов; тех, кто познал вселенную, а не тех, кто ее обезобразил.

Однако, поскольку вы требуете, чтобы я рассказал вам о знаменитых людях, порожденных Англией, я начну с Бэкона, Локка, Ньютона и им подобных. Очередь генералов и министров наступит позже.

Первым здесь следует назвать знаменитого барона Веруламского, известного в Европе под фамильным именем Бэкон. Он был сыном лорда – хранителя печати и в течение долгого времени занимал должность канцлера при короле Якове 186. Тем не менее среди придворных интриг и забот по своей должности, требовавшей полной самоотдачи, он нашел время, чтобы стать великим философом, добросовестным историком и изящным писателем, причем еще более поразительно то, что он жил в столетие, которому искусство изящного слога было совсем неведомо и еще менее была введена здравомыслящая философия. Как это обычно среди людей, он был более чтим после своей кончины, чем при жизни: врагами его были лондонские придворные, поклонниками – люди всей Европы.

Когда маркиз д'Эффиа привез в Англию принцессу Марлю, дочь Генриха Великого, которой предстояло стать супругой принца Галльского, министр этот отправился с визитом к Бэкону, прикованному тогда болезнью к ложу и принявшему его поэтому за задернутым занавесом. "Вы напоминаете ангелов, сказал ему д'Эффиа. – О них постоянно слышишь, их считаешь существами гораздо более возвышенными, чем люди, но никогда не пользуешься утешительным счастьем их видеть".

Вам известно, Месье, каким образом Бэкон был обвинен в преступлении, совершенно несвойственном философу, а именно в том, что он дал подкупить себя деньгами. Вы также знаете, что он был присужден палатой пэров к штрафу в четыреста тысяч ливров в нашей монете и лишен своего звания канцлера и пэра.

Ныне англичане чтят его намять настолько, что не желают признавать за ним этой вины. Если вы зададите мне вопрос, что я думаю по этому поводу, я воспользуюсь для ответа словами, которые слышал от милорда Болинброка: в его присутствии говорили о скупости, в которой обвинялся герцог Мальборо, и перечисляли характерные его черточки, в свидетели подлинности которых призывался милорд Болинброк, бывший его открытым врагом; он с легкостью мог сказать, как обстояло дело в действительности, однако ответил: "Это был столь великий человек, что я позабыл о его пороках".

Я ограничусь здесь рассказом о том, что принесло канцлеру Бэкону уважение всей Европы.

Самый примечательный и лучший из его трудов – тот, что сегодня наименее читаем и наиболее бесполезен: я имею в виду его "Novum scien-tiarum organum"⁸⁷ – тот помост, на котором была воздвигнута новая философия; когда же здание ее было построено, хоть и наполовину, помост потерял какое бы то ни было значение.

Канцлер Бэкон еще не знал природы, но он знал и указал нее пути, ведущие к ней. Он пренебрег в добрый час всем тем, что в университетах именуется философией, и

Вольтер философские письма filosoff.org
сделал все зависящее от него, чтобы эти общества, учрежденные ради усовершенствования человеческого разума, перестали сбивать его с толку своими чтойностями, боязнь пустоты. субстанциальными формами и всеми этими претенциозными словечками, которые не только невежество сделало уважаемыми, но и смехотворная путаница с религией превратила почти в святыни.

Бэкон – отец экспериментальной философии, но, правда, до него были раскрыты поразительные секреты. Были открыты: компас, книгопечатание, эстампная гравюра, живопись маслом, стеклянные зеркала, искусство возвращать старикам зрение с помощью увеличительных стекол.

"Новый органон наук" (лат..) – Примеч. Переводчика..

именуемых "очками", порох и т.д. Был исследован, найден и завоеван новый мир. Кто бы не подумал, что эти открытия были сделаны более крупными философами и в гораздо более просвещенное время, чем нынешнее? Но ничуть не бывало: именно во времена самого тупого варварства произошли на Земле эти огромные перемены; почти все эти изобретения были делом случая, и весьма вероятно, что именно случай, как это принято называть, сыграл немалую роль в открытии Америки; по крайней мере, всегда считалось, что Христофор Колумб совершил свое путешествие исключительно потому, что поверил на слово капитану судна, заброшенного бурей на широту Карибских островов.

Как бы то ни было, люди уже научились отправляться на самый край света, они умели разрушать города при помощи искусственного взрыва, более ужасного, чем природный гром; но они ничего не знали о циркуляции крови, о весе воздуха, законах движения, свете, о количестве наших планет и т.д., и человек, умеющий защищать тезис, касающийся Аристотелевых категорий или универсалии *a parte rei**, а также любую подобную чушь, считается пророком.

Самые поразительные и полезные открытия не делают тем не менее самой высокой чести человеческому уму.

Мы обязаны всеми искусствами механическому инстинкту, присущему большинству людей, но вовсе не рациональной философии.

Конечно, открытие огня, искусство хлебопечения, плавки и изготовления металлов, постройки жилищ, изобретение ткацкого челнока вызваны к жизни потребностями совсем иного рода, чем те, что породили книгопечатание и компас, но при всем том искусства эти были изобретены еще дикарями.

Какого только изумительного употребления не сделали греки и римляне из механических изобретений? А между тем в их времена верили, будто существует хрустальное небо⁸⁸ и звезды – это маленькие светильники, падающие иногда в море, а один из их великих философов после тщательных изысканий пришел к выводу, что звезды – это кусочки кремния, отделившиеся от земли⁸⁹.

Одним словом, до канцлера Бэкона никто и не слыхивал об экспериментальной философии, а из всех физических экспериментов, поставленных после него, нет почти ни единого, который не был бы упомянут в его книге. Он сам осуществил некоторые из них, создал различные виды пневматических машин, с помощью которых разгадал упругость воз духа; отсюда он шаг за шагом извлекал представление о его весомости, он подошел к этому вплотную; за истину эту ухватился потом Торичелли⁹⁰. По прошествии небольшого времени экспериментальная физика внезапно стала культивироваться одновременно почти во всех частях Европы.

* обособленной от реалии (лат) – Примеч. переводчика.

Это был скрытый клад, о котором Бэкон догадывался и который все философы, воодушевленные его обещанием, постарались извлечь на свет. Но что более всего меня потрясло, это найденное мной в его книге четкое определение притяжения – того новшества, изобретателем которого слывет господин Ньютон.

"Надо исследовать, – пишет Бэкон, – не существует ли вообще некоего рода магнетической силы, которая действует между Землей и тяжелыми предметами, между Луной и океаном, между планетами и т.д."

В другом месте он пишет:

"Необходимо, чтобы тяжелые тела либо сами устремлялись к центру Земли, либо чтобы между ними и этим центром существовало взаимное притяжение, причем в этом последнем случае ясно, что, чем больше тела, падая, приблизятся к Земле, тем более сильное притяжение они будут испытывать. Надо, - продолжает он, - опытным путем исследовать, пойдут ли одни и те же гиревые часы быстрее на вершине горы или на дне шахты; если сила гирь уменьшается на горе и увеличивается в шахте, становится очевидным, что Земля обладает истинным притяжением".

Этот предтеча в области философии был также изящным стилистом, историком, остроумнейшим человеком.

Его эссе о морали⁹¹ высоко ценятся, но они написаны скорее с нравоучительной целью, чем с развлекательной; они не содержат в себе ни сатиры на человеческую природу, подобную изречениям г-на Ларошфуко⁹², ни философии скептицизма, как у Монтеня⁹³, и потому их меньше читают, чем эти две искусные книги.

Его "История Генриха VII"⁹⁴ считалась шедевром, но я сделал бы большую ошибку, если бы решился сравнить ее с трудом нашего прославленного де Ту⁹⁵.

Вот каким образом выражается канцлер Бэкон, говоря о пресловутом обманщике и самозванце Паркинсе⁹⁶, еврее по происхождению, дерзостно принявшем по наущению герцогини Бургундской имя Ричарда IV короля Англии:

"Приблизительно в это время короля Генриха обуяли злые духи, вызванные магическими заклинаниями герцогини Бургундской, призвавшей из преисподней тень Эдуарда IV, дабы она мучила короля Генриха.

После того как герцогиня Бургундская подучила Паркинса, она принялась прикидывать, в какой области неба устроить появление этой кометы, и решила, что сначала она должна засверкать на горизонте Ирландии".

Мне думается, что наш мудрый де Ту совсем не пользуется таким стилем, считавшимся некогда возвышенным, но в наше время резонно именуемым галиматъей. Быть может, никогда не существовало более мудрого методического ума и более точной логики, чем у г-на Локка, а между тем он вовсе не был великим математиком. Он никогда не умел отдалиться целиком утоми тельным вычислениям и сухим математическим истинам, не дающим, прежде всего, ничего ни уму, ни сердцу, и никто лучше него не доказал, что можно обладать геометрическим умом без содействия геометрии. До него великие философы рассуждали о том, что такое человеческая душа, но, так как они ничего равным счетом в этом не понимали, естественно. мнения их по этому поводу полностью расходились.

В Греции, колыбели искусств и заблуждений, где величие и вздорность человеческого ума завели его в непроходимые дебри, так же как у нас, велись рассуждения о душе.

Божественный Анаксагор, которому был воздвигнут алтарь за то, что он поведал людям, будто Солнце больше Пелопоннеса, снег черен, а небеса сделаны из камня, утверждал, что душа - это воздушное дуновение и притом бессмертное.

Другой такой же философ, Диоген, ставший киником после того, как он подвизался в качестве фальшивомонетчика, уверял, будто душа - это частица субстанции самого бога; идея эта, по крайней мере, была блестящей.

Эпикур⁹⁷ сделал душу составленной из частиц, как тело. Аристотель⁹⁸. истолкованный на тысячу различных ладов из-за невразумительности своих писаний, считал, если верить здесь некоторым его ученикам, что разум всех людей - это одна и та же субстанция.

Божественный Платон, учитель божественного Аристотеля, и божественный Сократ, учитель божественного Платона, считали душу телесной и бессмертной: вне всякого сомнения, им пояснил, как с этим обстоит дело, гений Сократа. Правда, существуют люди, утверждающие, будто человек, похваляющийся тем, что в его распоряжении имеется собственный гений, несомненно, либо глупец, либо плут; однако люди эти чересчур уж придиричивы.

Что до наших отцов церкви, то многие из них в первые века верили, будто

Человечество шаг за шагом становится все утонченнее. Святой Бернар¹⁰¹, по мнению отца Мабильона¹⁰², учил о душе, что после смерти [человека] она вовсе не созерцает Бога на небесах, но общается лишь с народом Христовым; однако на сей раз мы не верим ему на слово. Авантюра крестового похода несколько дискредитировала его прорицания. Затем появились тысячи схоластов – всякие там доктора негибимые, утонченные, ангельские, серафические, херувимские¹⁰³, и все они были вполне уверены в том, что имеют весьма ясное представление о душе, однако старались говорить о ней так, как если бы хотели лишь одного, а именно, чтобы ни одна живая душа ничего в этом не поняла.

Наш Декарт¹⁰⁴, рожденный для того, чтобы вскрыть заблуждения античности, но также и для того, чтобы на их место водрузить свои собственные, будучи увлечен духом систематизации, ослепляющим самых великих людей, вообразил, что сумел доказать, будто душа – то же самое, что мышление, подобно тому как материя, по его мнению, то же самое, что протяженность; он уверял, что люди мыслят постоянно и что душа прибывает в тело, заранее снабженная всеми метафизическими понятиями, имеющая представления о Боге, пространстве и бесконечности, обладающая всеми абстрактными идеями и, наконец, преисполненная всех тех прекрасных знаний, которые она, к несчастью, забывает, когда выходит из материнского чрева.

Г-н Мальбранш, член конгрегации ораторианцев, в своих возвышенных иллюзиях не только допустил врожденные идеи, но даже не сомневался в том, что мы живем целиком и полностью в Боге и Бог, так сказать, и есть наша душа.

В то время как множество резонеров создавали роман о душе, явился мудрец, скромно написавший ее историю. Локк развернул перед человеком картину человеческого разума, как превосходный анатом объясняет механизм человеческого тела. Всюду он пользовался светочем физики, иногда он осмеливается утверждать, но осмеливается также и сомневаться; вместо того чтобы сразу же дать определение всему тому, чего мы не знаем, он шаг за шагом исследует то, что мы хотели бы знать. Он исследует ребенка с момента его рождения, постепенно прослеживает развитие его сознания, усматривает, что общего у него с животными и в чем он их превосходит, особенно беря в свидетели самого себя, показания собственной сознательной мысли.

"Я оставляю тем, – говорит он, – кто разбирается в этом лучше меня, рассуждать, получает ли наша душа существование до или после формирования нашего тела; но признаюсь, мне выпала на долю одна из тех грубых душ, что мыслят не непрерывно; более того, я имею несчастье не понимать, почему душе больше необходимо постоянно мыслить, чем телу – постоянно находиться в движении".

Что до меня, то я горжусь честью быть в этом пункте таким же тупицей, как Локк: ни одна живая душа никогда не заставит меня поверить, будто я постоянно мыслю; и я не более, чем он, чувствую себя настроенным воображать, будто уже через несколько недель после моего зачатия обладал весьма ученой душой, знавшей тогда тысячи вещей, кои я позабыл, рождаясь на свет, и без всякой пользы располагавшей в материнской утробе знаниями, ускользнувшими от меня как раз и тот момент, когда они могли мне понадобиться; вдобавок ко всему я никогда не сумел их себе вернуть.

Вдребезги разбив врожденные идеи и полностью отвергнув тщеславное убеждение, будто мы постоянно мыслим, Локк устанавливает, что все наши идеи мы получаем через ощущения, исследует наши простые идеи, а также и более сложные, прослеживает человеческое сознание во всех его функциях, показывает, насколько несовершенны языки, которыми пользуются люди, и как мы постоянно злоупотребляем словами.

Наконец, он подходит к рассмотрению объема, или, точнее сказать, ничтожности человеческих знаний. Именно в этом разделе он осмеливается скромно произнести следующие слова: Быть может, мы никогда не сумеем узнать, мыслит ли или нет чисто материальное существо.

Эти мудрые слова показались многим теологам скандальным заявлением, утверждающим материальность и смертность души.

Некоторые англичане, верные своему обычаю, забили тревогу. Суеверные люди в

обществе – то же самое, что трусы в армии: они сами пишут панические страхи и заражают ими других. Раздались вопли, что Локк решил испровергнуть религию. Однако здесь шла речь вовсе не о религии: это был чисто философский вопрос, совершенно независимый от веры и откровения; нужно было только беспристрастно исследовать, существует ли какое-то противоречие в положении: материя способна мыслить и может ли Бог сообщить материи мышление. Однако теологи слишком часто начинают кричать об оскорблении Бога в тех случаях, когда кто-то не согласен с ними самими. Это очень напоминает скверных поэтов, вопивших, что Депо105 оскорбляет величество, в то время как он смеялся только над ними.

Доктор Стиллингфлит106 заслужил себе репутацию умеренного теолога тем, что не поносил откровенно Локка. Он вступил с ним в полемику, однако был побежден: дело в том, что он рассуждал как доктор теологии, Локк же – как философ, знакомый с силой и слабостью человеческого ума и сражавшийся оружием, крепость закалки которого была ему хорошо известна.

Если бы я осмелился после г-на Локка говорить на столь щекотливую тему, я бы сказал, что люди уже очень давно спорят по поводу природы и бессмертия души. Что до бессмертия души, то доказать его невозможно, поскольку спор пока идет еще о ее природе и, разумеется, надо познать творение до основания раньше, чем решать, бессмертно оно или нет. Разум человеческий сам по себе столь мало способен доказать бессмертие души, что религия вынуждена была сообщить нам о нем при помощи откровения. Всеобщее благо людей требует веры в бессмертную душу, религия нам это повелевает – чего же более, вопрос решен. На самом деле природа души вовсе не такова, и для религии совершенно безразлично, что представляет собой субстанция души, была бы она только добродетельной; душа – это часовой механизм, данный нам для самоуправления, однако мастер не сообщил нам, из чего сделана движущая пружина этого механизма.

Я – тело, и я мыслю: это все, что я знаю. Стану ли я приписывать неведомой причине то, что я с такой легкостью могу приписать лишь второй причине, которая мне знакома? Но тут все схоластические философы пресекают мою аргументацию, провозглашая: "У тела нет ничего, кроме протяженности и плотности, а потому оно может обладать лишь движением и формой. Но движение и форма, протяженность и плотность не могут порождать мысль, а следовательно, душа не может быть материальной". Все эти грандиозные рассуждения, многократно повторяемые, сводятся лишь к следующему: "Я совершенно не знаю материи и лишь приблизительно угадываю некоторые ее свойства; однако я абсолютно не знаю, можно ли связывать эти свойства с мыслью. Все же, поскольку я ничего не знаю, я положительно утверждаю, что материя не умеет мыслить". Таков примерный метод рассуждения схоластов. Локк попросту ответил бы этим господам: "Признайтесь, по крайней мере, что вы так же невежественны, как я: ни ваше, ни мое воображение не способны постичь, каким образом тело может иметь идеи, но лучше ли вы понимаете, каким образом может их иметь субстанция, что бы она собой ни представляла? Вы не постигаете ни материи, ни духа, как же смеете вы что-либо утверждать?".

Тут выскакивает вперед педант и заявляет, что во имя спасения их собственных душ надо сжечь всех тех, кто предполагает, будто можно мыслить с помощью одного только тела. Но что бы эти господа сказали, если бы оказалось, что именно им вменяется в вину безверие? В самом деле, кто из людей, если только он не вздорный нечестивец, посмеет утверждать, будто Творец не способен сообщить материи мысль и чувство?! Посмотрите же, прошу вас, в какое трудное положение вы попали, если ограничиваете таким образом могущество Творца! животные обладают теми же органами, что и мы, теми же ощущениями, теми же восприятиями; у них есть память, они способны комбинировать некоторые идеи. Если Бог не способен был одушевить материю и сообщить ей ощущение, то одно из двух: либо животные – просто механизмы, либо они обладают духовной душой.

Мне представляется почти доказанным, что животные не могут быть простыми машинами, и вот мой довод: Бог создал для них точно такие же органы чувств, что и для нас, а значит, если они ничего не чувствуют, он проделал бесполезную работу. Но Бог, по вашему собственному признанию, ничего не делает зря, а значит, он не мог сотворить столько органов чувств во имя полного отсутствия ощущения: итак, животные вовсе не являются только машинами.

Согласно вашему мнению, животные не могут обладать духовной душой, следовательно, остается утверждать лишь одно, а именно; что вопреки вам Бог сообщал материальным органам зверей способность чувствовать и замечать, каковую

Вольтер философские письма filosoff.org
вы именуете их инстинктом.

Но кто мог помешать Богу сообщить нашим более утонченным органам эту способность чувствовать, замечать и мыслить, именуемую нами человеческим разумом? Куда вы ни повернетесь, вы вынуждены будете признать собственное невежество и необъятное могущество Творца; так не восставайте же больше против мудрой и непритязательной философии Локка: она вовсе не противоречит религии и, наоборот, помогает ей доказательством, если религия в этом нуждается. В самом деле, может ли существовать более религиозная философия, чем эта, которая, не утверждая ничего, кроме вещей, до конца ей понятных, и умея признавать свою слабость, говорит вам, что, как только вы приступаете к исследованию первопричин, надо тотчас же прибегать к Богу.

Впрочем, никогда не следует бояться, что какая-либо философская мысль может повредить отечественной религии. И хотя наши таинства находятся в великолепном противоречии с нашими доказательствами, их тем не менее высоко чтят христианские философы, понимающие, что объекты разума и веры имеют различную природу. Никогда в жизни философы не образуют религиозную секту. А почему? Да потому, что они пишут не для толпы и, помимо этого, им чужд фанатизм.

Разделим человеческий род на двадцать частей. Девятнадцать из них будут составлять те, кто живет трудом своих рук и кому никогда не придет в голову, что на свете жил некий г-н Локк; и как же мало в оставшейся двадцатой части людей, привыкших читать! А среди тех, кто читает, на двадцать человек, зачитывающихся романами, приходится всего один, штудирующий философию; число же тех, кто мыслит, вообще крайне невелико, и людям этим не приходит в голову блажь сотрясать мир.

Ни Монтень, ни Локк, ни Бейль¹⁰⁷, ни Спиноза¹⁰⁸, ни Гоббс¹⁰⁹, ни милорд Шефтсбери¹¹⁰, ни г-н Коллинз¹¹¹, ни г-н Толанд¹¹² и т.д. не зажгли факела раздора в своем отечестве: большей частью такими людьми оказывались теологи; они питают честолюбивые чаяния главарей сект, но кончается это обычно тем, что они стремятся стать во главе партий.

Да что там говорить! Все книги новейших философов, вместе взятые, никогда не устроят в мире такого шума, какой вызвал некогда один лишь диспут францисканцев¹¹³ по поводу фасона их рукавов и капюшона.

Приложение первое

ПИСЬМО О ДУШЕ (ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПИСЬМА XIII)

Письмо о г-не Локке

Надо признаться, что, когда я читал непогрешимого Аристотеля, божественного Платона, Доктора утонченного и Доктора ангельского, я принял все эти эпитеты за шуточные клички. Я не увидел в философах, трактовавших вопрос о человеческой душе, ничего, кроме слепцов, преисполненных безрассудства и очень болтливых; они силятся убедить, что обладают орлиным взором, других слепцов, любопытных и вздорных, верящих им на слово и тотчас же начинающих воображать, будто и они кое-что усмотрели.

Не скрою, я помещаю в ряд этих мастеров ошибок Декарта и Мальбранша. Первый из них уверяет нас, что душа человека – это субстанция, сущность которой – мышление, что она постоянно мыслит и в материнской утробе занята великими метафизическими идеями или не менее замечательными всеобщими аксиомами, которые в дальнейшем позабывает.

Что до отца Мальбранша, то он вполне убежден, будто мы усматриваем все в Боге; он приобрел сторонников, потому что именно самые дерзновенные басни лучше всего усваиваются слабым воображением людей. Многие философы создавали роман о душе, но наконец явился мудрец, скромно написавший ее историю. Я вам сейчас вкратце изложу эту историю в соответствии с тем, как я ее разумею. Я отлично понимаю, что никто в целом свете не согласится с идеями г-на Локка; может статься, г-н Локк прав в отношении Декарта и Мальбранша и не прав перед Сорбонной; я ни за что здесь не отвечаю: я пишу, следуя светочу философии, а не откровениям веры. Мне свойственно всего лишь человеческое мышление; теологи принимают божественные решения – что ж, это совсем иное дело. Разум и вера имеют противоположную

природу. Одним словом, я даю краткое изложение г-на Локка, которое я подверг бы критике, если был теологом, и которое я на мгновение допускаю как чистую гипотезу, как догадку бесхитростной философии.

Говоря по-человечески, речь идет о том, чтобы понять, что такое душа.

1) Слово душа принадлежит к тем словам, которые всякий произносит, не понимая их смысла. Мы понимаем лишь вещи, относительно которых имеем какую-либо идею; но у нас нет никакой идеи души, или разума, следовательно, мы его не понимаем.

2) Мы предпочитаем именовать "душой" способность думать и чувствовать, подобно тому как мы именуем зрением способность видеть, волей способность желать и т.д.

Но потом явились резонеры, заявившие: "Человек состоит из материи и духа: материя протяженна и делима, дух – не протяжен и неделим; итак, он иной природы, – утверждают они, – итак, человек – это сочетание сущностей, не имеющих друг к другу никакого отношения и объединенных между собой Богом вопреки их природе. Мы имеем приблизительное представление о теле, но совсем не имеем представления о душе; последняя не поделена на части, следовательно, она вечна; она обладает чистыми духовными идеями, а значит, она не может их получить от материи, она не получает их также и от самой себя, следовательно, их дарует ей Бог, и, значит, рождаясь, она несет в себе идею Бога, бесконечности и все прочие всеобщие идеи".

По-прежнему рассуждая как человек, я отвечаю этим господам, что они весьма ученые люди. Сначала они предполагают существование души, а потом говорят нам, чем она должна быть; они произносят слово "материя", а затем точно решают, что она собой представляет. Я же со своей стороны говорю им: "Вы не знаете ни материи, ни духа; в связи с духом вы можете вообразить лишь способность мышления; в связи с материей вы не в состоянии представить себе ничего, кроме определенного сочетания качеств – цветов, протяженности, плотности; вам взбрело на ум именовать это материей, и вы обозначили границы материи и души раньше, чем убедились хотя бы в существовании той и другой. Но по поводу материи вы серьезно учите, будто в ней нет ничего, кроме протяженности и плотности; я же скромно вам укажу, что ей присущи тысячи свойств, о которых ни вам, ни мне ничего не известно. Вы утверждаете, что душа неделима, вечна, и, таким образом, допускаете то, что само находится под вопросом.

Вы очень напоминаете того регента колледжа, который, ни разу и своей жизни не видав часов, внезапно стал обладателем английских часов с репетицией. Человек этот, честный перипатетик, был потрясен точностью, с которой стрелки отмеряют и указывают время, и еще больше был поражен тем, что кнопка, когда ее нажимают пальцем, отбивает в точности тот самый час, на который указывает стрелка. Философ мой тотчас же заключил, что у этого механизма есть душа, им управляющая и перемещающая его пружины, и он научно доказал свою мысль путем сравнения с ангелами, сообщающими движение небесным сферам; таким образом он защитил в своем классе тезис, касающийся души часов. Тогда один из его учеников вскрывает часы: он не видит там ничего, кроме пружин, а между тем система души продолжает действовать, ибо она считается доказанной. Я – этот ученик: давайте вскроем часы, именуемые человеком, и вместо того, чтобы храбро определять то, чего мы не знаем, попробуем шаг за шагом исследовать то, что мы желали бы узнать.

Возьмем ребенка в момент его рождения и проследим поступательный ход развития его разума. Вы оказываете мне честь сообщением, что Бог взял на себя труд создать душу, дабы поместить ее в это тело.

По прошествии примерно шести недель душа эта прибывает на место, вооруженная метафизическими идеями и весьма точным знанием Бога, духа, абстрактных понятий и бесконечности, одним словом, она является в качестве весьма ученой особы. Но, увы, из чрева матери она выходит грубо невежественной; 18 месяцев она проводит, не ведая ничего, кроме груди своей кормилицы, а когда хотят в возрасте 20 лет вернуть этой душе память обо всех тех ученых идеях, коими она обладала в момент своего слияния с телом, она часто оказывается настолько тупой, что бывает не способна воспринять ни одну из них. Существуют целые народы, никогда в жизни не располагавшие ни единой из этих идей; в самом деле, о чем думали души Декарта и Мальбранша, когда они сочиняли подобные бредни?

Проследим же историю маленького ребенка, не задерживаясь более на фантазиях

философов. В день, когда его мать разрешается им и его душой, в его доме рождаются также собака, кошка и канарейка. К концу третьего месяца я научаю канарейку исполнять менуэт, по истечении полутора лет превращаю собаку в превосходного охотника, кошка уже после шести недель проделывает все свои штуки, а ребенок, когда ему исполняется четыре года, не делает ничего. Я, человек невежественный и грубый, будучи свидетелем этой поразительной разницы и никогда раньше не видав ребенка, сразу предполагаю, что собака, кошка и канарейка – весьма разумные создания, маленький же ребенок – автомат; однако мало-помалу я замечаю, что ребенок этот также обладает идеями. памятью, что у него те же страсти, что у этих животных, и тогда я признаю, что и он, подобно им, разумное существо. Он делится со мной различными идеями при помощи нескольких выученных им слов, так же как моя собака своими разнородными криками точно сообщает мне о различных своих потребностях. Я замечаю, что к 6-7 годам ребенок в своем маленьком мозгу комбинирует почти столько же идей, сколько моя охотничья собака – в своем. Наконец, с возрастом он достигает бесчисленного количества познаний. И что я тогда должен о нем подумать? Поверю ли я, что он – совсем особая натура? Разумеется, нет, ибо вы, наблюдая, с одной стороны, глупца, а с другой г-на Ньютона, утверждаете тем не менее, что они – существа одной и той же породы; следовательно, я с еще большим основанием должен настаивать на том, что моя собака и мой ребенок в основе своей принадлежат к одному и тому же виду и между ними существует лишь количественная разница. Дабы лучше убедиться в правдоподобии моего мнения, я изучаю моего ребенка и мою собаку во время их бодрствования и сна. Я велю делать им – и той, и другому непомерные кровопускания, и тогда кажется, что идеи их вытекают из них вместе с кровью. В этом состоянии я их зову, но они мне больше не отвечают, и, если я выпускаю из них еще несколько порций крови, оба мои механизма, за час до того обладавшие огромным количеством идей и всевозможными страстями, перестают что бы то ни было чувствовать.

Я исследую также обоих моих животных во время их сна; я отмечаю, что собака после чрезмерной еды во сне грезит: она охотится, лает после добычи. Что касается моего молодца, находящегося в подобном же состоянии, то он разговаривает со своей возлюбленной и во сне предается любви. Если тот и другая поели умеренно, ни он, ни она не грезят; в результате я вижу, что их способность чувствовать, воспринимать, выражать свои идеи развилась у них постепенно и ослабевает таким же образом. Я замечаю между ними во сто крат больше связи, чем можно найти между неким интеллектуалом и неким другим человеком, полностью слабоумным.

Какое же, однако, мнение вынесу я относительно их природы? Да то, что имели все народы до того, как египетская политика изобрела духовность и бессмертность души. Я могу подозревать, хоть и с изрядной долей правдоподобия, что Архимед¹¹⁴ и какой-нибудь крот принадлежат к одному и тому же роду, хотя вид их различен: это подобно тому, как дуб и побег горчичного зернышка созданы по одним и тем же принципам, хотя первый большое дерево, а второй – маленькое растеньице.

Я могу думать, что Бог придал частицы разума частицам материи, организованным так, что они способны мыслить; я могу считать, что материя мыслит в соответствии с тонкостью ее ощущений и что именно ощущения – это ворота и мерило наших идей; я могу полагать, что у устрицы, заключенной в раковину, меньше разума, чем у меня, ибо у нее меньшее количество ощущений, и я бы считал, что у нее меньше ощущений и чувств потому, что душа ее, прикрепленная к своей раковине, не нуждается в 5 чувствах. Существует много животных, имеющих всего лишь 2 чувства; у нас их 5, и это совсем не так много: надо полагать, что в других мирах есть другие живые существа, пользующиеся 20 или 30 чувствами, и что существуют иные виды, еще более совершенные, обладающие бесконечным числом чувств.

Мне представляется, что наиболее естественный способ изложения доказательств – догадываться и предполагать. Разумеется, прошло много времени до тех пор, когда люди вообразили себе неведомое существо, живущее внутри нас и все внутри нас совершающее, которое вовсе не есть то же. что мы, и которое живет после нас. По-видимому, к постижению столь дерзновенной идеи можно было прийти лишь постепенно. Сначала слово душа обозначало "жизнь" и было общим для нас и прочих живых существ, но затем наша гордыня сотворила нам отдельную душу и заставила нас вообразить субстанциальную силу всех остальных созданий.

Эта человеческая гордыня потребует от меня затем ответа на вопрос, чем является та способность воспринимать и чувствовать, которую она именует душой в человеке

и инстинктом в животном. Я дам удовлетворительный ответ на этот вопрос, когда университеты мне разъяснят, что такое движение, звук, свет, пространство, тело, время. И тогда я скажу в духе мудрого г-на Локка: "Смысл философии заключается в том, чтобы остановиться, как только нам начинает недоставать светоча физики". Я наблюдаю в природе следствия, но признаюсь вам, что не более вас осведомлен относительно первопричин. Все сказанное мною означает лишь, что я не должен приписывать множеству причин, тем более причинам неизвестным, то, что я могу приписать единственной мне известной причине: ведь я могу приписать способность думать и чувствовать своему телу; итак, я не должен искать эту способность в ином существе, именуемом душою, или духом, о котором я не могу иметь ни малейшего понятия. Разумеется, вы восстанете против этого допущения, вы сочтете безбожием эту смелость – утверждать, будто тело способно мыслить. Но что вы возразите, ответил бы вам г-н Локк. если окажется, что в данном случае вы сами повинны в безбожии – вы, осмеливающиеся ограничивать могущество Бога? И какой человек на земле смеет, не впадая во вздорное нечестие, утверждать, будто для Бога невозможно придать материи чувство и мысль? Слабые и дерзкие существа, вы выдвигаете довод, будто материя вообще не способна мыслить, поскольку вы не постигаете, что может мыслить протяженная субстанция, но разве вы успешнее постигаете, каким образом вообще мыслит субстанция, какой бы она ни была?

Великие философы, выносящие решение относительно могущества Бога и утверждающие, что Бог способен сделать из камня ангела, разве вы не понимаете, что, согласно вашим собственным представлениям, Бог в данном случае только придал бы камню способность мыслить? Ибо, если бы материи камня больше не стало, это уже не был бы камень, превращенный в ангела, это был бы уничтоженный камень и сотворенный ангел. С какой стороны ни возьмись, вы вынуждены признать две вещи – свое собственное невежество и безмерное могущество Творца: свое невежество, восстающее против мыслящей материи, и могущество Творца, для которого, конечно же, в этом нет ничего невозможного.

Зная, что материя не уничтожается, вы тем не менее оспариваете у Бога способность сохранять в этой материи прекраснейшее качество, каким он ее украсил! Протяженность существует сама по себе, без присутствия тел, потому что есть философы, признающие пустоту; среди христиан акциденции спокойно существуют без субстанции, ибо они верят и транссубстанциацию. Бог, говорите вы, не мог создать ничего содержащего в себе противоречие. Это верно, если знать, что мыслящая материя является чем-то противоречивым, но чтобы это утверждать, надо обладать знаниями, коих у вас нет, и, как бы вы ни бились, вы никогда не узнаете больше того, что вы – тела и вы мыслите.

Многие, научившиеся у схоластов ни в чем не сомневаться и принимающие свои силлогизмы за пророчества, а свое суеверие – за религию, считают г-на Локка опасным нечестивцем. Суеверные люди в человеческом обществе – то же самое, что трусы в армии: они питают сами и сеют вокруг себя панические страхи.

Надо быть милосердным и рассеять эти страхи; пусть люди знают, что мнения философов никогда не причиняли вреда религии.

Установлено, что свет исходит от Солнца, и планеты вращаются вокруг этого светила, но это не мешает Библии назидательно поучать, что свет был сотворен до Солнца, и что Солнце остановилось над селением Гаваон.

Доказано, что радуга образуется только дождем; тем не менее мы продолжаем чтить священный текст, гласящий, что Бог водрузил свою дугу в облаках после потопа в знак того, что наводнение больше не предвидится.

Таинства троицы и причастия могут сколько угодно противоречить известным доказательствам, тем не менее католические философы, отлично понимающие разность природы объектов разума и объектов веры, перед ними благоговеют.

Представление об антиподах было осуждено как еретическое папами и соборами, но вопреки этому постановлению люди, признающие и пап и соборы, открыли антиподов и привнесли в их среду ту самую христианскую религию, полным крахом которой считалась возможность обнаружения человека, который имел бы (как тогда говорили) голову внизу, а ноги – вверху по отношению к нам и который, как замечает весьма слабый философ св.Августин, падал бы, таким образом, на небо.

Философы никогда в жизни не нанесут ущерба религии, господствующей в их

Вольтер философские письма filosoff.org
отечестве. Почему? Да потому, что они – не фанатики и пишут не для народа.

Разделите человеческий род на 20 частей. Деятнадцать из них будут состоять из тех, кто живет трудом своих рук и кому никогда не придет к голову, что на свете жил некий г-н Локк; и как же мало в оставшейся двадцатой части людей, привыкших читать! А среди тех, кто читает, на двадцать человек, зачитывающихся романами, приходится всего один, штудирующий философию; число же тех, кто мыслит, вообще очень невелико, и людям этим не приходит в голову блажь сотрясать мир.

Ни Монтель, ни Локк, ни Бейль, ни Спиноза, ни Гоббс, ни Шефтсбери, ни г-н Коллинз, ни Толанд и т.д. не зажгли факела раздора в своем отечестве. Большей частью такими людьми оказывались теологи; сначала они питают честолюбивые чаяния главарей сект, но кончается это обычно тем, что они стремятся стать во главе партий. Да что там говорить! Все книги новейших философов, вместе взятые, никогда не устроят в мире такого шума, какой вызвал некогда один лишь диспут францисканцев по поводу фасона их рукавов и капюшона.

Наконец, месье, я снова хочу повторить, что, свободно вам все это излагая, я не даю, однако, речительства ни за одно из высказанных здесь мнений; я не ответствен ни за что. Быть может, среди сновидений рассудка и есть какие-то грезы, коим я отдал бы свое предпочтение, но нет среди них ни одной, которой я тотчас же не пожертвовал бы ради религии и моего отечества.

Де Вольтер

Приложение II

КОНЕЦ ПИСЬМА XIII, НАЧИНАЯ С 1748-1751 гг.

Продолжение той же темы

Я представляю себе дюжину добрых философов на острове, где они никогда не видели ничего, кроме растительности. Правда, отыскать такой остров, и особенно двенадцать добрых философов, очень трудно, но в конце концов такая фантазия вполне позволительна. Они с восхищением наблюдают жизнь, циркулирующую в фибрах растений, – жизнь, которая кажется то исчезающей, то возникающей вновь; при этом, не зная, как следует, каким образом эти растения рождаются, питаются и вырастают, они нарекают эту жизнь растительной душой.

– Что вы понимаете под "растительной душой"? – спрашивают их. – Это слово, – отвечают они, – служащее для обозначения неизвестной силы, управляющей всеми этими процессами. – Но разве вы не понимаете, – говорит им некий механик, – что все это происходит естественным путем, благодаря силе тяжести, рычагам, колесикам, блокам? – Нет, – возразят наши философы, если они люди просвещенные. – Во всей этой растительности присутствует нечто иное, помимо обычных движений; тут есть какая-то тайная сила, помогающая всем растениям впитывать в себя питательный сок без какого бы то ни было импульса; и сила эта, которую нельзя объяснить с помощью какого бы то ни было механического устройства, есть божий дар материи, природы которого ни вы. ни мы не понимаем.

Поспоривши таким образом, наши мыслители в конце концов обнаруживают животных. – О, о! – восклицают они после длительного исследования, – вот существа, устроенные так же, как мы! Они, бесспорно, обладают памятью, часто даже лучшей, чем мы. У них наши страсти; они способны познавать; они могут сообщить обо всех своих нуждах; они, так же как мы, продолжают свой род.

Наши философы анатомируют несколько этих существ и находят у них сердце и мозг. – Как! – восклицают они. – Создатель этих машин, ничего не делающий впустую, придал им все органы чувств для того, чтобы они ничего не чувствовали?! Было бы нелепостью так считать. Несомненно, у них есть нечто такое, что мы именуем также душой за неимением лучшего: нечто, вызывающее ощущения и обладающее определенным числом идей. Однако что это за первоначало? Чистый ли это дух? Или это нечто промежуточное между материей, которую мы совершенно не знаем, и чистым духом, тоже нам неизвестным? Или это свойство, сообщенное Богом организованной материи?

Далее они ставят опыты на насекомых, на земляных червях; они расчлениают их на несколько частей и бывают поражены тем, что по прошествии некоторого времени у

каждой отсеченной части появляется голова; одно и то же существо самовоспроизводится и из самого своего разрушения извлекает возможность своего размножения. Обладает ли оно несколькими душами, ожидающими лишь своей очереди оживить эти части, восстановившиеся после того, как от первичного туловища была отсечена голова? Существо это напоминает деревья, у которых вновь отрастают ветви и которые развиваются из черенка; что же, у этих деревьев несколько душ? По-видимому, нет; однако весьма возможно, что душа этих тварей иной природы, чем та, каковую мы именуем у растений растительной душой; по-видимому, это потенция высшего порядка, которую Бог удостоил даровать определенным частям материи; это – новое доказательство его могущества и новый повод для поклонения.

Некий необузданный человек, к тому же дурной мыслитель, услышав все эти рассуждения, им говорит: "Вы – преступники, и ваши тела надо сжечь ради блага ваших же душ: ведь вы отрицаете бессмертие души человека". Наши философы переглядываются между собой, пораженные насмерть, один из них мягко ему возражает: "Зачем же нас так поспешно сжигать? На каком основании могли вы подумать, будто мы одержимы идеей, согласно которой ваша жестокая душа смертна?" – "Да потому-отвечает тот, – что вы верите, будто Бог дал животным, устроенным так же, как мы, способность чувствовать и иметь идеи. А поскольку эта душа животных погибает одновременно с ними, значит, вы полагаете, что и душа человека гибнет также".

Философ возражает: "Мы совсем не уверены, будто то, что мы именуем душой в животных, погибает одновременно с ними, мы слишком хорошо знаем, что материя не уничтожается, и возможно (мы так полагаем), Бог вложил в живые существа нечто такое, что навеки может сохранить, если Бог того пожелает, способность иметь идеи. Мы далеко не утверждаем, что дело обстоит именно таким образом, ибо человеку вовсе не свойственно быть столь самоуверенным; но мы не осмеливаемся ограничивать могущество божье. Мы найдем весьма вероятным, что животные, являющиеся материей, получили от Бога в дар разум. Мы с каждым днем будем открывать все новые свойства материи, иначе говоря, признаки присутствия Бога, о которых до того мы не подозревали; сначала мы определили материю как протяженную субстанцию; затем мы признали, что ей следует приписать также плотность, а еще некоторое время спустя возникла необходимость в допущении, что эта материя обладает силой, именуемой силой инерции, после чего все мы были поражены необходимостью признать, что материи свойственно тяготение. Когда мы пожелали продолжить наши исследования, мы вынуждены были признать также существование вещей, кое в чем напоминающих материю и тем не менее лишенных других присущих ей атрибутов.

Например, простой огонь воздействует на наши чувства как другие тела, однако он не тяготеет, подобно им, к центру, наоборот, он устремляется равномерно во все стороны прочь от него. По-видимому, он не подчиняется законам тяготения и притяжения, как другие тела. Наконец, существуют тайны оптики, объяснимые исключительно с помощью дерзкого предположения, гласящего, что одни лучи света проникают в другие. Ведь когда пятьсот тысяч человек, стоящих с одной стороны, и столько же – с другой, наблюдают небольшой предмет, раскрашенный во множество цветов и помещающийся на вершине башни, необходимо, чтобы столько же лучей – и еще в тысячу миллионов раз больше – исходило от этих маленьких цветных точек; все они неизбежно будут между собой пересекаться перед тем, как дойдут до глаз; однако каким же образом они достигнут их, каждый неся свой цвет, если по пути они взаимно пересекаются? Мы вынуждены поэтому предположить, что они могут быть взаимопроницаемыми; но если это так, они весьма отличны от той материи, что нам знакома. По-видимому, свет – это нечто промежуточное между телами и другим видом вещей, нам неизвестным. Вполне возможно, что эти вещи иного рода сами представляют собой некую среду, ведущую к иным творениям, и, таким образом, возникает цепь субстанций, уходящая в бесконечность.

Usque adeo quod tangit idem est, tamen ultima distant

/См.: Овидий. Метаморфозы. VI, 64–67;

Радуга аркой встает и пространство небес украшает.

Рядом сияют на ней различные тысячи красок

Самый же их переход ускользает от взора людского.

(лат.; перев. С. Шервинского; ст. 67, цитируемый Вольтером, уточнен нами). - Примеч. переводчика.

Идея эта кажется нам достойной величия Бога, если вообще что-либо на свете его достойно. Среди этих субстанций может, без сомнения, быть выбрана одна, вложенная им в наши тела, которую именуют душой человека; эта имматериальная субстанция бессмертна. Мы весьма далеки от того, чтобы хоть чуточку сомневаться в этом, однако мы не осмеливаемся утверждать, будто абсолютный владыка всего не смог также придать творению, именуемому материей, чувства и восприятия. Вы убеждены в том, что сущность вашей души мышление, мы же не настолько в этом уверены, ибо, когда мы исследуем зародыш, мы едва ли можем поверить, будто душа его имеет в своем ларце много идей; и мы сильно сомневаемся, что в глубоком и полном сне или во время полной летаргии происходят какие либо размышления. Итак, представляется нам, мышление вполне может быть не сущностью мыслящего существа, но лишь даром, ниспосланным Творцом тем существам, которые мы именуем мыслящими; все это заставляет нас сделать предположение, что, если бы он того пожелал, он мог бы ниспослать такой же дар атому и навеки сохранить этот атом вместе с указанным даром или же разрушить его по своему усмотрению. Трудность состоит не столько в том, чтобы разгадать, каким образом может мыслить материя, сколько в том, чтобы понять, каким образом может мыслить вообще какая бы то ни было субстанция. У вас есть идеи лишь потому, что Богу заблагорассудилось вам их даровать, так зачем же вы стремитесь ему помешать даровать эти идеи другим видам существ? Так ли уж вы дерзки, чтобы осмеливаться считать, будто душа ваша сотворена из той самой материи, какая образует субстанции, наиболее близкие к божеству? Весьма очевидно, что субстанции эти достаточно высокого порядка, а следовательно, Бог удостоил даровать им сравнительно прекрасный образ мышления, точно так же как он пожаловал весьма посредственную меру идей животным, стоящим ступенью ниже, чем вы. И что же, во всем этом нет ничего, что наталкивало бы на вывод относительно смертности ваших душ? Повторяю, мы мыслим так же, как вы, относительно бессмертия ваших душ; но мы считаем, что мы слишком невежественны, чтобы утверждать, будто Бог не был столь всемогущ, чтобы пожаловать мышление любому существу по своему усмотрению. Вы ограничиваете могущество Бога, которое не имеет границ, мы же считаем, что оно простирается столь же далеко, сколь его существование. Простите нас за то, что мы считаем его всемогущим, как мы вам прощаем ограничение его мощи. Несомненно, вам известно все, что он может, мы же не знаем здесь ничего. Давайте жить в братском согласии и мирно поклоняться нашему общему-Отцу: вы - с вашими учеными и дерзкими душами, мы - с нашими душами невежественными и робкими. Нам дана лишь одна жизнь на Земле, проживем же ее в покое, не ссорясь из-за трудных вопросов: они разъяснятся в бессмертной жизни, которая начнется потом".

О том, что философы ни в коем случае не могут причинить вред

Неуч, не умея возразить ничего дельного, пространно разглагольствует и долго сердится. Наши бедняги-философы предались в течение нескольких недель чтению истории и, после того как они хорошенько вчитались, вот что они ответили этому варвару, совершенно недостойному иметь бессмертную душу: "Друг мой, мы прочли, что в течение всей античности дела шли так же прекрасно, как в наше время, что тогда существовало даже большее количество великих добродетелей, а философов совсем не преследовали за их мнения. Зачем же вы хотите причинить нам зло за мнения, которые мы не лелеем? Мы прочли, что вся античность считала материю вечной. Те, кто усмотрел, что она была сотворена, оставляли прочих в покое. Пифагор считал себя петухом, родственники его были свиньями, и никто против этого не возражал, а секта его пользовалась любовью и почитанием у всего света, за исключением мясников и тех, кто торговал бобами.

Стоики признавали бога, примерно такого, какой позже был столь смело допущен Спинозистами; стоицизм был, однако, сектой, более других отличавшейся обилием героических доблестей и пользовавшейся самым большим доверием.

Эпикурейцы сделали своих богов похожими на наших каноников, ленивая дородность которых поддерживает в них божественность; боги эти мирно вкушают свою амброзию и нектар и решительно ни во что не вмешиваются. Эпикурейцы дерзко учили о материальности и смертности души - но их не меньше уважали. Их допускали к любым занятиям, и их крючковатые атомы не принесли никакого зла миру.

Платоники, подобно гимнософистам, не делали нам чести допускать, будто бог удостоил нас сотворить сам. По их мнению, он предоставил эту заботу своим служителям, гениям, а эти последние допустили в своей работе немало глупостей. Бог платоников был превосходным демиургом, поручившим дело здесь, на Земле, весьма посредственным ученикам. Но люди из-за этого не стали меньше почитать школу Платона.

Одним словом, и у греков, и у римлян было столько же способов мышления о боге, душе, о прошлом и будущем, сколько сект, и ни одна из этих сект не занималась преследованиями. Все они заблуждались, и мы по этому поводу весьма негодуем; но все они были мирными – и именно это нас обвиняет и осуждает; именно это заставляет нас видеть, что большинство современных мыслителей – монстры, в то время как античные мыслители были людьми.

В римском театре публично пели: "Post mortem nihil est; ipsaque mors nihil"*.

"После смерти нет ничего; сама смерть – тоже ничто" (лат.)– Прим. Переводчика

Подобные мысли не делали людей ни лучше, ни хуже: государства управлялись, все шло своим чередом; и Титы. Траяны, Марки Аврелии правили Землей, покровительствуемые благими богами. Переходя от греков и римлян к варварам, задержимся только на иудеях. Каким бы суеверным, жестоким и невежественным ни был этот злополучный народ, он тем не менее чтит фарисеев, допуская роковую предопределенность и метемпсихоз; они отдавали также должное садуккеям, решительно отрицавшим бессмертие души и существование духов и опиравшимся на закон Моисея, в котором ни слова нет о посмертной каре и вознаграждениях. Ессены, также верившие в судьбу и никогда не приносившие храмовых жертв, пользовались еще большим уважением, чем фарисеи и садуккеи. Ни одно из их мнений никогда не посеяло смуты в правлении. А между тем было немало вещей, из-за которых можно было устроить резню, сожжения на костре, взаимное истребление – было бы только желание. Несчастные люди, извлеките урок из этих примеров! Мыслите сами и разрешайте мыслить другим. Мышление – утеха наших слабых умов в этой быстротекущей жизни. "Как! Вы вежливо встречаете турка, верящего в то, что Магомет путешествовал на Луну, вы остерегаетесь не угодить паше Бонневалю, и вы же собираетесь запереть в тюрьму своего ближнего за его веру в то, что БОГ может даровать разум всем существам?" – так молвил один философ; другой же добавил: "Поверьте мне, [этого делать не следует]...".

Письмо четырнадцатое

О ДЕКАРТЕ И НЬЮТОНЕ

Француз, прибывающий в Лондон, замечает в философии, как и по всем прочем, сильные перемены. Он покинул заполненный мир, а прибыл в пустой¹¹⁵; в Париже вселенную считают состоящей из вихрей тончайшей материи – в Лондоне не усматривают ничего подобного; у нас давление Луны вызывает морские приливы, у англичан же – наоборот, море тяготеет к Луне; дело доходит до того, что тогда, когда вы: считаете, будто Луна должна вызвать прилив, эти господа считают, наоборот, что происходит отлив, и, к несчастью, это не подлежит проверке, ибо, чтобы внести в это дело ясность, необходимо исследовать Луну и моря с первого момента творения.

Вдобавок вам предстоит заметить, что Солнце, во Франции совсем не принимающееся при этом в расчет, здесь на одну четвертую часть принимает участие в деле; у ваших картезианцев все совершается путем импульса, абсолютно непостижимого; у г-на Ньютона действует притяжение, причина которого не более ясна; в Париже вы воображаете себе Землю в форме дыни, в Лондоне же она сплюснута с двух концов. Для картезианца свет разлит в воздухе, для ньютонианца он приходит за шесть с половиной минут от Солнца. Ваша химия манипулирует кислотами, щелочами и тонкой материей; у англичан даже в химии господствует притяжение.

Самая сущность вещей здесь совершенно меняется: вы не согласитесь ни со здешним определением души, ни с понятием о материи. Декарт уверяет, что душа идентична мысли, Локк столь же убедительно доказывает ему противоположное.

Декарт также уверяет, что одна только протяженность образует материю, Ньютон добавляет сюда и плотность. Ужасные крайности!

Вольтер философские письма filosoff.org
Non nostrum inter vos tantas componere lites*.

Нам не дано усмирить столь великие ваши раздоры (лат.). – Примеч. пер.

Этот прославленный Ньютон, разрушитель картезианской системы, умер в марте месяце прошлого, 1727 года. Он жил, чтимый своими соотечественниками, и был погребен, как король, благодетельствовавший своих подданных.

Здесь с жадностью читали и перевели на английский язык "Похвальное слово" Ньютону, прочитанное г-ном Фонтенелем¹¹⁶ в Академии наук. В Англии ожидали суждения г-на Фонтенеля как торжественной декларации, подтверждающей превосходство английской философии: но когда там увидели, что он сравнивает Ньютона с Декартом, все лондонское Королевское общество возмутилось. Его речь критиковали, отнюдь не соглашаясь с его суждением, многие (и это не лучшие среди философов) были шокированы таким сопоставлением единственно потому, что Декарт-француз.

Следует признать, что два этих великих человека весьма различались между собой по своему поведению, своей судьбе и своей философии. Декарт родился с сильным и живым воображением, благодаря которому он стал незаурядным человеком как в своей частной жизни, так и в свойственном ему методе рассуждения: воображение это прорывалось даже в его философских трудах, где на каждом шагу можно видеть блестящие и находчивые сравнения; природа сделала его почти поэтом, и, самом деле, он сочинил для шведской королевы дивертисмент в стихах, который, чтя его память, не опубликовали в печати.

Некоторое время он подвизался на военном поприще, а окончательно став философом, не считал недостойным себя заниматься любовью. От своей любовницы он имел дочь по имени Франсина, рано ушедшую из жизни, о гибели которой он сильно скорбел; таким образом, он испытал все, что присуще испытывать человеку.

Долго он считал, что ради свободного философствования надо бежать от людей, и особенно – от своей родины. И он был прав, ибо его современники не были достаточно учены, чтобы его просвещать, и могли лишь ему повредить.

Он оставил Францию, потому что искал истину, преследовавшуюся тогда жалкой схоластической философией, однако он не обнаружил большего разума в университетах Голландии, куда он подался; во времена, когда во Франции осуждались единственно верные тезисы его философии, он подвергался преследованиям также со стороны мнимых философов Голландии, понимавших его не лучше; ближе познакомившись с его славой, они сильнее возненавидели в нем человека. Он был вынужден уехать из Утрехта и пережить обвинение в атеизме (последнее прибежище клеветников), когда, потратив всю свою проницательность на изыскание новых доказательств существования Бога, он был заподозрен в том, что его отрицает.

Такие преследования предполагают великие заслуги и блистательную славу: итак, у него было и то, и другое. Разум проник даже немного в мир сквозь темную чашу схоластики и предрассудков народного суеверия: имя Декарта наделало в конце концов столько шума, что его пожелали привлечь обратно во Францию с помощью вознаграждений; ему была предложена пенсия в тысячу экю; с этой надеждой он вернулся, уплатив издержки по патенту, который тогда продавался, не получил никакой пенсии и вернулся философствовать в одиночестве в Северную Голландию в те времена, когда восьмидесятилетний великий Галилей томился в тюрьмах инквизиции¹¹⁷ за то, что доказал вращение Земли. Наконец, Декарт умер в Стокгольме преждевременной смертью, вызванной скверным режимом, окруженный несколькими учеными – его врагами и на руках у врача, который его ненавидел.

Карьера сэра Ньютона была совсем иной. Он прожил семьдесят пять лет в полной безмятежности, счастливый и почитаемый у себя на родине. Великое его счастье состояло не только в том, что он родился в свободной стране, но и в том, что родился он во времена, когда схоластическая нетерпимость была изгнана, когда культивировался лишь разум и мир мог быть лишь его учеником, но не его врагом.

Своеобразный контраст по отношению к Декарту составляло в нем то, что на протяжении столь долгой жизни он не испытал ни страсти, ни слабости; он ни разу не приблизился ни к одной женщине: это мне поверил врач и хирург, на руках которого он скончался. Можно восхищаться этим в Ньютоне, но не следует порицать

Декарта.

Согласно общественному мнению, сложившемуся относительно этих двух философов в Англии, первый из них был мечтателем, второй – мудрецом.

Очень мало кто в Лондоне читает Декарта, труды которого действительно утратили свою пользу, но мало кто читает также Ньютона, ибо надо обладать большой ученостью, чтобы его понимать; однако весь свет о них говорит. Французу совсем не отдадут должного, зато всяческую хвалу получает там англичанин. Некоторые люди считают, что если они не испытывают больше ужаса перед пустотой, если они знают, что воздух весом и пользуются увеличительными стеклами, то этим они обязаны Ньютону. Здесь он – мифический Геракл, которому невежды приписывают все свершения других героев.

Лондонские критики речи г-на Фонтенеля осмелились утверждать, будто Декарт не был великим геометром. Те, кто ведет подобные речи, могут упрекнуть себя в том, что они избивают свою кормилицу. Декарт проделал такой огромный путь от того уровня, на каком он застал геометрию, до того, насколько он ее продвинул, что Ньютон был лишь его эпигоном: Декарт первый нашел способ алгебраического выражения уравнений кривизны. Благодаря ему эта геометрия, ставшая ныне общедоступной, была для его времени настолько глубокой, что ни один профессор не отважился взяться за ее истолкование, и в Голландии не было никого, кроме Схоотена, а во Франции – кроме Ферма¹¹⁸, кто бы ее понимал.

Он внес этот дух геометрии и изобретательства в диоптрику, ставшую в его руках совсем новым искусством, и если в чем-то он и ошибался, то лишь потому, что человек, открывающий новые пределы, не может сразу познать все их особенности; те, кто приходит после него, обязаны ему, по крайней мере, этим открытием. Но я не стану отрицать, что другие труды г-на Декарта пестрят ошибками.

Геометрия была путеводной звездой, которую он сам до некоторой степени создал, и она уверенно вела его по путям физики; но в конце концов он оставил эту звезду и предался духу системосозидания; с этого момента его философия стала всего лишь увлекательным романом, самое большее, правдоподобным для невежд. Он ошибался по поводу природы души, по поводу доказательств существования Бога, по поводу материи и законов движения, а также относительно природы света; он допускает врожденные идеи, открывает новые элементы, творит мир, преобразует человека на свой собственный лад, и потому справедливо говорят, что человек Декарта на самом деле и есть всего лишь его человек, весьма далекий от человека подлинного.

Он зашел в своих метафизических ошибках столь далеко, что утверждал, будто два плюс два дают четыре лишь потому, что того пожелал Бог. Но не будет сильным преувеличением сказать, что даже в своих заблуждениях он заслуживал уважения: он ошибался, но, по крайней мере, за этим стоял его метод и дух последовательности: он сокрушил нелепые химеры, которыми забивали головы юношества в течение двух тысяч лет; он научил своих современников рассуждать и даже обращать его оружие против него самого; и если он платил неполноценной монетой, то, по крайней мере, ему принадлежит заслуга обесценения фальшивых денег.

Я не считаю возможным, чтобы действительно кто-то осмелился свести на нет его философию в сравнении с философией Ньютона; первая – это опыт, вторая – шедевр; но тот, кто направил нас по пути истины, быть может, вполне равен тому, кто после него завершил этот путь.

Декарт дал слепцам зрение, и они узрели ошибки античности и свои собственные. Дорога, которую он открыл, стала после его бескрайней. Небольшая книжечка Рого¹¹⁹ в течение определенного времени служила полным курсом физики; ныне все собрания сочинений европейских академий не составляют даже начала системы: когда углубились в эту пропасть, она оказалась бесконечной. Теперь же нам надо посмотреть, что извлек г-н Ньютон из этой бездны.

Письмо пятнадцатое

О СИСТЕМЕ ТЯГОТЕНИЯ

Открытия сэра Ньютона, создавшие ему столь всеобъемлющую славу, относятся к системе мира, света, геометрической бесконечности и, наконец, к хронологии,

Вольтер философские письма filosoff.org
которой он забавлялся ради отдохновения.

Я хочу поделиться с вами (если только смогу сделать это без пустословия) тем немногим, что я сумел уловить во всех этих высоких идеях.

Что касается системы нашего мира, то долгое время шли споры о причине вращения всех планет, удерживающей их на своих орбитах, и о причине, заставляющей все тела падать на поверхность Земли.

Система Декарта, истолкованная и подвергшаяся сильным изменениям после него, по-видимому, давала правдоподобное объяснение всем этим явлениям, причем объяснение это представлялось тем более истинным, чем более оно просто и доступно пониманию всего света. Однако в философии следует остерегаться того, что считается чересчур доступным для понимания, точно так же как и того, чего люди не понимают.

Сила тяготения, ускорение при падении тел на Землю, круговое движение планет по своим орбитам, их вращение вокруг собственной оси – все это относится к движению, но движение может быть понято лишь как результат импульса – итак, все тела испытали импульс. Однако что дало им его? Пространство представляет собой нечто сплошное, иначе говоря, оно заполнено тончайшей материей, которую мы поэтому не замечаем, и материя эта движется с запада на восток, ибо с запада на восток направлено движение всех планет. Так от предположения к предположению и от вероятности к вероятности вообразили себе огромный вихрь тонкой материи, в котором планеты движутся вокруг Солнца: был создан еще особый вихрь, плывущий внутри большого вихря и ежедневно совершающий оборот вокруг каждой планеты. Когда все таким образом было построено, стали утверждать, что сила тяготения зависит от этого ежедневного вращения; ибо (так рассуждали) тонкая материя, вращающаяся вокруг нашего малого вихря, должна передвигаться в семнадцать раз быстрее Земли; но если она передвигается в семнадцать раз быстрее Земли, она должна иметь несравненно более высокую центробежную силу и именно поэтому отталкивать все тела по направлению к Земле. Такова причина тяготения согласно картезианской системе.

Однако, до того как делать расчет центробежной силы и скорости этой тончайшей материи, следовало бы убедиться в том, что она существует; но если она и существует, доказательство того, что она может служить причиной тяготения, ошибочно.

Г-н Ньютон, по-видимому, окончательно уничтожил все эти вихри – большие и малые – и те, что увлекают планеты к вращению вокруг Солнца, и те, что заставляют каждую планету вращаться вокруг своей оси.

Прежде всего, в отношении предполагаемого малого вихря Земли доказано, что он должен постепенно утрачивать свое движение, а также, что, если Земля плавает в жидкости, эта жидкость должна иметь ту же плотность, что и Земля, и, если она обладает такой же плотностью, все тела, которые мы передвигаем, должны испытывать крайне высокое сопротивление, или, иначе говоря, нужен рычаг длиной равный длине Земли, чтобы поднять фунт веса.

Что, касается больших вихрей, то они еще более химеричны: их невозможно согласовать с законами Кеплера¹²⁰, истинность которых доказана. Господин Ньютон показал, что вращение жидкости, в которой, согласно предположению, вращается Юпитер, иначе относится к вращению жидкости Земли, чем вращение самого Юпитера к вращению Земли.

Он доказывает, что все планеты, проделывая свои вращения по эллипсам, оказываются, таким образом, гораздо более удаленными друг от друга, когда они попадают в свои афелии, чем когда они находятся в перигелиях, и Земля, например, должна была бы совершать движение более быстро, находясь вблизи от Венеры и Марса, потому что увлекающая ее жидкость, будучи более сжатой, должна быть более подвижной, однако именно в это время движение Земли замедляется.

Он доказывает, что не существует никакой небесной материи, движущейся с запада на восток, потому что кометы пересекают это пространство то с востока на запад, то с севера на юг.

Наконец, чтобы еще лучше разрешить, если только это возможно, любую трудность,

он доказывает или, по крайней мере, делает вполне вероятным и даже основанным на опытах, что заполненное пространство немислимо, и возвращает нам пустоту, которую Аристотель и Декарт изгнали из мира.

Ниспровергнув по всем этим причинам и еще по многим другим вихри картезианцев, он потерял надежду на возможность когда-либо познать, существует ли в природе скрытый принцип, разом обуславливающий движения всех небесных тел и создающий тяготение на Земле. Удалившись в 1666 году в деревню под Кембриджем, в один прекрасный день, прогуливаясь по своему саду, он увидел, как падают с дерева плоды, и предался глубокому размышлению по поводу этой силы притяжения. причину которой столь долго и тщетно искали все философы и в которой обыватель не усматривает, собственно говоря, ничего таинственного. Он сказал себе: "С какой бы высоты в нашей гемисфере ни падали эти тела, их падение, несомненно, происходит по прогрессии, открытой Галилеем; пути, проделанные ими, пропорциональны квадратам времени их падения. Сила эта, заставляющая падать тяжелые тела, остается одной и той же, без какого бы то ни было заметного ослабления, на любом глубине Земли и на самых высоких горах. Почему же не предположить, что эта же сила распространяется вплоть до Луны? И если верно, что они проникает и в сию область, то нет ли большой вероятности, что эта сила удерживает Луну на ее орбите и обуславливает ее движения? Однако, если Луна подчиняется данному принципу – что бы он собой ни представлял, – не разумно ли будет считать, что другие планеты также ему покорны?"

Если такая сила существует, она должна (впрочем, это уже доказано увеличиваться обратно пропорционально квадратам расстояний. Значит, остается исследовать путь, который проделывает тяжелое тело, падая па Землю с некой средней высоты, а также путь, проделываемый за то же самое время телом, которое падало бы с орбиты Луны. Чтобы это узнать, надо только получить размеры Земли и расстояния до нее от Луны".

Так рассуждал г-н Ньютон. Но в те времена в Англии располагали лишь весьма ошибочными размерами нашего земного шара; в этом отношении полагались на неточный расчет лоцманов, принимавших за один градус шестьдесят английских миль, в то время как градусом следовало считать почти семьдесят миль. И поскольку эти ошибочные расчеты не согласовались с выводами, желательными для г-на Ньютона, он от своих выводов до поры отказался. Посредственный философ, которым руководило бы одно лишь тщеславие, совместил бы как мог размер Земли со своей системой. Г-н Ньютон предпочел временно отложить свой замысел. Но после того как г-н Пикар¹²¹ получил точный размер Земли, начертав тот меридиан, что принес столько славы Франции, г-н Ньютон вернулся к своим первоначальным идеям и нашел, что его устраивает расчет г-на Пикара; мне всегда казался достойным восхищения тот факт, что столь высокие истины были открыты с помощью четверти окружности и несложных арифметических действий.

Окружность Земли равна ста двадцати трем миллионам двумстам сорока девяти тысячам и шестистам парижским футам. Только на основе одного этого факта может быть построена вся система тяготения.

Итак, была известна окружность Земли, длина лунной орбиты и ее диаметр. Кругооборот Луны по этой орбите совершается за двадцать семь дней, семь часов и сорок три минуты; таким образом, было показано, что Луна в своем среднем движении совершает сто восемьдесят семь тысяч девятьсот шестьдесят парижских футов в минуту, а потому в соответствии с известной теоремой было доказано, что центростремительная сила, заставляющая падать какое-либо тело с высоты Луны, в первую минуту заставляла бы его проходить всего лишь пятнадцать парижских футов.

Таким образом, если верен закон, согласно которому телам присущи вес, взаимное тяготение и притяжение, обратно пропорциональные квадратам расстояний, и если одна и та же сила, как гласит этот закон, действует повсюду в природе, становится очевидным, что, поскольку Земля отстоит от Луны на расстояние шестидесяти своих полудиаметров, тяжелое тело, находящееся вблизи Земли, должно, падая на Землю, пройти пятнадцать футов за первую секунду и пятьдесят четыре тысячи футов за первую минуту.

Но если около Земли тяжелое тело действительно проходит пятнадцать футов за первую секунду и за первую минуту – пятьдесят четыре тысячи футов (число, полученное от умножения квадрата шестидесяти на пятнадцать), то тела имеют вес,

обратно пропорциональный квадратам расстояний, и одна и та же сила образует тяготение на Земле и удерживает Луну на ее орбите.

После того как было доказано, что Луна тяготеет к Земле, являющейся центром ее частного вращения, тем самым было доказано и то, что Земля и Луна тяготеют к Солнцу, являющемуся центром их годового вращения.

Остальные планеты должны подчиняться этому всеобщему закону, и коль скоро он существует, эти планеты [в своих движениях] должны следовать правилам, установленным Кеплером. В самом деле, все эти правила и отношения соблюдаются планетами с самой высокой точностью, а значит, сила гравитации заставляет все планеты тяготеть к Солнцу так же, как наш земной шар; наконец, поскольку противодействие всех тел пропорционально действию, остается достоверным, что Земля, в свою очередь тяготеет к Луне, а Солнце к той и другой, что каждый из спутников Сатурна тяготеет к остальным четырем, а эти четыре, в свою очередь, к нему и все пять вместе – к Сатурну, а Сатурн – ко всем ним; что таким же образом обстоит дело с Юпитером и что все эти шары притягиваются Солнцем, которое взаимно притягивается ими.

Гравитационная сила действует пропорционально массе, которую содержат в себе тела; эту истину г-н Ньютон доказал на опытах. Новое это открытие послужило пониманию того, что Солнце, центр [притяжения] всех планет, притягивает их прямо пропорционально их массе, с учетом их удаленности. Постепенно поднимаясь от этого исходного пункта к по знаниям, которые, казалось бы, недоступны человеческому уму, он отважился сосчитать количество материи, содержащейся в Солнце, а также и каждой планете, и таким образом показал, что в силу простых законов механики каждый небесный шар необходимо должен занимать именно то место, в котором он и находится. Его единственный принцип законов гравитации объясняет все кажущиеся неравномерности движения небесных сфер. Различные изменения [в движении] Луны оказываются необходимым следствием этих законов. Более того, стало совершенно очевидным, почему узлы Луны совершают свой кругооборот за девятнадцать лет, а узлы Земли – в течение приблизительно двадцати шести тысяч лет. Прилив и отлив моря также являются весьма простым результатом этого притяжения. Близость Луны во время полнолуния и новолуния и ее удаленность, когда она находится в фазе одной четверти, соединенные с воздействием Солнца, создают ощутимую основу для подъема и падения уровня океана.

Объяснив с помощью своей величественной теории движение и его неравномерность у планет, он привязал кометы к узде того же закона. Эти огни, долго остававшиеся непознанными, пугало для всех и камень преткновения философии, помещенные Аристотелем под Луну и поднятые Декартом выше Сатурна, были наконец водворены на их истинное место Ньютоном.

Он доказал, что это плотные тела, передвигающиеся в сфере влияния Солнца и описывающие эллине, столь эксцентрический и так сильно приближающийся к параболе, что некоторые кометы должны проделывать свое вращение более чем за пятьсот лет.

Господин Галлей¹²² считает, что комета 1680 года – та же, что появлялась во времена Юлия Цезаря; на примере этой кометы особенно хорошо видно, что кометы представляют собой твердые и непрозрачные тела; она оказалась так близко от Солнца, что была удалена от него не более чем на одну шестую часть солнечного диска; следовательно, она должна была достичь степени нагрева, в две тысячи раз превышающей температуру самого высокого накала железа. Она должна была бы рассеяться и исчезнуть в кратчайший срок, если бы она не была плотным телом. Тогда возникла мода проследить путь комет. Знаменитый математик Яков Бернулли¹²³ заключил на основе своей системы, что эта знаменитая комета 1680 года вновь появится 17 мая 1719 года. Ни один из европейских астрономов не ложился спать этой ночью 17 мая, но знаменитая комета не появилась. Во всяком случае, более ловко, если и не более безопасно, было предоставить ей пятьсот семьдесят пять лет для нового появления. Один английский геометр по имени Вильстон¹²⁴ (имя не менее нелепое, чем "геометр") серьезно уверял, что во времена потопа существовала комета, которая и вызвала наводнение на земном шаре, и он еще несправедливо удивлялся, что над ним смеются. Античность рассуждала почти в духе Вильстона: тогда верили, что кометы всегда бывают предвестницами великих бед на Земле. Ньютон же, наоборот, предполагает, что кометы очень благоприятны и что исходящие от них пары служат единственно тому, чтобы поддерживать и оживлять планеты, пропитывающиеся на своем пути всеми теми

частицами, которые Солнце отторгло от комет. Эта мысль, по крайней мере, более правдоподобна, чем та.

Однако это не все. Если указанная сила гравитации, притяжения, действует в отношении всех небесных тел, то она воздействует, несомненно, и на все части этих сфер; ибо если тела взаимно притягиваются пропорционально своим массам, то это должно происходить и пропорционально количеству их частей, и если эта сила [притяжения] содержится в целом, то, вне всякого сомнения, она содержится и в половине, в четверти, в восьмой части и так до бесконечности; более того, если бы эта сила не была равномерной в каждой части, то всегда какие-то участки шара обладали бы большим тяготением, чем другие, однако этого не бывает; следовательно, сила эта действительно присуща всей материи в целом, а также мельчайшим ее частицам.

Вот что такое притяжение – великая движущая пружина всей природы.

Ньютон отлично предвидел, после того как доказал существование данного принципа, что возмутятся против самого этого имени; не раз в своей книге он даже предостерегает своего читателя относительно самого притяжения, предупреждает, чтобы он не смешивал притяжение с оккультными качествами у древних и удовлетворился познанием того, что всем телам присуща центростремительная сила, воздействующая от одного края вселенной до другого на тела как наиболее близкие, так и наиболее удаленные друг от друга, согласно незыблемым законам механики.

Поразительно, что, несмотря на торжественные заверения этого великого философа, г-н Сорен¹²⁵ и г-н де Фонтенель, сами заслуживающие этот титул, откровенно его упрекали в химерах перипатетизма: г-н Сорен сделал это в Докладах Академии за 1709 год, а г-н Фонтенель – и самом "похвальном слове" г-ну Ньютону.

Почти все французы – и ученые, и другие – повторили этот упрек. Всюду только и можно было слышать: "Почему Ньютон не воспользовался словом "импульс", таким понятным, вместо термина "притяжение", который никто не понимает?"

Ньютон мог бы ответить всем этим критикам: "Прежде всего, вы не лучше понимаете слово "импульс", чем слово "притяжение", и если вы не постигаете, почему одно тело устремляется к центру другого тела, то вы не более того можете себе представить, с помощью какой силы одно тело может толкать другое.

Во-вторых, я не могу допустить импульс, ибо для этого надо, чтобы я узнал, что некая небесная материя действительно толкает планеты; но я не только не знаю такой материи, я доказал, что ее не существует.

В-третьих, я пользуюсь словом "притяжение" лишь для обозначения открытого мной в природе достоверного и неоспоримого действия неизвестного принципа, качества, присущего материи, причину которого я предоставляю открыть, если они это смогут, людям более искусным, чем я".

– Так чему же вы нас научили? – продолжают настаивать его оппоненты, и зачем делать столько расчетов, если вы сообщаете нам то, чего сами не понимаете?

"Я научил вас тому (мог бы продолжать г-н Ньютон), что механика центростремительных сил заставляет все тела испытывать тяготение пропорционально их массе, что одни только эти центростремительные силы заставляют планеты и кометы передвигаться в соответствии с указанными пропорциями. Я доказываю вам, что нелегко существование иной причины тяготения и движения всех небесных тел: ведь поскольку тяжелые тела падают на землю согласно доказанной пропорции центростремительных сил, а планеты выполняют свои круговращения в соответствии с теми же самыми пропорциями, если бы существовала еще какая-то сила, воздействующая на все эти тела, она повышала бы их скорости или изменяла бы направление их движений. Однако никогда ни одно тело не обладало ни в какой степени движением, скоростью или детерминацией, которые не были бы в соответствии с моим доказательством результатом действия центростремительных сил; итак, существование какого-либо иного принципа нелегко".

Позвольте, мне еще на мгновение дать слово Ньютону. Разве следующие его слова не будут хорошо приняты: "Я нахожусь в положении, весьма отличном от древних: они видели, например, что вода поднимается в насосе, и говорили, что поднимается она в силу боязни пустоты. В моем случае я напоминаю человека, который первым

заметил, что вода поднимается в насосах, и предоставил другим заботу объяснить причину этого явления. Анатом, первым высказавший мысль, что рука движется потому, что происходит сокращение мышц, преподал людям неоспоримую истину; и разве мы ему меньше обязаны из-за того, что он не знал причины, по которой сокращаются мышцы? Причина упругости воздуха неизвестна; тот, кто открыл упругость, оказал великую услугу физике. Пружина, которую открыл я, была более скрытой, более всеобщей, и потому люди должны быть мне больше признательны. Я раскрыл новое свойство материи – один из секретов Творца, я произвел расчеты, показал действия этого свойства, так зачем же придирайтесь к имени, которое я ему дал?

Как раз именно вихри можно назвать оккультным качеством, ибо никто не доказал их существования. Притяжение же, наоборот, есть нечто реальное, поскольку доказано его действие и подсчитаны соответствующие количественные соотношения. Причина же этой причины лежит в лоне божьем".

Precedes hue, et non ibis amplius*

* "Дойдешь до этого предела, а дальше – ни шагу (лат.; Иов, XXVII, 11). – Примеч. переводчика

Письмо шестнадцатое

ОПТИКА Г-НА НЬЮТОНА

Философами последнего столетия была открыта новая вселенная, причем этот новый мир было тем более трудно познать, что раньше не подозревали даже о его существовании. Самым мудрым людям казалась дерзостью одна только мысль о том, что можно разгадать, по каким законам движутся небесные тела и каков механизм света.

Галилей в своих астрономических открытиях, Кеплер своими расчетами, Декарт, по крайней мере в своей "Диоптрике", и Ньютон во всех своих трудах усмотрели механику движущих сил мира. В геометрии бесконечность подчинили расчетам. Циркуляция крови у животных и сока в растениях изменила для нас лицо природы. Телам был дан новый способ существования благодаря пневматической машине; объекты приблизились к нашим глазам благодаря телескопу; наконец, то, что Ньютон открыл в отношении света, стоит всего самого дерзновенного, на что могло рассчитывать человеческое любопытство после всех этих новшеств.

Вплоть до Антонио де Домини¹²⁶ радуга казалась необъяснимым чудом; философ этот разгадал, что она – необходимый результат дождя и солнца. Декарт сделал свое имя бессмертным, дав математическое объяснение этого столь естественного феномена: он подсчитал отражения и преломления света в каплях дождя, и эта прозорливость имела в себе в те времена нечто божественное.

Но что бы он сказал, если бы ему сообщили, что он ошибался относительно природы света? Что у него не было никаких оснований утверждать, будто свет это шарообразные тельца, что ошибочно, будто эта материя, распространяющаяся по всей вселенной, только и ждет импульса от Солнца, чтобы начать действовать, подобно длинной палке, действующей одним своим концом, когда надавливают на другой? Что в высшей степени истинно представление об излучении ее Солнцем и, наконец, что свет переносится с Солнца на Землю за время, приблизительно равное семи минутам, тогда как пушечное ядро, перемещающееся с постоянной скоростью, способно проделать тот же путь лишь за двадцать пять лет?

Сколь велико было бы его удивление, если бы ему сказали: ошибочно, что свет получает прямое отражение, отскакивая от плотных частиц тела: ошибочно, что тела бывают прозрачными, когда они обладают широкими порами; придет человек, который объяснит эти парадоксы и произведет анатомию одного-единственного луча света с большим искусством, чем самый умелый мастер вскрывает человеческое тела.

И человек этот пришел. Ньютон с помощью одной только призмы наглядно показал, что свет – это скопление цветных лучей, которые, вес вместе дают белый цвет. Один луч расчленен им на семь лучей, располагающихся на белом холсте или белой бумаге в ряд, один над другим, на неравномерных расстояниях друг от друга; первый из них огненного цвета, второй – лимонный, третий желтый, четвертый – зеленый, пятый голубой, шестой – цвета индиго, седьмой фиолетовый; каждый из

этих лучей, последовательно пропущенный затем через сто других призм, никогда не меняет своего цвета, подобно тому, как очищенное золото не изменяет своего вида в горнилах; и если вы хотите получить лишнее доказательство того, что каждый из этих простых лучей несет в самом себе свойство, придающее ему в наших глазах его собственную окраску, возьмите небольшой кусочек дерева, например желтого, и подставьте его под луч огненного цвета: дерево это окрасится тут же в огненный цвет: если вы подставите его под зеленый луч, он примет зеленую окраску, и так во всех прочих случаях.

Но какова же причина различной окраски в природе? Причина эта не иная, как расположение частей, способствующее отражению лучей определенного ряда и поглощению всех остальных. Каково же это таинственное расположение? Ньютон доказывает, что это всего лишь плотность мелких частиц, образующих тела. Но каким же образом происходит такое отражение? Ранее считали, что происходит оно в результате отскакивания лучей наподобие мяча от поверхности плотного тела. На самом же деле – ничего подобного. Ньютон объясняет пораженным философам, что тела непроницаемы именно потому, что поры их широки, и свет отражается в направлении наших глаз из глубины этих пор; что, чем меньше поры какого-либо тела, тем более это тело прозрачно; так, если бумага отражает свет, когда она суха, то она пропускает его, будучи промасленной, потому что масло, заполняя его поры, делает их значительно меньшими.

Исследуя при этом наивысшую пористость тел и показав, что каждая частица тела имеет свои поры, а каждая частица этих частиц – свои, он дает понять, что вовсе нельзя быть уверенным в том, будто во вселенной существует хотя бы кубическая пядь плотной материи, – вот как далеко зашел наш ум в понимании того, что такое материя.

Разложив таким образом свет и доведя прозорливость своих открытий вплоть до указания средства познать сложный цвет через первичные цвета, он показал, что эти простые лучи, разделенные между собой посредством призмы, расположены в определенном порядке лишь потому, что именно в таком порядке происходит их преломление; именно это неведомое до него свойство, эту неравномерную рефракцию лучей, эту способность красного цвета преломляться меньше, чем цвет оранжевый, и т.д. он и назвал преломляемостью.

Наиболее сильно отражающиеся лучи – это наиболее сильно преломляемые, и отсюда он сделал вывод, что одна и та же сила вызывает отражение света и его преломление.

Все эти чудеса – только начало его открытий; он раскрыл секрет наблюдения бесконечно возникающих и исчезающих вибраций, дрожаний света, проводящих свет или отражающих его в соответствии с плотностью частей [материи], с которыми они встречаются; он осмелился подсчитать плотность частиц воздуха, находящегося между двумя положенными одно на другое стеклами – плоским и выпуклым, – необходимую для обеспечения той или иной проводимости или отражения либо создания той или иной окраски.

Из всех этих комбинаций он извлек пропорцию, в какой свет воздействует на тела, а тела – на него. Он так хорошо понимал свет, что сумел определить границы искусства усиливать наше зрение и помогать ему телескопами.

Декарт с благородной доверчивостью, вполне извинительной для энтузиазма, внушенного ему первыми шагами искусства, почти им же самим и изобретенного, надеялся рассмотреть на звездах с помощью увеличительных стекол объекты столь же мелкие, какие можно различать на земле.

Ньютон показал, что нельзя далее усовершенствовать увеличительные стекла из-за рефракции и самой способности к преломлению, приближающих к нам объекты и тем самым слишком далеко отклоняющих простые лучи; он подсчитал в этих стеклах пропорцию отклонения красных и синих лучей и, перенеся доказательство в область, о существовании которой никто не подозревал, исследовал неравномерности, производимые формой стекла, и неравномерность, создаваемую преломляемостью. Он нашел, что, если в стеклянном объективе подзорной трубы, выпуклом с одной стороны и плоском – с другой, плоская сторона обращена в стороны объекта, ошибка, происходящая от конструкции и положения стекла, в пять тысяч раз меньше, чем ошибка, причиной которой является преломляемость; таким образом, не форма стекла виновна в том, что нельзя усовершенствовать подзорную трубу, но

сама материя света.

По этой причине он изобрел телескоп, увеличивающий объекты благодаря отражению, а не преломлению. Этот новый вид подзорной трубы очень труден для изготовления и не слишком удобен для пользования, но в Англии говорят, что телескоп, основанный на принципе отражения, размеров в пять футов, дает тот же эффект, что [обычные] увеличительные стекла размером в сто футов.

Письмо семнадцатое

О БЕСКОНЕЧНОСТИ И ХРОНОЛОГИИ

Лабиринт и пропасть бесконечности – также новый путь, проделанный Ньютоном, и именно от него протягивается здесь путеводная нить. Декарт оказывается его предшественником и в этом поразительном новшестве: он в своей геометрии продвинулся крупными шагами в направлении бесконечности, но остановился у края. Г-н Уоллис¹²⁷ около середины минувшего столетия был первым, кто привел дробь путем непрерывного деления к бесконечному ряду.

Милорд Брункер¹²⁸ воспользовался этим рядом для получения квадратуры гиперболы.

Меркатор¹²⁹ опубликовал доказательство этой квадратуры. Произошло это почти в то же самое время, как Ньютон в двадцатитрехлетнем изобрел всеобщий метод, дающий возможность производить всеми кривыми то действие, которое попробовали перед тем произвести над гиперболой.

Это тот самый метод повсеместного подведения бесконечности под алгебраический расчет, именуемый дифференциальным исчислением, или методом флюксий, и исчислением интегральным. Это искусство точно вычислять и измерять то, существование чего невозможно даже постичь.

В самом деле, не кажется ли вам, что над вами пытаются посмеяться, когда вас уверяют, будто существуют бесконечно длинные линии, образующие бесконечно малый угол?

Или когда вам говорят, будто прямая, являющаяся прямой, пока она конечна, когда изменяет бесконечно мало свое направление, становится бесконечной кривой? Иначе говоря, будто кривая может стать бесконечно мало кривой?

Или будто существуют квадраты бесконечности, кубы бесконечности и бесконечности бесконечностей, предпоследние из которых ничто в сравнении с последними?

Все это, представляющееся в первый момент верхом безрассудства, на самом деле является результатом усилия тонкого и емкого человеческого ума и методом отыскания истин, до сих пор неизвестных.

Это столь дерзкое построение покоится на самых простых идеях. Речь идет о том, чтобы измерить диагональ квадрата, получить выражение кривой и определить квадратный корень числа, не имеющего его в обычной арифметике.

Наконец, все эти ряды бесконечных не более должны возмущать наше воображение, чем широко известная теорема, гласящая, что между окружностью и касательной можно провести бесконечное число кривых, или чем другое положение – относительно бесконечной делимости материи. Обе эти истины давно доказаны, а между тем они не более постижимы, чем все остальное.

Долгое время у Ньютона оспаривали изобретение этого знаменитого исчисления. В Германии изобретателем дифференциалов, которые Ньютон именовал флюксиями, слыл Лейбниц, а Бернулли считал себя автором интегрального исчисления; однако честь первого открытия осталась за Ньютоном, на долю же других выпала слава возможности сомневаться, он или они были первыми.

Подобным же образом оспаривали у Гарвея¹³⁰ открытие циркуляции крови, у г-на Перро¹³¹ – открытие циркуляции сока [растений]. Гартсукер¹³² и Левенгук¹³³ оспаривали друг у друга честь первыми увидеть крошечных червячков, из которых мы развиваемся. Тот же Гартсукер оспаривал у г-на Гюйгенса¹³⁴ изобретение нового способа подсчета удаленности неподвижной звезды. И пока еще неизвестно, кто из философов разрешил эту проблему рулетки.

Как бы то ни было, именно с помощью этой геометрии бесконечности Ньютон пришел к самым величественным познаниям. Мне остается поведать вам о другой работе, более доступной пониманию рода человеческого, но в которой, как всегда, чувствуется творческий дух, вносимый Ньютоном во все его поиски: это совершенно новая хронология¹³⁵, ибо во всех своих предприятиях он непременно изменял идеи, принятые среди других людей.

Привыкнув вносить ясность в хаос, он пожелал, по крайней мере, внести наконец некоторый свет в хаос древних мифов, перемешанных с историей, и установить точную хронологию вместо недостоверной. Правда, не существует семьи, города, нации, которые не стремились бы отодвинуть в глубь веков свое происхождение; кроме того, первые историки – самые небрежные в установлении дат; книги были тогда в тысячу раз менее доступными, чем теперь; они меньше подлежали критике, а потому можно было более безнаказанно вводить в заблуждение весь свет; и, поскольку факты носили явно предположительный характер, вполне возможно, что столь же предположительными были и даты.

В целом Ньютону показалось, что мир на пятьсот лет моложе, чем это утверждают летописцы; он основывает свою идею на обычном ходе развития природы и на астрономических наблюдениях.

Здесь под ходом развития природы подразумевается время жизни каждого людского поколения. Египтяне первыми стали пользоваться этим неточным способом подсчета. Когда они хотели указать начало своей истории, они принимали в расчет триста сорок одно поколение, начиная от Менеса¹³⁶ и до Сетона¹³⁷, причем не располагая точными датами, они приравнивали длительность жизни трех поколений к ста годам; таким образом, они считали, что от царствования Менеса до царствования Сетона прошло одиннадцать тысяч триста сорок лет.

Греки до того, как стали вести счет по Олимпиадам, следовали египетскому методу: они лишь несколько растянули срок жизни поколения, считая продолжительность жизни для каждого поколения равной сорока годам.

Но в данном случае и египтяне, и греки ошибались в своих подсчетах. Правда, согласно обычному ходу природы три поколения живут около ста – ста двадцати лет, но это вовсе не означает, что такова же продолжительность трех царствований. Совершенно очевидно, что, как правило, люди живут дольше, чем царствуют короли; таким образом, человек, который пожелает написать историю, не располагая точными датами и зная, что у какого-то народа было девять царей, совершит большой промах, если положит этим девяти царям срок в триста лет. На долю каждого поколения приходится около тридцати шести лет, каждое царствование, сменяя другое в непрерывном ряду, продолжается около двадцати лет. Если взять тридцать королей Англии, начиная с Вильгельма Завоевателя и кончая Георгом Первым, то они царствовали шестьсот сорок восемь лет; разделите эти годы между тридцатью королями, и на долю царствования каждого из них придется двадцать один год с половиной. Шестьдесят три короля Франции царствовали, наследуя друг друга, приблизительно по двадцати лет каждый. Таково обычное течение природы; следовательно, древние ошибались, когда они в целом приравнивали продолжительность царствования ко времени жизни поколения; итак, счет их завышен и уместно из него кое-что вычесть.

Астрономические наблюдения как будто оказывают еще большее содействие нашему философу, он становится благодаря им более сильным, воюя, таким образом, на родной почве.

Вы знаете, Месье, что Земля, помимо своего годичного вращения вокруг Солнца с запада на восток, имеет еще и особое вращение, до последнего времени остававшееся совсем неизвестным. Ее полюса очень медленно перемещаются в обратном направлении, с востока на запад, благодаря чему их каждодневное положение неточно соответствует одним и тем же точкам небес. Различие это, незаметное на протяжении одного года, становится весьма сильным с течением времени, и к концу семьдесят второго года оно становится равным одному градусу, или, иначе говоря, триста шестидесятой части всего неба. Таким образом, по истечении семидесяти двух лет колюр весеннего равноденствия, проходивший через постоянную точку, соответствует другой постоянной точке; отсюда происходит, что Солнце, вместо того чтобы находиться в части неба, где во времена Гиппарха было созвездие Овна, занимает в небе положение, соответствующее положению созвездия

Тельца, а Близнецы оказываются в той части неба, где тогда был Телец. Все небесные знаки меняют свое место; между тем мы сохраняем античный способ выражения: мы говорим, что Солнце находится в созвездии Овна, с той же самой неточностью, с какой мы говорим о вращении Солнца.

Гиппарх¹³⁸ был первый среди греков, заметивший некоторые изменения в положении созвездий по отношению к [кругам] равноденствий, точнее, он узнал это от египтян. Философы приписали это движение звездам: ведь тогда были очень далеки от представления о подобном вращении Земли, ее считали во всех отношениях неподвижной. Итак, древние создали Небо, к которому они прикрепили все звезды, и придали этому небу особое движение по направлению к востоку, в то время как все звезды совершали, как казалось, свой каждодневный путь с востока на запад. К этой ошибке они добавили вторую, более существенную: они считали, что так вызываемое небо неподвижных звезд передвигается по направлению к востоку со скоростью одного градуса за сто лет; таким образом, они ошибались в своих астрономических подсчетах точно так же, как в своей физической системе. Например, какой-нибудь астроном мог бы сказать: "[Точка] весеннего равноденствия во времена такого-то наблюдателя находилась в таком-то знаке, у такой-то звезды; после этого наблюдения и до нашего времени точка эта переместилась на два градуса: но изменение на два градуса соответствует промежутку времени в двести лет; итак, наблюдатель этот жил за двести лет до меня". Ясно, что астроном, который рассуждал бы подобным образом, ошибся бы ровно на пятьдесят четыре года. Вот почему древние, совершая двойную ошибку, принимали за великий мировой год (так именовался кругооборот всего неба) примерно тридцать шесть тысяч лет. Но современные ученые знают, что это воображаемое вращение неба неподвижных звезд есть не что иное, как вращение полюсов Земли, совершающееся за двадцать пять тысяч девятьсот лет. Здесь уместно мимоходом заметить, что Ньютон, определяя форму Земли, очень удачно объяснил причину этого вращения.

Если допустить все вышесказанное, то для уточнения хронологии достаточно посмотреть, у какой звезды в наше время колюр весеннего равноденствия пересекает эклиптику, и попытаться при этом выяснить, не сообщает ли какой-либо древний наблюдатель, в какой точке пересекалась эклиптика тем же самым колюром равноденствия в его время.

Климент Александрийский сообщает¹³⁹, что Хирон, участник похода аргонавтов, наблюдал созвездия во время этой знаменитой экспедиции и установил, что линия весеннего равноденствия проходит посередине созвездия Овна, линия осеннего равноденствия – посередине созвездия Весов, линия нашего летнего солнцестояния – посередине созвездия Рака, а линия зимнего солнцестояния – посередине созвездия Козерога.

Много лет спустя после похода аргонавтов, за год до Пелопоннесской войны, Метон¹⁴⁰ сделал наблюдение, что линия летнего солнцестояния проходила тогда через восьмой градус созвездия Рака.

Каждое созвездие зодиака насчитывает в себе тридцать градусов. Во времена Хирона линия солнцестояния проходила посередине знака, или, иначе говоря, пересекала его пятнадцатый градус; за год до Пелопоннесской войны она проходила через восьмой градус, следовательно, она отступила на семь градусов. Один градус соответствует промежутку времени в семьдесят два года, значит, от начала Пелопоннесской войны до предприятия аргонавтов надо отсчитать семь раз по семьдесят два года, что составляет пятьсот четыре года, а вовсе не семьсот лет, как утверждают греки; сравнивая, таким образом, состояние неба на сегодняшний день с положением, существовавшим в те времена, мы видим, что экспедиция аргонавтов должна быть отнесена примерно к девятому веку до рождения Христова, а не к четырнадцатому веку, а следовательно, мир на самом деле приблизительно на пять столетий моложе, чем предполагали. Благодаря этому все эпохи приблизились и события происходили позже, чем это считали. Я не знаю, окажется ли эта остроумная система очень удачливой и захотят ли успокоиться на этой идее преобразования хронологии мира: быть может, ученые сочтут чрезмерным излишеством приписывать одному и тому же человеку честь усовершенствования сразу физики, геометрии и истории: это было бы каким-то родом вселенской монархии, а человеческое самолюбие с трудом может к этому приспособиться. Итак, во времена, когда крупнейшие философы атаковали притяжение, другие сражались с хронологической системой Ньютона. Время, которое должно показать, кому следует присудить победу, быть может, сделает исход этого спора еще более сомнительным.

Приложение первое

ИСТОРИЯ БЕСКОНЕЧНОСТИ

ГЛАВА XIX

Первые геометры, без сомнения, обратили внимание на одиннадцать или двенадцать теорем, и если бы они следовали им без отклонений, они оказались бы на краю пропасти; не могли они и не заметить того, что отдельные непроверяемые истины, открытые ими, окружены бесконечностью. Эта догадка смутно мелькнула у них с того момента, как подумали о том, что сторона квадрата никоим образом не может быть соизмерима с диагональю, или о том, что различные окружности всегда могут быть проведены между кругом и его касательной, и т.д.

Если даже кто-то просто вычислял квадратный корень числа 6, он отлично мог заметить, что это – число, лежащее между двумя и тремя, но, какое бы он ни производил деление, корень этот, к значению которого он постоянно приближался, никогда не будет найден. Если рассматривали прямую линию, пересекающую под прямым углом другую прямую, то замечали, что они пересекаются между собой в неделимой точке; но если линии эти пересекались под косым углом, это либо вынуждало допускать, что одна точка превышает по размеру другую, либо мешало что бы тони было понять в природе точек и начале любой величины.

Одно только наблюдение конуса должно поражать ум, ибо его основание, представляющее собой круг, содержит бесконечное количество линий. Вершина конуса представляет собой нечто бесконечно отличное от линии. Если рассечь этот конус параллельно его оси, мы получим фигуру, стороны которой все больше и больше будут приближаться к сторонам треугольника, образованного конусом, но никогда с ними не совпадут. Бесконечность была повсюду; каким образом получить площадь круга? Как выразить какую бы то ни было кривую?

До Аполлония¹⁴¹ круг был изучен лишь как мера углов и как то, что дает определенные средние пропорциональные. Это, кстати, доказывает, что египтяне, обучившие греков геометрии, были весьма посредственными геометрами, хотя и вполне хорошими астрономами. Аполлоний детально занялся сечениями конуса. Архимед рассматривал круг как фигуру, состоящую из бесконечного числа углов, и определил отношение диаметра к окружности настолько точно, насколько это доступно человеческому уму. Он нашел площадь параболы; Гиппократ из Хиоса¹⁴² нашел площадь сегментов круга.

Удвоение куба, тройное сечение угла, недоступные обычной геометрии, и квадратура круга, немислимая для любой геометрии, были объектом бесполезных поисков древних. На этом пути они раскрыли некоторые секреты, как это произошло и с искателями философского камня. Стала известна циссоида Диоклеса¹⁴³, приближающаяся к своей директрисе, но так и не совпадающая с ней, конкоида Никомеда¹⁴⁴, судьба которой аналогична, спираль Архимеда. Все это было открыто без алгебры, без счета, так сильно помогающего человеческому уму и служащего ему не столько просветителем, сколько проводником.

Как, например, два знатока арифметики, которым надо сделать подсчет, причем один из них делает его, постоянно имея перед своим умственным взором числа, а другой водит по бумаге счетной линейкой, старинной, но надежной, за которой он усматривает искомую истину лишь после нахождения результата и как человек, пришедший к ней с закрытыми глазами, почти так же различаются между собой геометр, не пользующийся счетом, но наблюдающий фигуры и устанавливающий отношения между ними, и алгебраист, выясняющий эти отношения с помощью действий, ничего не говорящих его уму. Однако с помощью первого из этих методов не уйдешь далеко: быть может, он предназначен для существ, стоящих на более высокой ступени, чем мы. Мы не нуждаемся во вспомогательных средствах, подтверждающих нашу слабость. По мере того как объем геометрии расширился, эти вспомогательные средства стали нам более необходимы.

Англичанин Гариот¹⁴⁵, Вьетт из Пуату¹⁴⁶ и особенно знаменитый Декарт применяли знаки и буквы. Декарт подчинил кривые алгебре и привел все к алгебраическим уравнениям.

Во времена Декарта, Кавальери¹⁴⁷, священник Ордена иезуитов, в наше время более не существующего, опубликовал в 1635 году "Геометрию неделимых": это совсем

новая геометрия, согласно которой плоскости образуются бесконечным числом линий, а тела – бесконечным числом плоскостей. Правда, он не более осмеливался произнести слово "бесконечность" в математике, чем Декарт – в физике. Оба они пользовались смягченным термином неопределенность. Между тем у Роберваль¹⁴⁸ во Франции были те же идеи, а в Брюгге жил иезуит, который сделал гигантские шаги на этом пути, но идя иной дорогой. Это был Грегуар де Сент-Винсент¹⁴⁹, который, поставив перед собой ошибочную цель и считая, что он открыл квадратуру круга, и в самом деле открыл удивительные вещи. Он привел к конечным отношениям саму бесконечность и познал ее в великом и малом.

Но исследования эти были потоплены в трех томах in-folio: в них не доставало методичности, и, что самое худшее, явная ошибка в конце книги повредила всем содержащимся в ней истинам.

Между тем продолжались непрерывные поиски квадратур кривых. Декарт пользовался касательными; Ферма, советник из Тулузы, применил свой закон максимальных и минимальных; закон этот заслуживал более справедливого отношения, чем проявил к нему Декарт. Англичанин Уоллис в 1655 году отважно предложил арифметику бесконечных [чисел] и бесконечных рядов в числе.

Милорд Брункер воспользовался таким рядом, чтобы получить квадратуру гиперболы. Значительная доля этого открытия принадлежит Меркатору де Гольштейну; однако главным образом речь шла здесь о построении кривых, т.е. о том, за что так удачно взялся лорд Брункер. Шли поиски всеобщего метода подчинения бесконечности алгебре, подобно тому как Декарт подчинил ей конечное; именно этот метод и открыл Ньютон в возрасте двадцати трех лет; за это он заслуживает такого же восхищения, как наш юный г-н Клеро¹⁵⁰, который в возрасте тринадцати лет сумел опубликовать Трактат по измерению кривых с двойным изгибом. Метод Ньютона состоит из двух частей – дифференциального и интегрального исчисления.

Дифференциальное исчисление состоит в том, чтобы найти величину, меньшую любой определенной и которая, будучи взята бесконечное число раз, оказывается равной данной величине; именно это в Англии называют методом флюент, или флюксий.

Интегрирование состоит в получении итоговой суммы дифференциальных величин.

Знаменитый философ Лейбниц и глубокий математик Бернулли заявляли свои права, один – на дифференциальное, другой – на интегральное исчисление; надо быть способным открывать столь великие вещи, чтобы осмелиться приписать себе честь этого открытия. Почему трем великим математикам, ищущим истину, ее не открыть? Торичелли, Ла Лубер¹⁵¹, Декарт, Роберваль, Паскаль разве не доказали, каждый со своей стороны, свойства циклоиды, именованной в их время рулеткой? Не наблюдали ли мы часто ораторов, трактующих один и тот же предмет, использующих одни и те же мысли, но под различными названиями? Символы, которыми пользовались Ньютон и Лейбниц, были различными, но мысли их были одни и те же.

Как бы то ни было, бесконечность стали в то время подчинять счету.

Незаметно привыкли к тому, что получали бесконечные величины неравной величины. Это столь дерзкое построение испугало одного из своих архитекторов. Лейбниц не осмелился своим бесконечным дать иное наименование, кроме "несоизмеримых", но г-н де Фонтенель пришел наконец к тому, что установил эти различные ряды бесконечных без всяких оговорок, и, конечно, он был совершенно уверен в своем деянии, коль скоро он на него дерзнул.

Приложение II

О НЬЮТОНЕ

Ньютон сначала предназначал себя служению церкви. Он начал свой путь как теолог, и следы этого заметны на всей его жизни. Он серьезно принял сторону Ария¹⁵² против Афанасия. Он пошел даже несколько дальше Ария, так же как все социниане. В Европе в настоящее время многие ученые придерживаются этого мнения (я не могу сказать: "этой общины", потому что они не образуют корпорации). Среди них самих существуют разногласия, и многие из них сводят свою систему к чистому деизму, приспособленному к христианской морали. Ньютон не принадлежал к этим последним. Он расходился с англиканской церковью лишь по догмату о единственности, всему остальному он давал веру.

Доказательством его чистосердечной веры может служить то, что он комментировал Апокалипсис¹⁵³. В этом комментарии он недвусмысленно заявляет, что папа – антихрист; впрочем, он толкует эту книгу так же, как и все те, кто к ней прикасался. Этим комментарием он явно хотел успокоить человеческий род относительно своего над ним превосходства.

Многие, прочитав кое-что из "Метафизики", помещенной Ньютоном в конце его Математических принципов, нашли там некоторые вещи столь же темными, как Апокалипсис. Метафизики и теологи весьма напоминают тех гладиаторов, которых заставляли сражаться с повязкой на глазах. Но когда Ньютон трудился с открытыми глазами над своей математикой, взгляд его достигал границ мира.

Он изобрел счет, именуемый исчислением бесконечного; он открыл и доказал новый принцип, являющийся двигателем всей природы. До него не был познан свет. Относительно света имелись лишь смутные и ошибочные идеи. Он рек: "Да будет познан свет!" – и свет был познан.

Зеркальные телескопы были изобретены Ньютоном. Первый из них ?был сделан его собственными руками; и он показал, почему нельзя увеличить силу и дальность обычных телескопов. В связи с появлением его нового телескопа один немецкий иезуит принял Ньютона за мастерового, за изготовителя увеличительных стекол. *Artifex quidam nomine Newton** (Некий ремесленник по имени Ньютон (лат.)). – Примеч. Переводчика) – записал он в своей маленькой книжце. Потомство впоследствии за него как следует отомстило. Но во Франции по отношению к нему была проявлена еще большая несправедливость: его принимали за экспериментатора, который ошибался, и, поскольку Мариотт¹⁵⁴ пользовался плохими призмами, открытия Ньютона были отвергнуты.

Соотечественники его восхищались им с первого момента его писаний и его деятельности. Во Франции же его хорошо узнали лишь в конце сорокового года его жизни. Взамен мы имели пористую и разветвленную материю Декарта и маленькие вялые вихри преподобного отца Мальбранша; еще у нас была система г-на Прива де Мольера¹⁵⁵, который не стоит, однако, и мизинца Поклена де Мольера¹⁵⁶.

Из всех тех, кто хоть немного общался с г-ном кардиналом де Полиньяком¹⁵⁷, нет ни одного человека, который бы не слышал от него, что Ньютон – перипатетик и что его разноцветные лучи, и особенно его притяжение, сильно пахивают атеизмом. Ко всем преимуществам, данным ему природой, у кардинала Полиньяка присоединилось еще огромное красноречие. Он со счастливой и поражающей легкостью сочинял латинские стихи, но знал он только Декартову философию и запомнил рассуждения Декарта так, как запоминают даты. Он ничуть не стал геометром и не был рожден философом. Он мог судить о "Катилинариях" и "Энеиде", но не о Ньютоне и Локке.

Если подумать, что Ньютон, Локк, Кларк, Лейбниц подвергались преследованиям во Франции, попадали под арест в Риме, [а книги их] сжигались в Лиссабоне, что следует сказать о человеческом разуме? В нашем веке он родился в Англии. Во времена королевы Марии¹⁵⁸ существовали довольно жесткие преследования за манеру греческого произношения, причем преследователи заблуждались. Те, кто наложил на Галилея епитимью, заблуждались еще больше. Любой инквизитор должен был бы до самой глубины души залиться краской стыда при взгляде на один только глобус Коперника¹⁵⁹. Между тем, если бы Ньютон был рожден в Португалии и какой-нибудь доминиканец усмотрел ересь в обратной пропорциональности квадрату расстояния, сэра Исаака Ньютона облачили бы в покаянную одежду и отправили бы на аутодафе.

Нередко спрашивают, почему те, кому их служение повелевает быть учеными и терпимыми, столь часто бывали невежественными и бессердечными. Они были невежественны потому, что слишком долго учились, и жестокими потому, что чувствовали, как их никчемные занятия становятся объектом презрения мудрых людей. Разумеется, инквизиторам, имевшим бесстыдство проклясть систему Коперника не только как еретическую, но и как абсурдную, нечего было страшиться этой системы. Земля, как и другие планеты, могла сколько угодно вращаться вокруг Солнца, они от этого не теряли ни капли своих доходов и почестей.

Религиозная догма всегда в безопасности, когда ее опровергают только философы: все академики вселенной ничего не изменят в веровании народа. Какова же причина ярости, столько раз возбуждавшей Анита против Сократа? Да та, что Аниты говорят себе в глубине души: "Сократы нас презирают".

В молодости моей я полагал, что Ньютон составил себе состояние благодаря своим исключительным заслугам. Я воображал, что двор и Лондон без голосования признали его главным смотрителем королевского Монетного двора. Ничуть не бывало. Исаак Ньютон имел довольно хорошенькую племянницу, прозванную "Мадам Кондюит". Она очень нравилась великому казначею Галифаксу. Исчисление бесконечно малых и гравитация ничего не дали бы Ньютону, не будь у него красивой племянницы.

Письмо восемнадцатое

О ТРАГЕДИИ

У англичан уже был театр, равно как и у испанцев, тогда, когда французы не имели ничего, кроме балаганов. Шекспир¹⁶⁰, слышущий английским Корнелем¹⁶¹, процветал приблизительно во времена Лопе де Веги¹⁶²; он создал театр; он был гением, исполненным творческой силы, естественности и возвышенности, но без малейшей искорки хорошего вкуса и какого бы то ни было знания правил. Я намерен сказать вам нечто рискованное, но истинное, а именно что достоинства этого автора погубили английский театр. В его чудовищных фарсах, именуемых трагедиями, повсюду разбросаны такие прекрасные сцены, столь величественные и страшные отрывки, что эти пьесы всегда игрались с огромным успехом. Время, которое одно только создает людям славу, в конце концов делает почтенными даже их недостатки. Большинство причудливых идей и преувеличений этого автора получили по истечении двухсот лет право слыть возвышенными. Новые авторы почти все ему подражали, но то, что пользовалось успехом у Шекспира, было освистано у них, и поверьте, что преклонение перед этим старым автором возрастает в меру того презрения, которое питают к авторам новым. При этом не размышляют о том, что не следовало бы ему подражать, и провал подражателей заставляет лишь думать, что Шекспир неподражаем.

Вы знаете, что в трагедии "Венецианский мавр"¹⁶³, весьма трогательной пьесе, муж удушает на сцене свою жену и эта бедная женщина, умирая, вскрикивает, что погибает совсем невинной. Вам также известно, что в "Гамлете" могильщики роют могилу и при этом пьют вино, поют водевильные песенки и отпускают по поводу открытой им мертвой головы шуточки, достойные людей их профессии; но вы будете поражены, если узнаете, что эти нелепости вызвали подражания в царствование Карла Второго, отличившееся отменной учтивостью и бывшее золотым веком изящных искусств.

Отуэй¹⁶⁴ в своей "Спасенной Венеции" выводит сенатора Антонио и куртизанку Наки в разгар ужасов заговора маркиза де Бедмара. Старик-сенатор, увиваясь за своей куртизанкой, проделывает перед ней всевозможные ужимки старого бессильного развратника, абсолютно лишенные здравого смысла: он изображает быка и кобеля, кусает икры своей любовницы, получая от нее за это удар ногой или хлыстом. Из пьес Отуэя были изъяты все эти буффонады презренного негодяя, однако в "Юлии Цезаре" Шекспира оставили шуточки римских сапожников и башмачников в сцене Брута и Кассия. И это потому, что глупости Отуэя новы, а глупости Шекспира стары.

Вы, конечно, посетуете, что все сообщенное вам до сих пор об английском театре, и особенно знаменитом Шекспире, показывает вам пока только его ошибки, и никто не потрудился дать перевод хотя бы одного из тех потрясающих мест, которые служат извинением всех его погрешностей. Я отвечу вам на это, что весьма легко рассказывать в прозе об ошибках поэта, но очень трудно перевести его прекрасные стихи. Все писаки, выступающие в качестве критиков знаменитых писателей, копируют целые тома; я предпочел бы две странички, которые познакомили бы нас с какими-то красотоми; ибо я всегда буду утверждать вместе с людьми, обладающими хорошим вкусом, что можно извлечь гораздо больше пользы из дюжины стихов Гомера¹⁶⁵ или Вергилия¹⁶⁶, чем из всех критических описаний, относящихся к двум этим великим людям.

Я осмелился перевести несколько отрывков из лучших английских поэтов и предлагаю вам отрывок из Шекспира. Будьте снисходительны к переводу во имя оригинала и вспоминайте всякий раз, когда вы видите Перевод, что перед вами всего лишь бледная копия прекрасной картины. Я выбрал монолог из трагедии "Гамлет", известный всему миру и начинающийся со стиха:

To be or not to be, that is the question*.

Быть или не быть – таков вопрос (англ.). – Примеч.

Это слова Гамлета, принца Датского.

Остановись; необходимо выбрать и внезапно перейти

От жизни к смерти, иль от бытия к небытию.

Жестокие боги! Если только вы можете, осветите путь моему мужеству.

Надо ли состариться согбенным той рукой, что меня гнетет,

Надо ли терпеть мой несчастный жребий или положить ему конец?

Кто я? Кто остановит меня? И что такое смерть?

Это – конец наших бед, мой единственный приют;

После долгих мытарств – это спокойный сон;

Мы засыпаем и все умирает с нами; но, быть может, страшное пробуждение

Должно последовать за сладким сном.

Нам угрожают и говорят, что за этой краткой жизнью

Тотчас же последуют вечные муки.

О смерть! Час роковой! Страшная вечность!

Все сердце цепенеет от ужаса при одном твоём имени!

Кто мог бы без тебя выносить эту жизнь

И благословлять лживое лицемерие наших духовных отцов,

Льстить прегрешеньям недостойной возлюбленной,

Пресмыкаться перед министром, преклоняться пред его величием

И показывать слабость своей поверженной души

Неблагодарным друзьям, отвращающим свой взгляд?

Смерть чересчур сладка в таких крайних обстоятельствах;

Но тут возникает сомнение и кричит нам: Остановитесь!

Оно запрещает нашим рукам это счастливое человекоубийство

И превращает воинственного героя в смиренного христианина,

и т.д.

Не думайте, что я передал здесь английский текст слово в слово. Горе тем, кто переводит буквально и, передавая каждое слово, обескровливает смысл. Именно в этих случаях следует сказать, что буква убивает, а дух дает жизнь.

Вот еще один отрывок из знаменитого английского трагика Драйдена¹⁶⁷, поэта времен Карла Второго, автора скорее плодовитого, чем здравомыслящего, который пользовался бы незапятнанной репутацией, если бы написал не более десятой части своих сочинений, и чьим большим недостатком было стремление к универсальности. Отрывок этот начинается так:

When I consider life, t'is all a cheat. Yet fool'd by hope men favour the
deceit*

Я вижу, в жизни все – обман,

Надежды полные, благословляем ложь (англ.). – Примеч. переводчика

Сожаление о замыслах и ложные желанья...

Безрассудные смертные пестуют свое безумие.

В своих насущных бедах и надеждах на наслажденье

Мы не живем, мы ожидаем жизнь.

Завтра, завтра, – говорим мы себе, – исполнятся все наши желанья;

Но приходит это завтра и оставляет нас еще более несчастными.

Какая страшная ошибка, увы, – эта забота, пожирающая нас!

Никто из нас не пожелал бы проделать свой путь сначала:

С первых же наших минут мы проклинаям зарю

И от надвигающейся ночи продолжаем ждать

Того, что вотще нам сулил прекраснейший из наших дней,

и т.д.

Именно этими отрывками до сих пор блистали английские трагические поэты: в их пьесах, которые почти все варварски грубы, лишены благопристойности, порядка и правдоподобия, бывают поразительные проблески света среди ночного мрака. Стиль их чрезмерно выпретен, неестествен и слишком напоминает манеру еврейских писателей, исполненную азиатской напыщенности; однако следует также признать, что ходули образного стиля, на которые взбирается английский язык, поднимают также достаточно высоко и смысл, хотя и неупорядоченным путем.

Первый из англичан, создавший дельную пьесу и написавший ее от начала до конца с изяществом, – это прославленный г-н Аддисон¹⁶⁸. Его "Катон Утический" – шедевр по своему слогу и красоте стиха. Роль Катона, на мой вкус, стоит по своим достоинствам значительно выше роли Корнелия в "Помпее" Корнелия, ибо Катон велик без напыщенности, а Корнелий, который и вообще-то не является необходимым персонажем, иногда ударяется в галиматью. Катон г-на Аддисона кажется мне самым прекрасным действующим лицом, какое когда-либо появлялось на сцене, но остальные роли пьесы ему не соответствуют, и сочинение это, так прекрасно написанное, обезображено холодной любовной интригой, разливающей по пьесе тоску, которая ее убивает.

Обычай вводить невпопад любовь в драматические произведения перешел из Парижа в Лондон около 1600 года вместе с нашими лентами и париками. Дамы, украшающие там театральные залы, так же как у нас, не желают, чтобы им говорили о чем-либо, кроме любви. Мудрый Аддисон с мягкой услужливостью подчинял суровость своего характера нравам своего времени и искажил шедевр во имя желанья нравиться.

После него пьесы стали более упорядоченными, публика – более придирчивой, а авторы – более корректными и менее смелыми. Я видел новые пьесы, очень мудрые, но холодные. По-видимому, до сих пор англичане были созданы лишь для того, чтобы творить беспорядочную красоту. Блистательные чудища Шекспира доставляют в тысячу раз большее наслаждение, чем современная умудренность. Поэтический гений англичан до настоящего времени напоминал густое дерево, рожденное природой, беспорядочно разбрасывающее тысячи ветвей и растущее с неравномерной силой; оно погибает, если вы хотите принудить его природу и подрезать его наподобие деревьев в садах Марли.

Письмо девятнадцатое

О КОМЕДИИ

Не знаю, каким образом мудрый и остроумный г-н де Мюро¹⁶⁹, письмами которого об англичанах и французах мы располагаем, ограничился, говоря о комедии, критикой

Вольтер философские письма filosoff.org
одного лишь комедиографа по имени Шадуол170.

Автор этот был в свое время достаточно презираем; он не был поэтом людей порядочных: его пьесами, которыми в течение нескольких представлений наслаждался народ, пренебрегали все люди с хорошим вкусом; они напоминали пьесы, которые во Франции, как мне случалось видеть, привлекали толпу и возмущали читателей и о которых можно сказать:

Весь Париж их проклиняет, весь Париж их избегает.

Г-н де Мюро должен бы, кажется, рассказать нам о выдающемся авторе, жившем в те времена, – это г-н Уичерли171, который долгое время был официальным возлюбленным самой знаменитой фаворитки Карла Второго. Человек этот, живший среди высшего света, в совершенстве знал его пороки и смешные стороны и набросал их самыми сильными мазками и самыми правдоподобными красками.

Он вывел мизантропа, списанного им с мизантропа Мольера. Все характеристики Уичерли сильнее и смелее, чем у нашего Мизантропа, но в то же время они менее тонки и благопристойны. Английский автор исправил единственный недостаток пьесы Мольера, а именно отсутствие интересной интриги. Английская пьеса интересна, и интрига в ней остроумна, но для наших нравов она, конечно, слишком смела. Там выведен капитан корабля, исполненный мужества и чистосердечия, а также презрения к человеческому роду; у него есть мудрый и искренний друг, которому он не доверяет, и любовница, нежно его любящая, которую он не удостаивает даже взгляда; напротив, он отдает все свое доверие ложному другу – самому недостойному из живущих на Земле людей, а свое сердце – самой кокетливой и вероломной из женщин; он совершенно уверен, что женщина эта – Пенелопа, а его ложный друг – сам Катон. Он отправляется сражаться с голландцами, оставив все свои деньги, драгоценности и все, чем он владеет в мире, этой "благородной" женщине и саму эту женщину поручает своему "верному" другу, на которого он так полагается. Между тем истинно порядочный человек, от которого он так решительно отвернулся, отправляется в путешествие вместе с ним, а любовница, которую он не удостаивал даже взгляда, переодевается пажом и сопровождает его, так что капитан не замечает ее настоящего пола в течение всей кампании. Подорвав свое судно в битве, капитан возвращается в Лондон без средств, без судна и без денег, со своим пажом и с другом, не понимая ни дружбы одного, ни любви другой. Он прямо направляется к "жемчужине среди женщин", рассчитывая найти у нее свою шкатулку и верность, однако он застаёт ее замужем за "честным" негодяем, которому он ее поручил, а от его отданных на хранение сокровищ остались лишь жалкие крохи. Герою нашему трудней всего на свете поверить, что честная женщина способна на подобные фокусы; но словно чтобы лучше его в том убедить, эта благородная дама влюбляется в маленького пажа и хочет взять его силой; однако поскольку необходимо, чтобы восторжествовала справедливость, и потому, что в театральной пьесе порок должен быть наказан, а добродетель – вознаграждена, в конце концов получается, что капитан подменяет пажа, спит со своей неверной возлюбленной, наставляет рога своему другу-предателю, пронзает его насквозь добрым ударом шпаги, возвращает себе шкатулку и женится на своем паже. Заметьте, что в пьесу эту еще втиснута некая графиня Пимбеш, старая сутяга, родственница капитана, – самое забавное существо и лучшая характерная роль, какая встречалась когда-либо в театре.

Уичерли позаимствовал у Мольера еще одну пьесу, не менее необычную и не менее смелую – подражание "Школе жен".

Главный персонаж этой пьесы – богатый шалопай, пугало лондонских мужей, который, дабы более преуспеть в своем деле, решает распусть слух, что во время его последней болезни хирурги сочли нужным сделать его евнухом. При столь великолепной репутации все мужья стали приводить к нему своих жен, и бедняге оставалось единственное препятствие – трудность выбора; он отдает особое предпочтение маленькой крестьяночке, совершенно невинной и очень темпераментной, делающей своего мужа рогоносцем с чистосердечием, которое вполне стоит коварства более опытных дам. Пьеса эта, если вам угодно, не является школой хороших нравов, но это поистине школа остроумия и истинного комизма.

Некий сэр Ванбру172 писал комедии еще более забавные, хотя и менее остроумные. Господин этот был светским человеком и сверх того еще поэтом и архитектором; считают, что он писал так же, как строил, – несколько грубовато. Именно он построил знаменитый замок Бленгейм, "тяжеловесный и прочный памятник нашей

злополучной битвы при Гохштедте. Если бы только его апартаменты были так же обширны, как толсты его стены, замок этот был бы весьма удобным.

В эпитафии Ванбру выражено пожелание, чтобы земля не была ему пухом, ибо при жизни своей он ее так безжалостно отягощал. Господин этот во время своего путешествия во Францию перед войной 1701 года был брошен в Бастилию и оставался там некоторое время, совершенно не ведая, за что наше правительство почтило это этим отличием. В Бастилии он сочинил комедию, и что меня весьма удивляет, так это полное отсутствие в этой пьесе выпадов против страны, в которой он претерпел такое насилие.

Из всех англичан более всех содействовал росту славы комедийного театра покойный г-н Конгрив¹⁷³. Он написал мало пьес, но все они в своем роде выдающиеся. В них строго соблюдаются сценические правила и многочисленные типы даны в высшей степени тонкой нюансировке; в этих комедиях совершенно нетерпимы шуточки дурного тона; повсюду в них царит речь порядочных людей, соединенная с поступками плутов, что доказывает его отличное знание своего окружения – так называемого порядочного общества. Когда я его узнал, он был немощен и почти при смерти; у него был один недостаток – он мало уважал свое главное занятие, писательство, составившее ему имя и состояние. Он говорил мне о своих сочинениях как о безделках, которые его недостойны, и в первой же беседе со мной просил меня относиться к нему лишь как к дворянину, весьма просто живущему. Я отвечал ему, что, если бы он имел несчастье быть лишь дворянином, как любой другой, я никогда не нанес бы ему визита; я был очень шокирован этим столь неуместным тщеславием.

Его пьесы – самые остроумные и меткие; комедии Ванбру – самые веселые, а комедии Уичерли – самые сильные.

Следует заметить, что никто из этих остроумцев не отзывался плохо о Мольере. Только плохие английские авторы говорили дурно об этом великом человеке. Так, именно скверные итальянские музыканты презирают Люлли¹⁷⁴, но Бонончини¹⁷⁵ его уважает и отдает ему должное, точно так же как Меад¹⁷⁶ высоко ценит Гельвеция¹⁷⁷ и Сильву¹⁷⁸.

В Англии есть и другие хорошие комические поэты, такие, как сэр Стил¹⁷⁹ и г-н Сиббер¹⁸⁰, великолепный комедиограф и, кроме того, королевский поэт; титул этот кажется смешным, но он обычно дает тысячу экю ренты и значительные привилегии. Наш великий Корнель столько не имел.

Наконец, не просите меня, чтобы я входил здесь в мельчайшие подробности английских пьес, великим поклонником которых я являюсь, или чтобы я передал вам какую-либо остроуту или шуточку Уичерл[ей] и Конгрив[ов]: перевод не вызывает смеха. Если вы хотите познакомиться с английской комедией, единственное для этого средство – отправиться в Лондон, хорошенько изучить английский язык и каждый день смотреть в театре комедию. Я не получаю большого удовольствия от чтения Плавта¹⁸¹ и Аристофана¹⁸², а почему? Да потому, что я не грек и не римлянин. Тонкость острот, намеков, злободневность – все это пропадает для иностранца.

Иначе обстоит дело в трагедии – там, где речь идет лишь о великих страстях и героических глупостях, освященных древними ошибками мифов или истории. Эдип, Электра¹⁸³ принадлежат испанцам, англичанам и нам точно так же, как грекам. Но хорошая комедия – это живая картина смешных сторон нации, и, если вы не знаете глубоко эту нацию, вы не можете судить о картине.

Письмо двадцатое

О ВЕЛЬМОЖАХ, КУЛЬТИВИРУЮЩИХ ЛИТЕРАТУРУ

Во Франции существовали времена, когда изящные искусства находились под покровительством первых лиц государства. В особенности придворные вопреки рассеянному образу жизни, жалким вкусам и страсти к интригам растрачивали на это все богатства страны.

Ныне, как мне кажется, при дворе господствуют совсем иные вкусы, чем вкус к литературе, но, быть может, туда скоро вернется мода мыслить: ведь королю стоит только пожелать – и из этой нации можно сделать все что угодно. В Англии, как правило, мыслят, и литература там в большем почете, чем во Франции. Преимущество

это – необходимое следствие формы тамошнего правления. В Лондоне около восьмиста лиц пользуются правом публичных выступлений в поддержку национальных интересов; в свою очередь, пять или шесть тысяч человек претендуют на ту же самую честь, все остальные считают себя их судьями и каждый имеет возможность опубликовать в печати свое мнение по поводу общественных дел. Таким образом, вся нация в целом поставлена перед необходимостью получать образование. Здесь то и дело слышишь об афинском или римском государственном строе, поэтому волей-неволей приходится читать авторов, трактующих этот предмет, и занятия эти, естественно, заставляют обращаться к изящной литературе. Обычно унастроение людей совпадает с духом их занятий. Почему, как правило, наши должностные лица, адвокаты, врачи и многие представители духовенства обладают большим образованием, вкусом и умом, чем люди всех остальных профессий? Да потому, что их положение действительно требует просвещенного ума, точно так же как профессия торговца требует знания своей области коммерции. Недавно один очень важный английский вельможа¹⁸⁴ навестил меня в Париже на обратном пути из Италии; он сочинил описание этой страны в стихах, ничуть не уступающее по изяществу всему тому, что написал граф Рочестер¹⁸⁵ и наши Шолье¹⁸⁶, Саррасен¹⁸⁷ и Шапеллы¹⁸⁸.

Перевод, сделанный мной, столь далек от силы и изящного остроумия оригинала, что я вынужден серьезно просить прощения у автора и у тех, кто понимает английский язык; однако поскольку у меня нет иного средства познакомить вас со стихами Милорда... то вот мой перевод:

Что видел я в Италии?

Горделивое чванство, интриги и бедность,

Высокопарную лесть, мало доброты

И множество церемоний:

Нелепую комедию,

Кою инквизиция* часто требует

Именованной религией,

Но которую мы здесь называем сумасбродством.

Напрасно благодетельная природа

Тщится обогатить эти прелестные края:

Священники пагубной рукой

Удушают прекраснейшие ее дары.

Мнимо великие монсеньоры,

Одинокие в своих великолепных дворцах,

Живут там знатными тунеядцами

Без денег и без слуг.

Для малых мучеников тягостного ярма,

Лишенных свободы,

Они сотворили обет бедности;

В праздности они возносят молитвы Богу

И вечно соблюдают голодный пост.

Эти прекрасные священные пределы пап

Кажутся населенными дьяволами,

И их злополучные обитатели

Прокляты в раю.

Быть может, мне скажут, что стихи эти принадлежат еретику. Но ведь сплошь и рядом делаются переводы, и довольно скверные, из Горация¹⁸⁹ и Ювенала¹⁹⁰, имевших несчастье быть язычниками. Вы отлично знаете, что переводчик не должен отвечать за мысли оригинала; единственное, что ему доступно, – это молить Бога за свой перевод; что я и делаю, прося милости Бога к моему переводу стихов Милорда.

*Без сомнения, он подразумевает здесь фарсы, разыгрываемые некоторыми проповедниками на городских площадях. – Примеч. Вольтера.

Письмо двадцать первое

О ГРАФЕ РОЧЕСТЕРЕ И Г-НЕ УОЛЛЕРЕ

Всему свету известна репутация графа Рочестера. Г-н де Сент-Эвремон¹⁹¹ много писал об этом, однако он познакомил нас со славным Рочестером лишь как с ловеласом и прожигателем жизни, я же хочу рассказать о нем как о талантливом человеке и большом поэте. Среди других творений, блиставших пламенной силой воображения, присущей лишь ему одному, он сочинил несколько сатир на те же темы, что и наш знаменитый Депрео. Я не знаю лучшего средства для совершенствования вкуса, чем сравнение между собой великих талантов, работавших над одинаковыми сюжетами.

Вот каким образом высказывается г-н Депрео против человеческого разума в своей сатире на человека¹⁹²:

Между тем, его можно видеть подбитым ветерком.

Убаюкивающим самого себя собственными химерами.

Он – единственное основание и опора всей природы,

И десятое небо вращается лишь для него.

Он здесь повелитель всех живых существ;

Но ты спрашиваешь: кто может его отрицать? Быть может, я

Этот мнимый повелитель, издающий для них законы,

Этот царь животных – сколько у него самого царей?

А вот как изъясняется граф де Рочестер в своей сатире на человека, правда, читателю необходимо постоянно помнить о том, что мы даем здесь свободные переводы английских поэтов и что природа нашего стихосложения и деликатная пристойность нашего языка не способны адекватно выразить буйную вольность английского стиля.

Сей разум, ненавистный мне, исполненный ошибок,

Принадлежит не мне: он твой, ученый доктор.

Сей разум легковесен, беспокоен, спесив,

Он – надменный соперник мудрых животных,

Полагающий, что занимает место между ними и ангелами,

И воображающий, что являет собой образ Бога здесь, на Земле.

Подлый, назойливый атом, верующий, сомневающийся, дискутирующий,

Раболепствующий, вздымающийся ввысь, низвергающийся стремглав и

вдобавок еще отрицающий свое падение,
Он говорит нам: "я свободен", и в то же время грозит нам своим
оружием; , Его неверный и лживый взор думает проникнуть вселенную.
Ну же, преподобные дурни, блаженные фанатики,
Сочиняйте груды вашей схоластической ерунды!
Вы - отцы фантазий и священных ребусов,
Создатели лабиринта, в котором вы сами заблудились;
Давайте же путанные объяснения ваших тайн
И спешите в Школу, чтобы поклоняться своим химерам.
Есть и другие ошибки - ошибки тех ханжей,
что сами себя присудили к нудному ничегонеделанью.
И этот запертый в уединении мистик, гордый своею ленью,
Сподобившийся покоя в лоне божьем - на что он способен?
Он мыслит.
Нет, злополучный! Ты не мыслишь, ты спишь!
Бесполезный Земле, причисленный к мертвецам,
Твой раздраженный разум коснеет в неге.
Проснись, стать человеком, стряхни с себя дурман!
Человек создан для действия, ты же притязашь на роль мыслителя!
Истинны ли или ложны эти идеи, верно лишь одно: они выражены с энергией,
выдающей поэта.

Я поостерегусь исследовать этот предмет как философ и бросить сейчас кисть ради
компаса. Единственная моя цель в этом письме - продемонстрировать гений
английских поэтов, и потому я буду продолжать в той же тональности.

Во Франции много слышали о знаменитом Уоллере¹⁹³. Похвальное слово ему
произнесли господи де Лафонтен, Сент-Эвремон и Бейль, однако широко известно
лишь его имя. В Лондоне он пользовался примерно такой же репутацией, как
Вуатюр¹⁹⁴ в Париже, и, думается мне, он с большим правом ее заслужил. Вуатюр
появился во времена, когда мы только-только выходили из варварства и когда еще
царило невежество. Стремилась к остроумию, но пока что им не обладали; хватались
за ловкие обороты, заменявшие мысль - ведь фальшивые бриллианты легче отыскать,
чем драгоценные камни. Вуатюр, от природы обладавший фривольным и легковесным
талантом, был первым, кто блистал на заре французской литературы; если бы он
явился после великих людей, украсивших собой век Людовика XIV, он либо остался
бы неизвестен, либо о нем говорили бы с худо скрытым пренебрежением, либо,
наконец, он должен был исправить свой стиль. Г-н Депрео хвалит его, но лишь в
своих ранних сатирах, т.е. в то время, когда собственный вкус Депрео не
сформировался; он был молод и находился в том возрасте, когда о людях судят по
их репутации, а не в соответствии с собственным их достоинством; впрочем, Депрео
в своих похвалах и в критике часто бывал несправедлив. Он хвалил Сегрэ¹⁹⁵,
которого не читала ни одна живая душа; он бранил кино¹⁹⁶, которого весь свет
знает наизусть, и ничего не сказал о Лафонтене. Уоллер, лучший поэт, чем Вуатюр,
был, однако, далек от совершенства: его галантные стихи дышат грацией, но
небрежность делает их тягучими, и часто их обезображивают ложные мысли. К его
временам англичане не научились еще писать в соответствии с правилами. Его
серьезные произведения исполнены силы, которой трудно было бы ожидать от его

остальных, вялых пьес. Он написал надгробное слово Кромвелю, которое при всех своих недостатках считается шедевром: дабы почувствовать это творение, надо знать, что Кромвель скончался в день, когда бушевал ураган исключительной силы. Вещь эта начинается так:

Его больше нет, все кончено, покоримся жребию.

Небо отметило этот день бурей,

И звук грома, разносившийся над нашими головами,

Возвестил его смерть.

Своим последним вздохом он сотряс этот Остров,

Тот Остров, который его руки не раз заставляли содрогаться,

Когда в ходе своих деяний

Он разбивал головы Королей

И подчинял свой народ, покорный лишь его игу.

Море, тебя взбаламутила его смерть.

О море! Твои всколыхнувшиеся валы,

Казалось, с ревом рассказывают далеким берегам о том,

Что гроза Земли и твой господин более не существует.

Так некогда вознесся в небо Ромул,

Также оставив Землю окутанной грозами,

И так же ему воздавал почести воинственный народ:

Живому ему покорялись, после смерти ему поклонялись.

Дворец был храмом

и т.д.

Именно по поводу это надгробного слова Кромвелю Уоллер дал тот ответ королю Карлу Второму, который мы находим в словаре Бейля. Когда Уоллер по обычаю королей и поэтов явился к этому королю, дабы преподнести поэму, начиненную славословиями, тот упрекнул его в том, что для Кромвеля он сочинил лучшую вещь, но Уоллер ему ответил: "Государь, мы, поэты, лучше преуспеваем в вымыслах, чем в правде". Однако этот ответ был не столь искренним, как ответ голландского посла, который, когда тот же самый король жаловался, что к нему питают меньшее уважение, чем к Кромвелю, сказал: "О Государь, Кромвель - ведь это нечто совсем иное!"

Не моя цель - давать пояснения к характеру Уоллера или кого бы то ни было другого; после их смерти я оцениваю людей лишь по их трудам; все остальное для меня не существует. Замечу только, что Уоллер, рожденный при дворе и обладавший шестьюдесятью тысячами ливров ренты, никогда не отличался ни глупой спесью, ни той нерадивостью, которая заставила бы его зарыть свой талант в землю. Графы де Дорсет¹⁹⁷ и де Роскоммон¹⁹⁸, оба герцога Букингэмские¹⁹⁹, милорд Галифакс²⁰⁰ и многие другие не считали для себя унизительным стать великими поэтами и знаменитыми писателями. Труды их делают им больше чести, чем их имя. Они культивировали литературу так, как если бы ожидали, что это принесет им богатство, более того, они сделали искусства почетными в глазах народа, который вообще-то нуждается в водительстве знати, а между тем в Англии меньше подчиняется ее руководству, чем где бы то ни было в мире.

Письмо двадцать второе

Я хотел рассказать вам о г-не Приоре²⁰¹ – одном из самых приятных поэтов Англии, которого вы могли видеть в Париже, в 1712 году, полномочным и чрезвычайным посланником. Я рассчитывал также дать вам некоторое представление о стихах милорда Роскоммона, милорда Дорсета и др., но я чувствую, что это грозит превратиться в большую книгу и после тяжких трудов я сумею вам дать лишь весьма несовершенное представление относительно всех этих сочинений. Поэзия – род музыки, и, чтобы о ней судить, надо ее слышать. Когда я перевожу вам некоторые отрывки из этих чужеземных стихов, я несовершенным способом записываю для вас их музыку, но я не в состоянии передать их песенную музыку.

Особенно это относится к одной английской поэме; я отчаиваюсь дать вам ее почувствовать. Называется она "Гудибрас"²⁰², ее сюжет – гражданская война и секта пуритан, представленная в комическом свете. Это "Дон-Кихот" и наша "Мениппова сатира"²⁰³, слитые воедино; из всех книг, когда-либо читанных мной, именно здесь я обнаружил более всего ума; но одновременно это и самая непереводаемая книга. Кто бы подумал, что сочинение, в котором схвачены все смешные стороны человека и в котором больше мыслей, чем слов, не выдерживает перевода? И это потому, что почти все в нем служит намеком на частные похождения; самая сильная насмешка выпадает главным образом на долю теологов, которых вообще мало кто понимает; каждая деталь требует тут комментария, а ведь разъясненная шутка перестает быть смешной: любой комментатор остроты – просто глупец.

Вот почему во Франции никогда не будут как следует поняты книги гениального доктора Свифта²⁰⁴, стяжавшего себе имя английского Рабле. Он, как и Рабле, имеет честь быть священником и, как он, подвергает осмеянию всё и вся; однако, по-моему слабому разумению, ему причиняют немалый ущерб, величая его этим именем. Рабле по всей своей экстравагантной и непостижимой книге рассыпал в ней эрудицию, сквернословие и скуку; добрый рассказ в две страницы покупается ценой многотомных глупостей; лишь небольшое число людей с причудливым вкусом похваляются тем, что они понимают и чтут этот труд, остальная часть нации смеется над шуточками Рабле и презирает саму его книгу. Его считают царем шутов и досадуют на то, что человек такого ума сделал из этого ума столь жалкое употребление; он – пьяный философ, который писал лишь тогда, когда был во хмелю.

Г-н Свифт – Рабле в хорошем смысле этого слова, Рабле, возвращающийся в хорошем обществе; правда, он не обладает веселостью этого последнего, но зато он обладает всей той изысканностью, тем разумом, взыскательностью и хорошим вкусом, которых так недостает нашему "Медонскому кюре". Стихи его отличаются отменным вкусом, почти неподражаемым; само деление его текста на стихи и прозу – это добрая шутка, но дабы хорошенько его понять, необходимо совершить небольшое путешествие в его пределы.

Более легко вы можете себе составить представление о г-не Попе²⁰⁵; это, думается мне, самый изысканный и корректный, более того, самый гармоничный поэт английской земли. Он транспортировал резкий посвист английской трубы в звуки сладкоголосой флейты; его можно переводить, потому что он предельно ясен, а сюжеты его большей частью общераспространены и достойны любой из наций.

Во Франции очень скоро познакомятся с его "Опытом о критике" по стихотворному переводу, выполненному аббатом де Ренель.

А вот отрывок из его поэмы о локоне, который я даю в своем обычном вольном переводе:

Внезапно Умбриэль, старый угрюмый гном,
Грузнокрылый и с нахмуренным челом
Бросился, ворча, искать глубокую пещеру,
Где вдали от нежных лучей, испускаемых оком мира,
Нашла свой приют богиня – повелительница паров.

Там вокруг свистят мрачные аквилоны,
И нездоровое веяние их сухого дыхания
Приносит в те края мигрень и лихорадку.
На богатой софе, за ширмой,
Вдали от светильников, шума речей и ветров,
Безмятежно покоится капризная богиня,
С сердцем, исполненным печали, причины которой она не ведает,
Ибо она никогда не мыслила и ум ее всегда помрачен,
Взгляд тяжел, лицо бледно, она расpiraема ипохондрией.
Злоречивая Зависть сидит подле нее,
Старый женский призрак, дряхлая дева,
С фанатичной яростью раздирающая на куски своих ближних
И с Евангелием в руках хулящая людей.
На ложе из цветов, небрежно откинувшись
Покоится неподалеку от нее юная красавица:
Это – Притворство, занимающееся болтовней, лежа в постели;
Оно слушает, не понимая, и смотрит через лорнет,
Бесстыдно краснеет и вечно смеется без радости,
Изображает себя жертвой сотни бед,
Пышет здоровьем под покровом румян и притираний,
Слабо плачется и искусно теряет сознание.

Если бы вы прочли этот отрывок в оригинале, вместо того чтобы читать его в этом слабом переводе, вы могли бы сравнить его с описанием Неги у Ле Лютрена²⁰⁶.

Итак, к великой чести английских поэтов, я затронул для вас в немногих словах и их философов; что до хороших английских историков, то о них пока не столь осведомлен; нужно было, чтобы француз написал историю англичан. Быть может, английский гений, то хладнокровный, то пылкий, еще не овладел наивным красноречием и благородным в своей простоте обликом Истории; быть может также, дух партийности, помутняющий взор, подорвал доверие ко всем их историкам: ведь одна половина английской нации всегда противостоит другой. Я встречал людей, уверявших меня, будто милорд Мальборо²⁰⁷ – трус, а г-н Поп глупец; это так же как во Франции некоторые иезуиты считают Паскаля недоумком, а отдельные янсенисты утверждают, что отец Бурдалу²⁰⁸ был просто болтун. Для якобитов Мария Стюарт²⁰⁹ – святая подвижница, для всех остальных она распутница, прелюбодейка и человекоубийца. Таким образом, англичане располагают пасквилями, но не историей. Правда, в настоящее время там есть некий г-н Гордон, великолепный переводчик Тацита, весьма способный написать историю своей страны, но г-н Рапэн де Туара²¹⁰ его упредил. В итоге мне кажется, что у англичан вовсе нет таких хороших историков, как у нас, что у них нет настоящих трагедий, но что они имеют прелестные комедии, восхитительные образчики поэзии и философов, которые должны были бы стать наставниками человечества.

Англичане извлекли большую пользу из трудов, написанных на нашем языке, и мы, в свою очередь, должны воспользоваться их опытом, после того как мы им дали в долг свой: и англичане, и мы – наследники итальянцев, которые были во всем нашими мэтрами и которых мы кое в чем превзошли. Не знаю, какой из трех наций следует

отдать предпочтение; счастлив, однако, тот, кто умеет понять различие их заслуг.

Приложение

Есть одна английская поэма, которую трудно дать вам почувствовать, название ее – "Гудибрас". Это – сплошь комедийное сочинение, и, однако, сюжетом, его является гражданская война времен Кромвеля. Тот, по чьей милости было пролито столько крови и слез, дал жизнь поэме, заставляющей самого серьезного читателя смеяться. Образчик подобного контраста можно найти в нашей Менипповой сатире. Разумеется, римляне не стали бы создавать бурлескную поэму по поводу войн между Цезарем и Помпеем или на сюжет проскрипций Октавиана и Антония. Почему же страшные бедствия, причиненные Лигой во Франции или войнами между королем и парламентом в Англии, сумели стать объектом смеха? Да потому, что в основе этих пагубных раздоров было заложено нечто смешное. Парижские буржуа, возглавлявшие группировку Шестнадцати, примешали к фракционным ужасам развязную наглость. Женские интриги, козни легата и монахов вопреки вызванным ими бедствиям имели комический аспект. Богословские диспуты и фанатизм пуритан в Англии также были весьма смешотворны; вот эта-то смешная основа, как следует усиленная, могла стать забавной при условии, что будут удалены скрывающие ее трагические ужасы. Если булла "Unigenitus211" ("Единородный" (лат.). Примеч. переводчика.) вызвала кровопролитие, то поэма "Филотанус" не менее соответствовала своему сюжету, и ее нельзя было упрекнуть даже в том, что она не столь весела, забавна и развлекательна, как могла бы быть, и не содержит в основной своей части того, что обещает начало.

Поэма "Гудибрас", о которой я вам повествую, представляется сочетанием "Менипповой сатиры" и "Дон-Кихота"; преимуществом ее перед этими сочинениями является стихотворная форма; другое преимущество – ум: "Мениппова сатира" от этого далека; она – весьма посредственное произведение. Но сила ума автора "Гудибраса" открыла ему секрет, как оказаться значительно ниже автора "Дон-Кихота". Вкус, простота, искусство рассказчика, уместное включение походов, умение ничего не расточать даром – все это стоит гораздо дороже, чем ум; итак, "Дон-Кихот" читаем всеми народами, а "Гудибрас" – одними лишь англичанами.

Автора этой столь необычной поэмы звали Батлер; он был современником Мильтона и пользовался неизмеримо большей известностью, чем этот последний, потому что был забавен, поэма же Мильтона печальна. Батлер выставил в смешном свете врагов короля Карла II; единственным вознаграждением, которое он получил, было то, что король часто цитировал его стихи. Битвы сэра Гудибраса были шире известны, чем сражения ангелов и дьяволов в "Потерянном рае". Однако английский двор обошелся с шутником Батлером не лучше, чем небесный двор поступил с серьезным Мильтоном: оба они умерли от голода или чуть не умерли от него.

Герой поэмы Батлера не был вымышленным персонажем, как Дон-Кихот Мигеля Сервантеса: это вполне реальный сэр и баронет, бывший одним из поклонников Кромвеля и его полководцев. Звался он сэр Сэмюел Люк. Дабы дать почувствовать дух этой поэмы, единственной в своем роде, надо выбросить три четверти любого пассажа, который собираешься переводить, ибо этот Батлер не умеет остановиться. Итак, стремясь избежать многословия, я свел приблизительно к ста стихам четыреста первых строк "Гудибраса".

Когда миряне и святые

Брались в Англии между собой

И сражались за церкви

Столь же яростно, как за шлюх.

Когда англикане и пуритане

Затеяли столь страшную войну

И проповедники Назарета,

Выходя из кабака,

Отправлялись в кафедры бить в барабаны,
Когда повсюду, неведомо почему,
Во имя неба и короля
Покрыли Землю вооруженные люди,
Тогда Господин Рыцарь,
Долгое время пребывавший в праздности, как Ахилл,
Преисполненный священного гнева,
В сопровождении своего обер-шталмейстера
Вскочил с своего насеста
С саблей в руках и Евангелием
И решил отправиться на войну.
Сэр Гудибрас, этот редкий человек,
Был, как говорят, исполнен чести
И обладал умом и сердцем;
Однако в глубине этого сердца он был жаден и скуп.
Впрочем, благодаря некому новому таланту,
Он был весьма способен к судебным тяжбам,
Ровно как и к жестоким сражениям.
Велик в судебном кресле, велик и в седле,
На поле сражения и за конторкой,
Он напоминал тех земноводных крыс,
Что являются в двух обличьях
Как полевые крысы и водяные.
Но вопреки своему великому красноречию,
Своим заслугам и осмотрительности,
Он слыл среди некоторых знающих людей
Одним из тех орудий,
Которыми мошенники искусно
Умеют пользоваться без слов
И ловко ими крутить и вертеть:
Орудие это зовется "глупцом".
Но не потому, что он
Не был тонким знатоком
В теологии, логике и астрологии:

Он умел расчленить ниточку рассуждения на четыре нити,
Никогда не сдавался в диспутах,
Не сходя с места, изменял тезис,
Всегда был готов толочь воду в ступе,
Когда вовсе не нужно было распространяться.

Вера Гудибраса

Была подобна его разуму:
Она была бессмысленна и очень глубока.
Божественное пуританство,
Лучшая из сект на земле,
Не имеющая в себе ничего человеческого;
Истинная воинствующая церковь,
Проповедующая с огнестрельным оружием в руках,
Дабы получше обратить своих ближних.
Пускающая в ход аргумент сабельных ударов,
Сулящая небесное блаженство
С помощью перекладины и веревки
И безжалостно проклинаящая
Грехи всех прочих христиан,
Дабы получше обелить свои;
Разрушительная секта,
В конце концов разрушающая самое себя:
Так Самсон своей могущественной рукой
Разрушил храм филистимлян;
Но мстительность его погубила,
И он похоронил сам себя.
Раздавленный страшным падением
Этого храма, который он уничтожил.
Под носом античного воина
Свисали два могучих уса,
К которым Парки привязали
Судьбу Республики.
Он тщательно их оберегает,
Ибо, если усы эти будут вырваны,

В тот роковой момент вместе с его усами
Должно пасть целое государство.
Так Талиакоцит,
Великий этрусский целитель,
Восстанавливал все утраченные носы
С помощью нового искусства:
Он проворно брал
Кусочек кожи с зада бедняка
И аккуратно прилаживал его к носу;
В конце концов получалось,
Что в момент смерти заимодавца
Нос получателя отсыхал:
При этом часто в тот же гроб
Во имя справедливости и доброго согласия,
По воле умершего
Клади его нос подле его задницы.
Наш могучий герой Альбиона
Взгромоздившись на свою клячу,
Алкая отмщения за веру,
Приторочил к луке своего седла
Два пистолета и свиной окорок;
Но у него была лишь одна шпора.
Такова была его всегдашняя привычка:
Он знал, что если задник его сапога
Взрезается в один бок животного,
То другой его бок не отстанет от первого.
Итак, Гудибрас отправился в путь.
Пусть Бог благословит его поход,
Его аргументы и его партию,
Его рыжую бороду и отвагу.

Человек, воображение которого обладало бы десятой долей остроумия тонкого или же грубого, - царящего в этой книге, все-таки был бы весьма забавен; однако пусть он как следует поостережется переводить "Гудибраса". Это было бы прекрасным средством заставить читателей-иностранцев смеяться над нелепостями, забытыми уже среди того народа, у которого они пользовались такой славой. В Европе больше не читают Данте²¹², ибо у него все полно намеков на незнакомые факты; то же самое относится к "Гудибрасу". Большая часть шуток в этом сочинении касается

богословия и богословов того времени. Каждая мелочь требовала бы комментария. Но ведь разъясненная шутка перестала быть смешной; комментарий к остротам не может ничего объяснить.

Письмо двадцать третье

ОБ УВАЖЕНИИ

КОТОРОЕ НАМ НАДЛЕЖИТ ОКАЗЫВАТЬ ОБРАЗОВАННЫМ ЛЮДЯМ

Англии, ни в какой-либо иной стране мира нет институтов, созданных как во Франции, во имя процветания изящных искусств. Почти оду имеются университеты; но лишь в одной Франции существуют поощрительные мероприятия в пользу астрономии, всех разделов математики, медицины, исследований античности, живописи, скульптуры и архитектуры. Людовик XIV обессмертил себя всеми этими учреждениями, причем бессмертие это стоило ему менее двухсот тысяч франков в год

Признаюсь, одной из причин моего изумления является то, что английскому парламенту, решившемуся посулить двадцать тысяч гиней чеку, который совершит открытие долгот, считающееся невероятным, не пришло в голову взять пример с великой щедрости Людовика XIV по отношению к искусствам.

Правда, заслуги получают в Англии иные вознаграждения, делающие большую честь нации: уважение, питаемое народом Англии к талантам, столь велико, что человек заслуженный всегда завоевывает себе там положение. Во Франции г-н Аддисон был бы членом какой-нибудь академии и мог бы получить благодаря покровительству какой-то дамы пенсию в двенадцать тысяч ливров, а еще скорее ему причинили бы много хлопот под предлогом того, что в его трагедии "Катон" можно заметить отдельные выпады против привратника человека, занимающего высокое положение; в Англии же он был государственным секретарем. Г-н Ньютон был индентантом королевского Монетного двора; г-н Конгрив занимал важную должность; г-н Приор был полномочным послом; доктор Свифт является ирландским деканом и почитаем там выше примаса. И если религия г-на Попа не позволяла ему служить, то, по крайней мере, она не помешала ему получить за свой перевод Гомера двести тысяч франков. В давние времена я видел, как автор "Радамиста"²¹³ почти умирал во Франции с голоду, а сын одного из величайших людей²¹⁴, какими когда-либо гордилась Франция, пошедший по стопам своего отца, был бы доведен до нищеты без помощи г-на Фагона.

Больше всего поддерживает искусства в Англии то уважение, коим они пользуются: портрет премьер-министра стоит обычно на камине в его кабинете, но я видел портрет г-на Попа в двадцати домах. Ньютон пользовался почестями при жизни, а после смерти ему также было воздано по заслугам. Лучшие люди нации спорили между собой о чести нести балдахин в его похоронной процессии. Если вы войдете в Вестминстер²¹⁵, то увидите, что там поклоняются не усыпальницам королей, но памятникам, которые благодарная нация воздвигала величайшим людям, содействовавшим ее прославлению; вы заметите там их статуи, подобно тому как в Афинах можно было видеть статуи Софокла и Платона, и я убежден, что один только вид этих славных монументов взволновал множество умов и создал целый ряд великих людей.

Англичан даже упрекали в том, что они слишком усердствуют и воздавали почести за скромные заслуги; поводом к порицанию послужило, например, погребение в Вестминстере знаменитой комедийной актрисы мадемуазель Олдфилд²¹⁶, совершенное почти с теми же почестями, какие были оказаны сэру Ньютону; нашлись люди, утверждавшие, будто англичане притворно оказали столь высокие почести этой актрисе, дабы посильнее дать нам почувствовать их упрек в варварской и трусливой несправедливости, с какой мы выбросили на свалку тело мадемуазель Лекуврер²¹⁷.

Но смею вас заверить, что англичане, совершая торжественное погребение мадемуазель Олдфилд, захороненной в их Сен-Дени, совещались лишь со своим собственным вкусом; они далеки от того, чтобы клеймить бесчестием искусство софоклов и еврипидов и изничтожать тела своих сограждан - тех, кто посвятил себя чтению со сцены творений, которыми гордится их нация.

Со времен Карла Первого и в начале этих гражданских войн, затеянных фанатичными ригористами, которые сами в конце концов пали их жертвами, много писалось против зрелищ, тем более что Карл Первый и его супруга, дочь нашего Генриха Великого, в

Вольтер философские письма filosoff.org
высшей степени их любили.

Некий доктор по имени Прюнн²¹⁸, считавший, что будет проклят, если станет носить сутану вместо короткого плаща, и пожелавший, чтобы одна половина человечества была истреблена другой во славу божию и во имя propaganda fide*, вздумал написать скверную книгу против вполне приличных комедий, каждодневно игравшихся – и вполне невинно – пред лицом короля и королевы. Он ссылался на авторитет раввинов и на несколько мест из святого Бонавентуры для доказательства того, что "Эдип" Софокла был делом рук дьявола, что отлучение Теренция²¹⁹ было чем-то ipso facto**, и добавлял, что Брут, суровейший янсенист, убил Цезаря, занимавшего должность великого понтифика, лишь потому, что тот сочинил трагедию об Эдипе; наконец, он заявлял, что все лица, присутствующие на каком-либо спектакле, – отступники, отвергающие свое помазание и крещение. Это означало оскорбление величества и всей королевской фамилии. Англичане чтили в те времена Карла Первого и не желали, чтобы кто-то говорил об отлучении того самого государя, которому они позднее приказали отрубить голову

* распространения веры (лат.) – Примеч. переводчика.

** само собой разумеющийся (лат.). – Примеч. переводчика.

Дело господина Прюнна было заслушано в Звездной палате, и он был осужден лицедреть сплю прелестную книгу сжигаемой рукой палача, самому же ему отрубили уши; процесс его зафиксирован в государственных судебных актах.

В Италии очень остерегаются клеймить позором оперу и отлучать от церкви сеньора Сенезини²²⁰ или сеньора Кутюни²²¹; я же осмеливаюсь утверждать, что во Франции можно сколько угодно запрещать скверные книги, направленные против нашего театра; ибо, когда итальянцы и англичане узнают, что мы клеймили страшнейшим позором искусство²²², и котором достигли высочайшего мастерства, что у нас осуждается, как безбожный, спектакль, поставленный у святых отцов и в монастыре²²³, что мы бесчестим игры, и коих Людовик XIV и Людовик XV были актерами, что объявляются делом рук дьявола пьесы, просмотренные самыми строгими цензорами и показанные добродетельной королеве²²⁴, – когда, повторяю, иностранцы бывают свидетелями этой неслыханной наглости, этого недостатка уважения к королевской власти и готического варварства, которое осмеливаются именовать христианской суровостью, – что, полагаете вы, должны они думать о нашей нации и как могут они постичь одно из двух: либо что законы наши покровительствуют отверженному и презренному искусству, либо что у нас осмеливаются клеймить столь страшным позором искусство, находящееся под защитой законов, вознаграждаемое государями, культивируемое самыми значительными людьми и являющееся предметом восхищения нации? Как им понять, что в одной и той же библиотеке можно найти рядом с бессмертными творениями Расина, Корнеля Мольера и других филиппику отца де Брена²²⁵ против нашего театра?

Письмо двадцать четвертое

ОБ АКАДЕМИЯХ

У англичан задолго до нас существовала Академия наук²²⁶; правда она не столь хорошо организована, как наша, быть может, лишь по одной той причине, что она древнее; ведь если бы она была создана после Парижской академии, она могла бы заимствовать у нее некоторые мудрые установления и усовершенствовать остальные.

Лондонскому Королевскому Обществу недостает двух вещей, наиболее нужных людям, – вознаграждений и правил. В Париже геометру или химику место в академии приносит небольшие, но верные средства; напротив, в Лондоне надо платить за то, чтобы стать членом Королевского Общества. Тот в Англии, кто говорит: Я люблю искусства, и желает стать членом Общества, немедленно им становится; во Франции же для того, чтобы стать членом и пенсионером академии, недостаточно быть любителем, надо быть ученым и уметь оспаривать место у своих соперников, тем более опасных, что их воодушевляют слава, деньги, даже сами трудности и та непреклонность ума, которая вырабатывается обычно при упорных занятиях вычислительными науками.

Академия наук разумно ограничивается исследованием природы, и это поле деятельности поистине достаточно обширно для того, чтобы занять его вспашкой пятьдесят или шестьдесят человек. Лондонская академия спокойно смешивает

литературу с физикой; мне, однако, кажется, что лучше иметь специальную Академию изящных литератур, дабы избежать такого смешения и не защищать диссертаций о римских прическах рядом с сотнями диссертаций на тему о новых кривых.

Поскольку в Лондонском Обществе мало порядка и нет никаких поощрений, а Парижское поставлено совсем на иную ногу, не приходится удивляться тому, что труды нашей Академии превосходят труды английских коллег: дисциплинированные и хорошо оплачиваемые солдаты должны в конце концов одолеть волонтеров. Правда, Королевское Общество имело Ньютона, но не оно его создало; там было даже весьма мало коллег, которые бы его понимали; гений, подобный г-ну Ньютону, принадлежал всем академиям Европы, ибо все могли многому у него научиться.

Прославленный доктор Свифт в последние годы царствования королевы Анны предложил проект основания академии [английского] языка по образцу французской академии; проект этот поддерживал главный казначей граф Оксфордский, а еще больше – виконт Болинброк, государственный секретарь, обладавший даром произносить экспромтом речи в парламенте, отличавшиеся такой же чистотой языка, как кабинетные сочинения Свифта; он был бы покровителем и украшением этой Академии. Членами ее надлежало стать людям, сочинения которых должны были жить до тех пор, пока будет жить английский язык: то были доктор Свифт и г-н Приор, которого мы лицезрели здесь при исполнении должности государственного посла и который в Англии пользуется такой же репутацией, как у нас Лафонтен; то был г-н Поп – английский Буало; г-н Конгрив, которого мы вправе назвать английским Мольером; и многие другие, имена которых сейчас у меня ускользнули из памяти, способствовали бы процветанию этого товарищества от самого его рождения... но внезапно умерла королева; виги забрали себе в голову идею повесить покровителей Академии, что, как вы отлично понимаете, было смертельным для изящной словесности. Члены этой когорты имели бы огромное преимущество перед первыми людьми, составлявшими французскую Академию, ибо Свифт, Приор, Конгрив, Драйден, Поп, Аддисон и другие закрепили своими писаниями английский язык; что же касается Шаплена, Колетта, Кассена, Фаре, Перрэна, Котэна, то наши первые академики были позором нашей нации, и имена их стали столь смехотворны, что, если какой-либо мало-мальски приличный автор имел несчастье именоваться Шапленом или Котэном, он вынужден бывал изменить свое имя. В особенности же Английская академия должна была избрать себе занятия, совершенно отличные от дел нашей. Однажды некий образованный англичанин попросил у меня труды французской Академии; я ответил, что Академия эта вообще не пишет трудов, однако она выпустила шестьдесят или восемьдесят печатных томов славословий; он просмотрел один или два таких тома, но совсем не сумел почувствовать этот стиль, хотя он отлично понимает наших хороших авторов. "Все, что я здесь успел заметить, – сказал он мне, – это расточаемые кандидатом уверения в том, что его предшественник был великим человеком, кардинал Ришелье – весьма великим, канцлер Сегье – довольно великим, а Людовик XIV – более чем великим, причем ректор ему вторит совсем в том же духе и добавляет, что кандидат может с равным успехом стать неким родом великого человека, что же касается его, ректора, то он примет в этом посильное участие".

Легко понять, в силу какого злого рока почти все подобные речи делают так мало чести этой корпорации: *Vitium est temporis potius quam hominis* (Это больше порок времени, чем человека (лат.). – Примеч. переводчика.). Незаметно установился обычай повторять эти панегирики при приеме: то было неким законным способом досадить публике. Если же кто станет доискиваться до причины, по которой величайшие гении, принятые в это сообщество, иногда произносили самые скверные актовые речи, то ее совсем нетрудно понять: они стремились блистать, они хотели по-новому осветить затасканный предмет; необходимость держать речь, смущение из-за отсутствия мысли и жажда быть остроумным – это три вещи, способные сделать смешным самого великого человека: не находя новых мыслей, они ищут новые обороты и бездумно вещают, как люди, которые жевали бы пустоту и, погибая от истощения, делали бы вид, что они поглощают пищу.

Лучше, если бы вместо пункта устава, действующего во французской академии и предписывающего публиковать все эти речи, только которыми она и известна, существовал бы закон, запрещающий их печатать. Академия изящной словесности поставила перед собой более мудрую и полезную цель, а именно выпустить для читающей публики собрание трудов, включающих интересные исследования и критику. Труды эти уже заслужили внимание иностранцев, и единственным пожеланием, кое может быть высказано, является просьба углубить одни предметы и совсем отказать от трактовки других. К примеру, можно было бы с легкостью обойтись без какой-то там диссертации о преимуществах правой руки перед левой и без

Вольтер философские письма filosoff.org
некоторых других подобных же изысканий, хотя и носящих менее смешное название, однако не менее легковесных.

Академия наук в своих исследованиях, более серьезных и приносящих более ощутимую пользу, охватывает тему познания природы и усовершенствования искусств. Надо полагать, что столь глубокое и настойчивое исследование, столь точные вычисления и тонкие открытия, столь значительные воззрения создадут в конце концов нечто такое, что послужит ко благу вселенной.

До сих пор, как мы уже вместе с вами отметили, самые полезные открытия делались в самые варварские века; по-видимому, на долю самых просвещенных времен и наиболее ученых сообществ остаются рассуждения по поводу того, что было изображено невеждами. Ныне, после продолжительных дискуссий между господами Гюйгенсом и Рено, известно определение наиболее выгодного угла между рулем корабля и килем, но Христофор Колумб открыл Америку, ничего не подозревая об этом угле.

Я весьма далек от того, чтобы делать из этого вывод о преимуществе слепой практики, однако было бы очень удачно, если бы физики и геометры, насколько лишь это возможно, соединяли умозрения с практикой. Быть может, то, что делает всего больше чести человеческому уму, часто бывает меньше всего полезным? Человек, владеющий четырьмя правилами арифметики и здравым смыслом, становится великим negociантом – Жаком Кёром²²⁷, Дельме²²⁸, Бернардом²²⁹, а какой-нибудь несчастный алгебраист проводит всю свою жизнь в поисках отношений между числами и их поразительных свойств, причем пользы от этого нет никакой и это не научает его тому, что представляет собой обмен. Относится это почти ко всем искусствам без исключения: существует предел, за которым исследования производятся только из любопытства; эти остроумные и бесполезные истины подобны звездам, расположенным чересчур далеко от нас и потому не дающим нам света.

Что касается Французской академии, то какую услугу оказала бы она литературе, языку, нации, если бы вместо печатаемых ежегодно панегириков публиковала хорошие сочинения века Людовика XIV, очищенные от всех вкрадшихся в них языковых ошибок! У Корнеля и Мольера полно таких ошибок, сочинения Лафонтена ими кишат; те же ошибки, что невозможно исправить, следовало хотя бы отметить. Европа, читающая всех этих авторов, воспринимала бы от них наш язык с уверенностью в его чистоте, которая навсегда осталась бы зафиксированной; хорошие французские книги, опубликованные с такой тщательностью за счет короля, стали бы одним из славных национальных памятников. Осмелюсь заметить, что г-н Депрео когда-то внес такое предложение, и оно было возобновлено человеком, чей ум, мудрость и здравый критический смысл всем известны²³⁰; однако идея эта испытала ту же участь, что и многие другие полезные проекты: она была одобрена и заброшена.

Письмо двадцать пятое

ЗАМЕЧАНИЯ НА "МЫСЛИ" Г-НА ПАСКАЛЯ

Я посылаю вам уже давно написанные мной критические замечания на мысли господина Паскаля. Прошу вас, не сравнивайте меня в этом отношении с Езекией, хотевшим сжечь все книги Соломона. Я чту гений и красноречие Паскаля, но, чем больше я их уважаю, тем больше проникаюсь уверенностью, что он сам захотел бы исправить многие из этих мыслей, небрежно набросанных им на бумаге, с тем чтобы позднее подвергнуть их исследованию; именно потому, что я восхищаюсь его талантом, я и оспариваю некоторые его идеи.

Мне представляется, что в целом настроение, в котором г-н Паскаль писал эти мысли, можно определить как стремление показать человека в одиозном свете. Он упорно старается изобразить всех нас дурными и жалкими: он выступает против человеческой природы почти в том же духе, как он выступает против иезуитов; он приписывает существу нашей природы то, что присуще лишь некоторым из людей; он сыплет красноречивыми инвективами по адресу человеческого рода. Я осмеливаюсь стать за защиту человечества против этого возвышенного мизантропа; я осмеливаюсь утверждать, что мы не так злы и не так жалки, как он говорит; более того, я сильно убежден в том, что, если бы он следовал в задуманной им книге плану, проступающему в его мыслях, книга эта оказалась бы наполненной красноречивыми паралогизмами и восхитительно извлеченными ложными выводами. Я даже считаю, что все недавно выпущенные книги, направленные на обоснование христианской религии, более способны шокировать, чем служить поучению. Все эти авторы, видимо,

претендуют на то, что смыслят в этом предмете больше, чем Иисус Христос и апостолы! Ведь это значит поддерживать дуб оградой из роз: можно убрать бесполезные розы, не страшась причинить ущерб Дереву.

Я тщательно отобрал отдельные мысли Паскаля, на которые ниже Даю ответы. Судите сами, прав я или же нет.

I

Величие и ничтожность человека настолько зримы, что истинной религии необходимо поучать нас тому, что в человеке заложен некий огромный принцип величия и одновременно – некий огромный принцип ничтожества. Ибо истинная религия должна до основания проникать в нашу природу, т.е. познавать все, что в ней есть великого и ничтожного, а также причины того и другого. Необходимо также, чтобы она обосновывала поразительные контрасты нашей природы.

Подобный метод рассуждения представляется ошибочным и опасным; ведь миф о Прометее и Пандоре или платоновский миф об андрогинах, а также догмы сиамцев дают достаточно веское обоснование этих очевидных контрастов. Христианская религия не станет менее истинной, даже если из нее не будут извлекаться подобные остроумные выводы, единственная цель которых – явить блески ума.

Христианство учит лишь простоте, человечности, милосердию: попытка превратить его в метафизику может только сделать его источником ошибок.

II

Пусть исследуют на этот предмет все религии мира и посмотрят, существует ли какая-либо религия, кроме христианской, которая удовлетворяла бы этому требованию.

Может ли быть таковой религия, которую нам проповедовали философы, предлагавшие нам взамен всех благ благо, заключенное в нас самих? Разве здесь надо искать истинное благо? Нашли ли философы средство исцеления наших зол? Разве можно исцелить высокомерие человека, приравнивая его к Богу? Нашли ли исцеляющее средство от наших вождлений те, кто приравнивал нас к животным и кто выдавал земные радости за высшее благо?

Философы вообще не проповедовали религию: речь идет вовсе не о том, чтобы сражаться с их философией. Никогда философ не говорит, что он вдохновлен Богом, ибо с этого момента он перестает быть философом и становится пророком. Дело не в том, чтобы понять, взял ли Иисус Христос верх над Аристотелем, дело в доказательстве того, что религия Иисуса Христа была истинной, а религии Магомета, язычников и всех прочих – ложными.

III

А между тем, и помимо этой загадки, самой непостижимой из всех, мы непостижимы для нас самих. Гордиев узел нашего состояния завязан своими извилинами и складками в бездонной пропасти первородного греха, так что человек оказывается еще более непостижимым без этой тайны, чем эта тайна непостижима для человека.

Раньше, чем произносить слова, надо подумать. Человек непостижим без этой непостижимой загадки: зачем стремиться идти дальше, чем шло Писание? Не дерзостно ли это – полагать, что оно нуждается в поддержке и что эти философские идеи могут такую поддержку ему оказать?

Что отвечал бы г-н Паскаль человеку, который бы ему молвил: "Я знаю, что тайна первородного греха является объектом моей веры, но не моего разума. Я отлично постигаю вне всяких тайн, что представляет собой человек. Я вижу, что он появляется на свет, как все остальные животные; что роды матерей более болезненны, [чем у самок], потому что они обладают более хрупким сложением; что иногда и женщины, и самки умирают во время схваток; что бывают иногда дети с ущербной конституцией, лишенные в жизни одного или даже двух чувств, а также способности мыслить; что люди, обладающие наиболее совершенной конституцией, обычно наделены самыми живыми страстями; что всем людям свойственна одинаковая любовь к себе и она столь же необходима им, как и пять их чувств; что эта любовь к себе дана нам Богом ради сохранения нашего бытия и что он дал нам также

религию, дабы эту любовь к себе направлять; что идеи наши бывают правильными или же непоследовательными, туманными или яркими в соответствии с тем, насколько крепки наши органы чувств, насколько они утонченны и насколько мы сами эмоциональны; что мы целиком зависим от воздуха, который нас окружает, от пищи, поглощаемой нами, и что во всем этом нет ровно никаких противоречий. Человек – вовсе не загадка, как вы это вообразили, дабы доставить себе удовольствие ее разгадать. Человек, как нам представляется, занимает свое место в природе, более высокое, чем животные, которых он напоминает своей конституцией, и более низкое, чем другие существа, которым он уподобляется, возможно, своей способностью мыслить. Так же как и все, что нас окружает, он причастен добру и злу, удовольствию и страданию. Он наделен страстями, чтобы действовать, и разумом, чтобы управлять своими поступками. Если бы человек был совершенным, он был бы Богом, и пресловутые контрасты, которые вы именуете противоречиями, суть необходимые составные части конституции человека, являющегося тем, что он и должен быть".

IV

Проследим за нашими побуждениями, понаблюдаем самих себя – и мы ясно увидим живые признаки этих двух наших натур. Могут ли подобные противоречия содержаться в простом субъекте?

Эта двойственность человека столь очевидна, что находились люди, полагавшие, будто мы имеем две души, ибо простой субъект казался им неспособным на такие и столь внезапные смены обличья, на смену безмерного высокомерия ужасающим упадком духа.

Наша различные волеизъявления не являются противоречиями нашей природы, и человек вовсе не есть простой субъект. Он состоит из бесчисленного количества органов. Когда один-единственный из этих органов хоть немного подвергается изменению, необходимо изменяются все впечатления, получаемые мозгом, и живое существо обретает новые мысли и волевые импульсы. Весьма верно, что мы бываем то сражены печалью, то преисполнены высокомерием, это, естественно, происходит, когда мы оказываемся в противоречивых ситуациях. Животное, которое его хозяин ласкает и кормит, и другое, которое медленно и искусно убивают, чтобы затем его препарировать, испытывают прямо противоположные ощущения; точно так же и мы: различные наши состояния столь мало противоречивы, что было бы противоречием, если бы их у нас не было.

Глупцы, высказавшие мысль, что у нас две души, с равным успехом могли бы приписать нам тридцать или сорок душ, ибо человек, охваченный великой страстью, часто имеет тридцать или сорок различных идей по поводу одного и того же предмета, да и должен их иметь в силу необходимости, поскольку объект его страсти предстает ему в различных обличьях.

Пресловутая двойственность человека – идея столь же нелепая, сколь и метафизическая. С таким же успехом я мог бы сказать, что двойственна собака, которая ластится и кусает, двойственна курица, проявляющая столько заботы о малых цыплятах и затем покидающая их вплоть до того, что она их не узнает, двойственно зеркало, отражающее различные предметы, наконец, двойственно дерево, то отягченное листьями, то лишенное их. Я признаю, что человек непостижим, но столь же непостижима и вся остальная природа, и в человеке не больше очевидных противоречий, чем во всем остальном.

V

Если не ручаться за то, что Бог есть, это значит ручаться за то, что его нет. Какую позицию вы займете? Взвесим выигрыши и убыток в случае, если признается существование Бога. Если вы выиграете, вы выиграете все, если же проиграете, то не потеряете ничего. Итак, не колеблясь, ручайтесь за то, что он есть. – Да, следует побиться об заклад, но, быть может, я в этом пересолил. – Что ж, поскольку шансы на выигрыши и потерю равны, то при условии, что у вас всего только два пути к выигрышу вместо одного, вы все-таки можете побиться об заклад.

Явно ошибочно говорить: не ручаться за то, что Бог есть, – значит ручаться за то, что его нет, ведь тот, кто сомневается и нуждается в просвещении, не может с уверенностью ручаться ни за, ни против.

Впрочем, параграф этот кажется немного неприличным и ребяческим; эта идея игры, выигрыша и проигрыша не подобает серьезности предмета.

Более того, моя заинтересованность в том, чтобы во что-то верить, не является доказательством существования этой вещи. Я подарил бы вам, говорите вы мне, власть над миром, если бы верил в то, что вы правы. Итак, я от всего сердца желаю, чтобы вы были правы, но, пока вы мне этого не докажете, я не могу вам верить.

Начните с того, можно было бы сказать г-ну Паскалю, чтобы убедить мой разум: конечно, я заинтересован в том, чтобы Бог был, но, если согласно вашей системе Бог явился лишь очень небольшому числу людей, если это небольшое число избранных столь отпугивающе ужасно, если я сам не могу здесь ничего сделать, скажите мне прошу вас, какой интерес мне вам верить? И разве у меня нет вполне ощутимого интереса быть убежденным в противоположном? С каким лицом осмеливаетесь вы указывать мне на вечное блаженство, на которое из миллиона людей может рассчитывать едва ли один? Если вы стремитесь меня убедить, возьмитесь за это иначе и не говорите мне то об игре, случае, о пари, орле или решке, то об устрашающих терниях, рассыпаемых вами на пути, коим я хочу и должен идти. Ваше рассуждение может только породить атеистов, коль скоро голос всей нашей природы нам не станет кричать, что Бог есть, с той же силой, с какой отмечены слабостью все эти тонкие ухищрения.

VI

Глядя на слепоту и убожество человека и поразительные контрасты, обнаруживаемые его природой; наблюдая немоту вселенной и непросвещенность человека, отчужденного от самого себя и как бы затерявшегося в этом закоулке вселенной, лишенного знания о том, кто его пуда поместил, что он должен там делать и чем он станет там после смерти, я бываю охвачен ужасом, как человек, которого бы во время сна перенесли на страшный необитаемый остров и который проснулся бы, не ведая, где он находится, и не имея ни малейшего средства оттуда уйти; поэтому-то я и бываю поражен мыслью, каким образом люди не впадают в отчаяние, находясь в столь жалостном состоянии?

В то время как я читал это размышление, я получил письмо от одного из моих друзей, живущих в весьма удаленной стране. Вот его слова:

"Я живу так, как вы меня здесь оставили: ни веселее, ни печальнее, ни более богато и не более бедно; я пользуюсь отличным здоровьем, имею все то, что делает жизнь приятной, без любви, без алчности, без честолюбия и зависти, и до тех пор, пока так будет продолжаться, я буду смело называть себя счастливейшим человеком".

Существует много людей, столь же счастливых, как он; у человека с этим обстоит так же, как у животных. Один пес ест и спит со своей подругой, другой крутит вертел и вполне этим доволен, третий впадает в бешенство, и его убивают. Что до меня, то, когда я наблюдаю Париж или Лондон, я не усматриваю никакой причины для того отчаяния, о котором говорит г-н Паскаль: я вижу город, ничем не напоминающий пустынный остров; напротив, он населен, изобилен, цивилизован, и люди там счастливы настолько, насколько это позволяет человеческая природа. Мудр ли человек, готовый повеситься из-за того, что он никогда не видел Бога в лицо и что его разум не в состоянии разгадать таинство святой троицы? Ведь с таким же успехом можно приходить в отчаяние оттого, что не имеешь четырех ног и двух крыльев.

Зачем нам приходится в ужас от нашего существа? Существование наше вовсе не так злослабно, как нас хотят заставить поверить. Смотреть на вселенную как на карцер и считать всех людей преступниками, живущими в ожидании казни, – это идея фанатика; а полагать, что мир – это место услад, где люди должны лишь получать удовольствия, – это химерическая мечта сибарита. Мудрому человеку, по-моему, свойственно думать, что земля, люди и звери являются именно тем, чем им и надлежит быть в порядке, созданном провидением.

VII

(Иудеи считают), что Бог не оставит другие народы навеки в этих потемках; что он

явится избавителем для всех; что их миссия в этом мире его возвестить; что они созданы с явным намерением сделать их глашатаями этого великого пришествия, дабы они призвали все народы присоединиться к ним в этом ожидании избавителя.

Иудеи всегда ожидали избавителя, но их избавитель – для них, не для нас; они ожидают Мессию, который сделал бы иудеев властителями над христианами, мы же уповаем, что Мессия в один прекрасный день объединит иудеев и христиан; их мысли на этот счет прямо противоположны нашим.

VIII

Закон, которым управляется этот народ, в целом представляет собой древнейший из законов мира, самый совершенный и единственный постоянно и неукоснительно соблюдавшийся в государстве. Именно это показывает в различных местах иудей Филон, а также великолепно излагает Иосиф в сочинении "Против Аппиона", где он дает понять что закон этот столь древен, что даже само слово "закон" не было известно людям, более древним, чем те, что жили на тысячу с чем-то лет позже, так что Гомер, повествующий о стольких народах, никогда им не пользовался. Легко судить о совершенстве этого закона по простоте его выражения, в которой можно заметить, с какой мудростью, справедливостью и здравым смыслом в нем все предусмотрено так, что древнейшие законодатели греков и римлян, хоть сколько-нибудь в нем разбиравшиеся, заимствовали из него свои главные установления; это ясно следует из их так называемых Законов двенадцати таблиц и из других доказательств, приводимых в этом сочинении Иосифом.

Утверждение, что закон иудеев – самый древний, весьма ошибочно, ибо до законодателя евреев Моисея они жили в Египте, стране, наиболее прославленной на Земле своими мудрыми законами.

Большой ошибкой является также утверждение, будто слово "закон" стало известно лишь после Гомера: Гомер говорит о законах Миноса; слово "закон" встречается у Гесиода; и даже если бы это слово не встречалось ни у Гесиода ни у Гомера, это ровным счетом ничего бы не доказывало.

Еще одной большой ошибкой является мысль о том, что греки и римляне заимствовали якобы свои законы у иудеев. Это не могло быть в ранний период их республик, ибо тогда они не могли знать иудеев; этого не могло быть и во времена их величия, ибо тогда они питали к этим варварам презрение, известное всему свету.

IX

Народ этот, кроме того, заслуживает восхищения за свою искренность. Они с любовью и верностью хранят книгу, где Моисей заявляет, что они постоянно были неблагодарными в отношении Бога и ему известно, что они станут такими еще больше после его смерти; однако он призывает небо и Землю в свидетели того, что он достаточно много об этом им говорил; что, наконец, Бог, разгневавшись на них, рассеет их по всем народам земли; что поскольку они разгневали его, поклоняясь богам, которые вовсе не были их богами, он вселит в них гнев тем, что наречет их народом, не являвшимся его народом. И все-таки эту книгу, позорящую их таким образом, они берегут ценой своей жизни. Подобное чистосердечие не имеет себе примера в мире, как не имеет оно и естественного основания.

Искренность эта имеет примеры повсюду, и коренится она только в естестве. Высокомерие каждого иудея заставляет его верить в то, что вовсе не его омерзительная политика, не его невежество в искусствах и грубость погубили его, но что его покарал божий гнев. Он с удовлетворением полагает, будто понадобился ряд чудес, чтобы его сразить, и будто нация его по-прежнему остается возлюбленной Бога, который ее карает.

Если какой-нибудь проповедник провозгласит с кафедры по-французски: "Вы – нечестивцы без сердца и правил, вы были разбиты при Гох-Штедте и Рамильи, потому что не сумели себя защитить", – его забросают камнями; но если он говорит: "Вы – католики, возлюбленные Богом; ваши нечестивые прегрешения разгневали всевышнего, и он отдал вас на растерзание еретикам при Гохштедте и Рамильи; но когда вы вернулись к вашему Господину, он благословил ваше мужество при Денэне" – слова эти обеспечивают ему любовь слушателей.

X

Если есть Бог, надо любить лишь его, а не его творения.

Нужно любить творения, и очень нежно; нужно любить свою родину, свою жену, своего отца и своих детей, и любить их тем более, что Бог заставляет нас их любить вопреки нам самим. Противоположные принципы способны лишь творить жестоких резонеров.

XI

Мы рождаемся несправедливыми, ибо каждый тяготеет к самому себе. Это противоречит всякому порядку. Следует тяготеть ко всеобщему. Склонность к самому себе бывает началом всяческого беспорядка на войне, в общественной жизни, хозяйстве и т.д.

Это совершенно в порядке вещей. Невозможно, чтобы какое-либо общество сформировалось и продолжало существовать без любви человека к себе, как невозможно рожать детей без вождения или мечтать о пропитании без аппетита и т.д. Именно наша любовь к самим себе помогает любви к другим; именно наши взаимные потребности делают нас полезными для человечества; это – основа любого обмена; это – извечное связующее звено между людьми. Без любви к себе не могло бы быть Изобретено ни одно искусство или образовано общество хотя бы из десяти человек; именно эта любовь к себе, полученная каждым живым существом в удел от природы, подсказывает нам уважение к самолюбию других людей. Закон направляет эту любовь к себе, религия ее совершенствует. Разумеется, Бог мог бы создать тварей внимательными единственно только к благу другого. В этом случае купцы находились бы в Индии исключительно в благотворительных целях, а каменщики дробили бы камни, чтобы доставить удовольствие своему ближнему. Но Бог устроил вещи иначе. Так не будем же обвинять дарованный нам Богом инстинкт; и извлечем из него ту пользу, которую он нам и велит извлекать.

XII

(Скрытый смысл пророчеств) не может ввести в заблуждение, и только один этот народ был настолько плотским, что мог в этих случаях ошибаться. Ведь когда блага обещаны в изобилии, что мешает понимать их как истинные блага, кроме алчности людей, связывающей это чувство с земными благами?

Клянусь честью, разве самый духовный народ на Земле мог бы понять это иначе? Они были рабами римлян; они ожидали избавителя, который принес бы им победу и заставил весь мир уважать Иерусалим. Как, обладая столь малопросвещенными умами, могли они усмотреть этого победителя, этого властелина в бедном Иисусе, распятом на кресте? Как могли они под именем своей столицы подразумевать небесный Иерусалим? Они, кому десять заповедей ничего не сообщали относительно бессмертия души?! Каким образом, народ, столь приверженный своему закону, мог бы без высшего озарения признать в пророчествах, не совпадавших с их законом, Бога, скрытого за обличьем обрезанного еврея, который своей новой религией разрушил и сделал ненавистными обрезание и субботу, священные основы иудейского закона! Паскаль, если бы был рожден в еврейской среде, заблуждался бы в этом, как и они. Еще раз: давайте поклоняться Богу, не стремясь проникнуть во мрак его таинств.

XIII

Время первого пришествия Иисуса Христа было предсказано; время же второго пришествия никак не предречено, ибо первому надлежало быть тайным, в то время как второе должно быть столь явным и ярким, что его признают даже его враги.

Время второго пришествия Иисуса Христа было предсказано еще яснее, чем время первого. Г-н Паскаль явно забыл, что в главе 21 святого Луки Иисус Христос недвусмысленно заявляет:

"Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его... Иерусалим будет попираем язычниками... И будут значения в солнце и луне и звездах... и море восшумит и возмутится... силы небесные поколеблются, и тогда увидят сына человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою".

Разве это не ясное предсказание второго пришествия? Но если этого до сих пор не случилось, нам не дано осмеливаться вопрошать провидение.

XIV

По мнению плотских иудеев, Мессия должен быть великим мирским владыкой. По мнению плотских христиан, он явился, дабы разрешить нас от любви к Богу и даровать нам таинства, свершающие все помимо нас. Ни то ни другое не является ни христианской, ни иудейской религией.

Параграф этот – скорее сатирический выпад, чем размышление христианина. Ясно, что выпад этот направлен против иезуитов. Но на самом деле сказал ли когда-либо кто из иезуитов, будто Иисус Христос явился, дабы разрешить нас от любви к Богу? Дискуссия о любви к Богу – чисто словесный спор, как большая часть других ученых споров, породивших столь живую ненависть и столь пагубные последствия.

В этом параграфе есть и другой недостаток: в нем предполагается, что ожидание Мессии было религиозной догмой евреев. На самом деле это была просто утешительная идея, распространенная среди этой нации. Евреи уповали на избавителя. Однако вера в него не была им предписана в качестве религиозной догмы. Вся их религия заключалась в книге Закона. Пророки никогда не считались у иудеев законодателями.

XV

Чтобы исследовать пророчества, надо их понимать. Ведь если считать, что в них содержится лишь прямой смысл, можно быть уверенным, что Мессия никогда не придет; но если в них есть скрытый смысл, можно с уверенностью сказать, что он явится в образе Иисуса Христа.

Христианская религия столь истинна, что она не нуждается в сомнительных доказательствах; но если что-либо в состоянии поколебать основы этой святой и разумной религии, то это приведенное здесь соображение г-на Паскаля. Он претендует на то, что все в Писании имеет двойной смысл; однако тот, кто имел бы несчастье быть атеистом, мог бы ему сказать: придающий своим словам двойной смысл стремится к обману людей, и двусмысленность эта всегда карается законами. Как можете вы, не краснея, предполагать у Бога то, что отвратительно людям и влечет за собой наказание? Да и что сказать? С каким презрением и негодованием отвергаете вы языческих оракулов за их двусмысленность! Не следует ли, скорее, утверждать, что прорицания, непосредственно имеющие в виду Иисуса Христа, такие, как пророчества Даниила, Михея и других, имеют лишь прямой смысл? И не следует ли также настаивать, что, даже если бы у нас не было никакого понимания пророчеств, религия от этого не стала бы менее обоснованной?

XVI

Бесконечная дистанция между телами и умами помогает вообразить дистанцию, бесконечно более бесконечную, между умами и благодатью, поскольку эта последняя сверхъестественна.

Надо полагать, г-н Паскаль не включил бы эту галиматью в свой труд, если бы он имел достаточно времени для его завершения.

XVII

Наиболее явные слабости превращаются в силу для тех, кто обладает непредвзятым подходом. Например, две генеалогии – святого Матфея и святого Луки: очевидно, что они не были между собой согласованы.

Разве должны были издатели "Мыслей" Паскаля публиковать эту мысль, одно только изложение которой может причинить вред религии? К чему говорить, что эти генеалогии, эти краеугольные камни христианской религии противоречат друг другу, если при этом не указывается, в чем они могут совпадать? Необходимо было вместе с ядом дать и противоядие. Что подумали бы вы об адвокате, который бы изрек: "Мой подзащитный себе противоречит, однако слабость эта превращается в силу для тех, кто обладает непредвзятым подходом"?

XVIII

Пусть нас больше не упрекают в недостатке ясности, ибо мы этим гордимся. Следует

признавать истинность религии в самой ее непостижимости, в малой нашей просвещенности в ней и в нашем безразличии по отношению к ее постижению.

Весьма странные признаки истинности приводит здесь г-н Паскаль! Тогда каковы же признаки лжи? Как! Чтобы тебе поверили, достаточно сказать: я темен, я непостижим! Было бы гораздо разумнее предъявлять нам лишь светочи веры вместо этих потемок эрудиции.

XIX

Если бы существовала лишь одна религия, Бог был бы слишком понятен.

Как! Вы утверждаете, что, если бы существовала лишь одна религия, Бог был бы слишком понятен? Итак, вы забыли, что сами на каждой странице говорите о дне, когда на свете будет только одна религия? Если вам верить, значит, Бог станет тогда чересчур понятным.

XX

Я утверждаю, что иудейская религия не заключалась ни в одной из этих вещей, но исключительно в любви к Богу, причем Бог отвергал все остальное.

Как! Бог отвергал все то, что он сам предписал иудеям с такой заботой и так необыкновенно подробно! Не правильнее ли будет сказать, что Моисеев закон состоял из любви и культа? Сводить все к любви к Богу – это гораздо меньше отдает любовью к Богу, чем ненавистью, кою все янсенисты питают к своему ближнему – молинисту.

XXI

Самая важная вещь в жизни – это выбор профессии; здесь все решает случай, а привычка создает каменщиков, солдат, кровельщиков.

Что же еще может определить человека в солдаты, каменщики или в мастера любого другого технического ремесла, если не так называемый случай и привычка? Только в отношении духовных искусств человек принимает решение сам, а в отношении занятий, на которые способен весь свет, вполне естественно и разумно, что здесь решает вопрос привычка.

XXII

Пусть каждый исследует свои мысли, и он обнаружит, что они постоянно заняты прошедшим или же будущим. Мы почти совсем не думаем о настоящем; если же мы о нем думаем, то лишь затем, чтобы отыскать там способ для устройства будущего. Настоящее никогда не является нашей целью. Прошлое и настоящее наши средства, и только будущее – объект наших стремлений.

Нам надлежит, отнюдь не жалуясь и не сетуя, поблагодарить Творца природы за то, что он вложил в нас тот инстинкт, устремляющий нас непрестанно к будущему. Надежда эта – самое драгоценное сокровище человека, смягчающее наши печали и в самом обладании сиюминутными наслаждениями рисуящее нам наслаждения будущие. Если бы люди имели великое несчастье быть занятыми лишь настоящим, они не сеяли бы, не воздвигали бы здания, не сажали деревьев и ничего бы не предусматривали: упоенные этим ложным наслаждением, они были бы лишены всего. Мог ли такой умный человек, как г-н Паскаль, впасть в столь ложную банальность? Природа устроила так, что каждый человек наслаждается настоящим, когда он ест, зачинает детей, слышит приятные звуки, дает пищу своей способности мыслить и чувствовать, а выходя из этих состояний – зачастую в самый их разгар, – начинает думать о завтрашнем дне, без чего он уже сегодня погиб бы от нищеты.

XXIII

Но когда я присмотрелся пристальнее, я понял, что отвращение, которое люди питают к бездействию, к пребыванию наедине с самими собой, проистекает из весьма действенной причины, а именно из природного злополучия нашего слабого и смертного существа, столь жалкого, что ничему не дано нас утешить, когда ничто не мешает нам об этом думать и поскольку мы видим только самих себя.

Это выражение – видеть только самих себя – совершенно бессмысленно.

Что это за человек, который совсем не действует и который, согласно предположению, созерцает самого себя? Я сказал бы не только, что человек этот – слабоумный, бесполезный для общества, но и что такого человека не может быть, ибо что именно стал бы он созерцать? Свое тело, ноги, руки, свои пять чувств? Но либо он был бы идиотом, либо должен бы дать всему этому применение: в таком случае ему оставалось бы, по-видимому, созерцать свою способность мышления. Но он не может созерцать эту способность, не упражняя ее. Либо он ни о чем не будет думать, либо он будет мыслить об идеях, уже пришедших ему в голову, либо станет образовывать из них новые; однако идеи он может получать лишь извне. Итак, будучи по необходимости занят либо своими чувствами, либо своими идеями, он должен либо выходить за пределы самого себя, либо быть идиотом.

И опять–таки человеческой природе невозможно пребывать в этом воображаемом оцепенении; нелепо думать так, и неразумно на это претендовать. Человек рожден для действия, подобно тому как огонь стремится ввысь, а камень падает вниз. Для человека быть лишенным занятия совершенно равнозначно тому, чтобы не существовать. Различие здесь можно провести только между спокойными и волнующими занятиями, опасными или полезными.

XXIV

У людей есть тайный инстинкт, влекущий их к поискам развлечений и занятий вонне и берущий свое начало в негодовании, вызванном их вечно жалким положением; но у них есть и другой тайный инстинкт, оставшийся от величия их первичной природы и заставляющий их сознавать, что счастье на самом деле заключено в покое.

Этот тайный инстинкт, являющийся первоначалом и основанием общества, проистекает, скорее, от милости божьей, и он гораздо больше есть орудие нашего счастья, чем озлобление против нашего жалкого состояния. Я не знаю, что наши прародители делали в земном раю, однако, если бы каждый из них думал только о себе, существование рода человеческого было бы подвергнуто большому риску. Не бессмысленно ли считать, будто они обладали совершенными чувствами, или, иначе говоря, совершенными орудиями действия, лишь для того, чтобы созерцать? И не забавно ли, что мыслящие головы способны вообразить, будто бездействие – это знак величия, а деятельность – знамение упадка нашей природы?

XXV

Поэтому–то, когда Киней сказал Пирру, предполагавшему наслаждаться покоем вместе со своими друзьями после того, как он завоеует большую часть мира, что он поступил бы лучше, если бы сам ускорил свое счастье, начав наслаждаться этим покоем с данной минуты и не отправляясь искать его посредством столь тяжелых трудов, он дал ему совет, влекущий за собой великие трудности и бывший не более разумным, чем планы этого юного честолюбца. Тот и другой исходили из предположения, что человек может удовлетвориться самим собой и своими наличными благами и не станет заполнять пустоту своего сердца несбыточными надеждами, а предположение это ложно. Пирр не мог быть счастливым ни до, ни после завоевания мира.

Пример Киней уместен в сатирах Депрео, но не в философской книге. Мудрый король может быть счастлив у себя дома; и если нам выдают Пирра за глупца, то это нельзя переносить на все человечество.

XXVI

Итак, следует признать: человек настолько несчастен, что он томится скукой без всякой внешней причины для скуки, в силу самого своего состояния и положения.

Напротив, человек в этом отношении достаточно счастлив, и мы весьма обязаны творцу природы, связавшему скуку с бездействием, дабы тем самым вынудить нас быть полезными нашему ближнему и самим себе.

XXVII

Какова причина того, что человек, потерявший единственного сына или удрученный процессом и тяжбами и потому сильно опечаленный сегодня утром, вскоре перестает

обо все этом думать? Не изумляйтесь: он целиком поглощен мыслью о том, где пройдет олень, которого псы его ревностно преследовали в течение шести часов. Большего и не нужно человеку, как бы он ни был исполнен печали. Если можно добиться от него, чтобы он отдался какому-нибудь развлечению, вот перед вами и счастливцев на все это время.

Человек этот прекрасно поступает: рассеяние – более верное средство от печали, чем хина от лихорадки. Не будем же осуждать за это природу, всегда готовую нам помочь.

XXVIII

Вообразите себе некое количество людей, закованных в кандалы и поголовно осужденных на смерть, причем одним из них каждодневно перерезают горло на глазах у других, а оставшиеся в живых могут наглядно усмотреть свое собственное положение в положении им подобных: взглядывая друг на друга с безнадежной печалью, они ожидают своей чреды. Такова картина положения, в котором находятся люди.

Сравнение это, без сомнения, неправомерно: несчастные, закованные в кандалы, которых убивают одного за другим, несчастны не только потому, что они страдают, но и потому, что на их долю выпало испытание, от которого не страдают другие люди. Естественный жребий человека – не быть ни закованным, ни убитым; все люди созданы, так же как животные и растения, для того, чтобы расти, жить в течение определенного срока, производить себе подобных и затем умереть. В сатире можно показать человека с какой угодно плохой стороны, но, если пустить в ход хоть капельку разума, следует признать, что из всех живых существ человек наиболее совершенен, счастлив и живет дольше других. Вместо того чтобы изумляться и сетовать по поводу несчастий и краткосрочности нашей жизни, нам следует изумляться и поздравлять себя с нашим счастьем и его продолжительностью. Рассуждая лишь как философ, я осмелюсь утверждать, что притязания на более совершенную природу, которая нам не дана, весьма заносчивы и дерзки.

XXIX

Среди язычников мудрецы, утверждавшие, что есть лишь единый Бог, подвергались преследованиям; иудеев ненавидели, христиан – еще больше.

Да, они иногда подвергались преследованиям, как подвергался бы им в Наше время человек, который явился бы с проповедью поклонения Богу, независимо от принятого культа. Сократ был осужден не за то, что он сказал: есть лишь единый Бог, а за то, что он восстал против отечественных внешних обрядов и весьма некстати создал себе этим могущественных врагов. Что касается иудеев, то их ненавидели не за то, что они верили в единого Бога, но за то, что они самым смехотворным образом ненавидели другие народы: то были варвары, безжалостно истреблявшие своих побежденных врагов, потому что этот подлый народ, суеверный, невежественный, не имевший искусств и торговли, презирал более цивилизованные народы. Что до христиан, то язычники ненавидели их потому, что они стремились сокрушить религию и империю, которой они в конце концов овладели, подобно тому как протестанты стали господами в тех самых странах, где они были долгое время ненавидимы, преследуемы и истребляемы.

XXX

Монтеню свойственны большие недостатки. Его сочинения полны непристойностей и неприличных выражений. Это никуда не годится. Его мысли по поводу добровольного самоубийства и смерти ужасны.

Монтень пишет как философ, не как христианин: он указывает все "за" и "против" добровольного самоубийства. Если рассуждать философски, то какой ущерб причиняет обществу человек, покидающий его в тот момент, когда он больше не может ему служить? У старого человека каменная болезнь, и он невыносимо страдает; ему говорят: "Если вы не дадите сделать вам операцию, вы умрете; если вам ее сделают, вы сможете еще болтать вздор, пускать слюну и влачить свое существование в течение года, будучи обузой самому себе и вашим близким". Я полагаю, что честный человек примет в этом случае решение не быть более в тягость никому, – вот приблизительно тот пример, который приводит Монтень.

XXXI

Сколько звезд открыли нам телескопы, оставшихся неизвестными философам прежних времен? Делались дерзкие нападки на Писание по поводу многочисленных его мест, гласящих, что звезд существует несметное число. Утверждали, что их не более тысячи двадцати двух, нам это известно.

Известно, что священное Писание в области физики всегда сообразовалось с общепринятыми идеями; так, оно допускает, что Земля неподвижна, Солнце движется и т.д. Оно утверждает, что звезды бесчисленны, вовсе не в силу астрономической изощренности, но лишь приспособляясь к общераспространенным идеям. В самом деле, хотя глаза наши обнаруживают не более чем около тысячи двадцати двух звезд, тем не менее, когда пристально наблюдают небо, ослепленное зрение усматривает там несметное их количество. Писание высказывается таким образом в соответствии с этим тривиальнейшим предрассудком, ибо оно дано нам вовсе не для того, чтобы создавать из нас физиков. При этом весьма очевидно, что Бог не открыл ни Аввакуму, ни Баруху, ни Михею, что в один прекрасный день некий англичанин по имени фламстед поместит в свой каталог более семи тысяч звезд, увиденных с помощью телескопа.

XXXII

Хватит ли смелости у умирающего человека, впадающего в расслабленность и агонию, восстать против всемогущего и вечного Бога?

Этого никогда не случалось. Только в исступлении мозговой горячки может человек сказать: "Я верю в Бога и бросаю ему вызов".

XXXIII

Я охотно верю историям, свидетели которых позволяют себя убить.

Трудность состоит не только в том, чтобы понять, следует ли верить свидетелям, умирающим во имя подкрепления своего свидетельства, как поступают многочисленные фанатики: она состоит еще и в том, чтобы понять, действительно ли эти свидетели умерли за свои слова, сохранились ли их свидетельства и обитали ли они в тех странах, кои называют местом их смерти. Почему Иосиф, родившийся во времена смерти Христа, враг Ирода, человек, мало связанный с иудаизмом, не говорит обо всем этом ни слова? Вот что г-н Паскаль мог бы разъяснить с успехом, как это сделало впоследствии столько красноречивых писателей.

XXXIV

Знаниям свойственны две соприкасающиеся крайности. Первая из них чисто естественное невежество, в котором пребывают все люди с момента рождения; вторая – та, в которую впадают великие души, кои, обзрев все доступное знанию людей, обнаруживают, что они ничего не знают, и в этом незнании встречают самих себя в своем естестве.

Эта мысль – софизм чистой воды; ложность его заключена в этом словечке незнание, которое воспринимается в двояком смысле; тот, кто не умеет ни читать, ни писать, – невежда; однако математик в своем незнании скрытых первоначал природы находится не в том пункте невежества, от которого он отталкивался, когда начинал учиться читать. Г-н Ньютон не знал, почему человек делает движение рукой, когда он этого хочет; однако от этого он не был менее знающим во всем остальном. Тот, кто не знает еврейский язык и знает латынь, будет ученым в сравнении с тем, кто знает только французский.

XXXV

Иметь возможность тешить себя развлечениями – не значит быть счастливым, ибо развлечение приходит извне, из другого места; таким образом, человек зависим, а следовательно, он подвержен тысячам случайных тревог, причиняющих неизбежные огорчения.

Тот, кто получает удовольствие, действительно счастлив, причем удовольствие это может прийти к нему только извне. У нас не может быть ни ощущения, ни идеи иначе, как от внешних объектов, подобно тому как мы не можем питать наше тело

иначе, как вводя в него посторонние субстанции, превращающиеся затем в нашу собственную.

XXXVI

Высшее проявление ума осуждается как безумие, как крайний его недостаток. Одобрение получает только посредственность.

В безумии обвиняют не высшее проявление ума, но его крайнюю живость и подвижность. Высшее проявление ума – это высшая справедливость, высшая утонченность, высшая широта, диаметрально противоположные безумию.

Крайний недостаток ума – это недостаток понимания, отсутствие идей; это не безумие, это тупость. Безумие – расстройство органов чувств, заставляющее чересчур живо воспринимать множество объектов или, наоборот, приковывающее воображение с неистовой настойчивостью к одному и тому же объекту. Одобрение получает вовсе не посредственность, но удаленность от этих порочных крайностей, и именуется это не посредственностью, а золотой серединой.

XXXVII

Если бы наше положение действительно было счастливым, не нужно было бы нас отвлекать от мыслей об этом.

Наше положение требует именно размышления над внешними объектами, с которыми мы вступаем в необходимые отношения. Мысль, что человека можно отвлечь от размышления над человеческим положением, ложна, ибо, к чему бы он ни прилагал свой ум, он прилагает его к тому, что необходимо связано с положением человека; и опять-таки, если думать о себе, абстрагируясь от естественных объектов, это значит не думать ни о чем: я разумею, ни о чем из всех тех вещей, которых надо остерегаться.

Вообще не препятствуя человеку размышлять о своем положении, с ним говорят обычно лишь о приятных его сторонах. С ученым говорят о его добром имени и о науке, с государем – о том, что имеет отношение к его величию, с любым человеком – об удовольствиях.

XXXVIII

Великие и малые подвержены одним и тем же случайностям, одним и тем же досадным обстоятельствам и страстям. Но одни находятся на краю колеса, другие же – неподалеку от его центра, и потому их меньше затрагивает то же вращение.

Неверно, что малых вращение колеса затрагивает менее, чем великих; напротив, их отчаяние бывает более живым, ибо средства их незначительней. Из ста человек в Лондоне, кончающих жизнь самоубийством, девяносто девять принадлежат к простонародью и лишь один – к высшим слоям общества. Сравнение с колесом остроумно, но ложно.

XXXIX

Людей не учат быть порядочными, зато их обучают всему остальному, а между тем более всего они претендуют именно на порядочность. Таким образом, они претендуют на знание в той единственной области, в которой они круглые невежды.

Людей учат быть порядочными, и без этого мало кто мог бы стать порядочным человеком. Позвольте вашему сыну забирать себе все, что ему попадает под руку, и к пятнадцати годам он станет разбойником на большой дороге; похвалите его за ложь, и он станет тогда лжесвидетелем; угождайте его вожделениям, он станет развратником. Людей учат всему – добродетели и религии.

XL

Какой нелепый замысел питал Монтень – изобразить самого себя! И это не мимоходом, не вопреки своим правилам, как бывает свойственно впадать в заблуждение всему свету, но в согласии с собственными максимами и своим первым и основным намерением. Ведь говорить глупости по случайной слабости ординарное зло, но говорить их намеренно – это уже невыносимо, тем более когда говорят

Вольтер философские письма filosoff.org
глупости, подобные этим.

Великолепен замысел Монтеня – изобразить себя с той наивной простотой, с какой он это делает! Ибо он изображает человеческую природу. И убоги намерения Николя Мальбранша и Паскаля очернить Монтеня!

XLII

Когда я размышлял о том, откуда берется столько веры, даруемой мошенникам, заявляющим, что у них есть целительные снадобья, вплоть до того, что люди отдают свою жизнь в их руки, мне показалось, что истинной причиной этого является существование действительных средств; ведь невысказано, чтобы при наличии множества ложных средств люди давали бы им столько веры, если бы не существовало средств истинных. Если бы вообще их не существовало и все болезни были неискоренимы, людям невысказано было бы даже вообразить, что они могут верить в такие средства, и еще более невысказано было бы для всех прочих давать веру тем, кто похвально, будто они владеют этими средствами. Так, если бы кто-то кичился умением воспрепятствовать смерти, никто бы ему не поверил, ибо не существует такого примера. Но поскольку существует значительное число лекарств, обнаруживших свою действительность благодаря познаниям более осведомленных лиц, вера людей возросла, ибо, если что-то нельзя отрицать в целом, потому что существуют частные результаты, которые следует признать действительными, люди, не умеющие различить, какие из этих частных результатов истинны, верят во все без исключения. Точно так же вера в большое количество ложных, влияний Луны обусловлена тем, что существуют действительные ее воздействия, такие, например, как морской прилив.

Таким образом, мне представляется очевидным, что число ложных чудес, откровений, чар и т.п. столь велико потому, что ведь существуют и чудеса истинные.

Мне кажется, что человеческая природа не нуждается в истине для того, чтобы впасть в заблуждение. Луне приписывали тысячи ложных воздействий задолго до того, как людям пришла в голову мысль о малейшей истинной связи между ней и морским приливом. Первый человек, который заболел, без труда дал веру первому встречному шарлатану; никто не видел ни оборотней, ни колдунов, но многие в них верили; никто не видел превращения металлов, но многие разорились из-за веры в философский камень. Разве римляне, греки и все язычники верили в буквально захлестывавшие их ложные чудеса лишь потому, что они видели чудеса истинные?

XLIII

Гавань указывает путь тем, кто находится на корабле. Но где мы найдем такую опору в морали?

В одном-единственном основоположении, принятом у всех народов: "Не причиняйте другому то, чего вы не хотели бы испытать сами".

XLIII

*Ferox gens nullam esse vitam sine armis putat**. (* Дикий народ не признает жизни без войны (лат.; Тит Ливии, XXXIV, 17, взято из Монте-ня, I, 40). – Примеч. переводчика)

Дикие больше любят смерть, чем мир, другие же любят больше смерть, чем войну. Любое мнение можно предпочесть жизни, любовь к которой представляется столь сильной и естественной.

Тацит сказал это о каталонцах; там, однако, не содержится пункта, в котором было бы сказано или согласно которому можно было бы сказать, что народ этот больше любит смерть, чем войну.

XLIV

Чем больше у человека ума, тем больше он усматривает оригинальных людей. Заурядный человек не видит различия между людьми.

Весьма редко встречаются действительно оригинальные люди: почти все управляют собой, мыслят и чувствуют под влиянием обычая и воспитания; ничто так не редко, как ум, пролагающий для себя новый путь; но среди толпы людей, заслуживающих

того, чтобы быть членами общества, каждый обладает небольшими отличиями в поведении, которые подмечает утонченный взгляд.

XLV

Итак, существуют два вида ума: один из них живо и глубоко проникает в следствия основоположений – и это правильный ум; другой постигает большое число основоположений без того, чтобы их углублять, – и это геометрический ум.

Мне кажется, в настоящее время обычай требует именовать геометрическим умом ум методический и последовательный.

XLVI

Легче перенести смерть, если о ней не думать, чем мысль о смерти, когда нет опасности.

Нельзя говорить, что человек переносит смерть легко или с трудом, если он ни о чем подобном не думает. Кто ничего не чувствует, тот ничего и не терпит.

XLVII

Мы предполагаем, что все люди одинаковым образом воспринимают и чувствуют представляющиеся им объекты; но это наше предположение лишено оснований, ибо мы не имеем тому никаких доказательств. Я прекрасно понимаю, что в одних и тех же случаях употребляются одни и те же слова и что всякий раз, как два человека видят, например, снег, они употребляют для обозначения внешнего вида этого объекта одни и те же выражения, говоря друг другу, что снег бел. Но из этого совпадения наименований делают решительный вывод о совпадении идей; однако вывод этот не убедителен, хотя и можно было бы вполне побиться об заклад в пользу его правильности.

В качестве доказательства здесь не следует приводить белый цвет. Представляющий собой смесь всех лучей, он кажется сверкающим всему свету и в конце концов немного нас ослепляет, производя одно и то же воздействие на глаза всех людей; но допустимо сказать, что другие цвета, быть может, не воспринимаются одинаковым образом всеми глазами.

XLVIII

Все наши рассуждения сводятся к уступке чувству.

Наши рассуждения сводятся к уступке чувству в вопросах вкуса, но не знания.

XLIX

Те, кто судит о произведении на основе правил, относятся к другим людям, как те, кто имеет часы, к тем, кто их не имеет. Один говорит: "Мы здесь находимся уже два часа"; другой: "Мы здесь всего лишь три четверти часа". Я взглядываю на свои часы и говорю первому: "Вы скучаете", а второму: "Время летит для вас".

В произведениях изящных искусств – музыкальных, поэтических, живописных – часы заменяет вкус: тот, кто судит здесь лишь на основе правил, судит скверно.

L

Мне кажется, Цезарь был чересчур стар, чтобы, пуститься в такое развлечение, как завоевание мира. Подобная забава была хороша для Александра. Он был юношей, которого трудно было остановить, но Цезарь должен был быть более зрелым человеком.

Обычно воображают, будто Александр и Цезарь выступили походом из своих стран с целью завоевать всю Землю. На самом деле это совсем не так. Александр унаследовал от Филиппа звание верховного главнокомандующего Греции, и на него была возложена справедливая задача отомстить персидскому царю за оскорбления, нанесенные грекам. Он поверг их общего врага и продолжил свои завоевания вплоть до Индии, ибо до Индии простиралось царство Дария; подобно этому без маршала Виллара герцог Мальборо дошел бы до Лиона.

Что до Цезаря, то он был один из первых людей Республики. Он рассорился с Помпеем, как янсенисты рассорились с молинистами, и дело тогда было в том, кого истребит. Одна-единственная битва, в которой не досчитались десяти тысяч убитых, решила все.

Наконец, мысль г-на Паскаля, быть может, ложна во всех смыслах. Требовалась зрелость Цезаря, чтобы выпутаться из такой сети интриг, и поразительно, что Александр в свои годы отказался от удовольствий, с тем чтобы провести столь тягостную войну.

LI

Забавно наблюдать, как в мире существуют люди, которые, отвергнув все законы Бога и природы, создали себе свои законы, коим они неукоснительно следуют, как, например, это принято у воров и т.д.

Наблюдать это не столь забавно, сколько полезно: ведь такие наблюдения доказывают, что ни одно человеческое общество не может существовать ни единого дня без правил.

LII

Человек – не ангел и не зверь, и беда состоит в том, что люди, желающие создать [из него] ангела, творят зверя.

Ангела хочет создать тот, кто стремится уничтожить страсти, вместо того чтобы их упорядочивать.

LIII

Конь не стремится вызывать восхищение своего сотоварища. Между ними существует некий род соревнования во время бега, но они не делают из этого соревнования выводов. Ведь, когда лошадь находится в стойле, самая тяжеловесная и нескладная из них не уступает в силу этого свой овес другой. У людей дело обстоит иначе: добродетель их не довольствуется самой собой; они не успокаиваются до тех пор, пока не извлекут из нее преимущество над остальными.

Самый нескладный человек не уступает тем не менее свой хлеб другому, но самый сильный отнимает его у самого слабого. И у животных, и у людей большие пожирают малых.

LIV

Если человек станет себя изучать, он увидит, насколько он не способен выйти за пределы самого себя. Да и как может быть, чтобы часть познала целое? Быть может, он будет стремиться познать, по крайней мере, те части, с которыми у него есть некоторое соответствие. Однако части мира находятся между собой в таком соотношении и такой связи одна с другой, что я считаю невозможным познать одну без другой и без целого.

Никоим образом не следует отвлекать человека от исследования того, что ему полезно, при помощи соображения, гласящего, что ему не все дано познать.

Non possis [oculo] quantum contendere Linceus Non tamen idcirco contemnas lippus inungi*.

* "Ты многого не можешь достичь [взором], Линкей, однако не следует из-за этого тебе, у кого гноятся глаза, пренебрегать мазью" (лат.; Гораций. Послания, I, 1, ст. 28-29). – Примеч. переводчика.

Нам известны многие истины; мы сделали много полезных изобретений. Утешимся в том, что мы не знаем соотношений, могущих быть установленными между паутиной и кольцом Сатурна, и будем продолжать исследовать то, что нам доступно.

LV

Если молния ударяла бы в низменность, поэтам и всем тем, кто умеет рассуждать

Вольтер философские письма filosoff.org
лишь о вещах подобного рода, недоставало бы доказательств.

Сравнение не является доказательством ни в поэзии, ни в прозе; в поэзии оно служит для украшения, в прозе – для уяснения и большей осязаемости предмета. Поэты, сравнивавшие несчастья великих людей с молнией, поражающей горы, сделали бы противоположное сравнение, если бы происходили противоположные явления.

LVI

Именно сочетание духа и тела сделало то, что почти все философы смешивали идеи вещей и приписывали телу то, что принадлежит только духу, а духу то, что может быть свойством одного только тела.

Если бы мы знали, что это такое – дух, мы могли бы сетовать на то, что философы приписали ему неподобающие свойства; но мы не знаем ни духа, ни тела; у нас нет никакого представления о первом и есть лишь весьма несовершенные идеи относительно второго. Таким образом, мы не можем знать, каковы их границы.

LVII

Говорят обычно "поэтическая красота", и следовало бы так же говорить "геометрическая красота", "красота медицинская". Однако так никогда не говорят. Причина этого заключена в том, что объект геометрии хорошо известен, точно так же как и объект медицины; в то же время мы совершенно не знаем, в чем состоит изящество, являющееся предметом поэзии. Нам неизвестно, что это за естественный образец, которому следует подражать, и за отсутствием этого знания было изобретено определенное количество причудливых определений: "золотой век", "чудо наших дней", "роковые лавры", "прекрасная звезда" и т.п., и этот жаргон именуют поэтической красотой. Но если бы кто-то вообразил себе женщину, одетую в соответствии с этой моделью, он увидел бы прелестную барышню, увешанную зеркалами и латунными цепочками.

Мысль эта в высшей степени ложна; вовсе не следует говорить "геометрическая красота" или "красота медицинская", ибо ни теорема, ни прием слабительного не вызывают приятного чувства, а имя "красивое" дается лишь тем вещам, что чаруют чувства, – музыке, живописи, красноречию, поэзии, правильной архитектуре и т.д.

Довод, приводимый г-ном Паскалем, также совершенно ложен; мы отлично знаем, в чем состоит предмет поэзии: он состоит в том, чтобы образы были сильными, точными, изящными и гармоничными; поэзия – это гармоническое красноречие. Видимо, у г-на Паскаля весьма мало вкуса, если он говорит, что "роковые лавры", "прекрасная звезда" и прочие подобные глупости – это поэтические красоты, а издатели настоящих "мыслей" были, по всей вероятности, людьми весьма неопытными в области изящной литературы, раз они опубликовали размышление, столь недостойное своего знаменитого автора.

Я не посылаю вам других моих замечаний на "Мысли" г-на Паскаля, ибо они повлекли бы за собой слишком длинные дискуссии. Достаточно, если я верно подметил некоторые погрешности, вызванные невниманием этого великого гения. Для ума, столь ограниченного, как мой, уверенность в том, что самым выдающимся людям столь же свойственно ошибаться, как и толпе, является утешительной.

Конец

Приложение

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАМЕЧАНИЙ ПАСКАЛЮ

LVIII

Мы появляемся на свет вовсе не для того, чтобы заявить о себе в стихах, если мы не приклеили себе ярлыка поэта, или чтобы проявить себя в области математики, в случае если мы не приклеили себе ярлыка математика; действительно порядочные люди не желают носить ярлыки.

С этой точки зрения иметь профессию, заметный талант и отличаться в какой-то области – плохо? Вергилий, Гомер, Корнель, Ньютон, маркиз Л'Опиталь приклеили себе ярлыки. Счастливы те, кто преуспел в искусстве и заявил о себе другим!

LIX

Народ обладает весьма здравыми мнениями: например, он предпочитает развлечения и охоту поэзии и т.п.

Можно подумать, что народу предлагают играть в шары или сочинять стихи. Отнюдь нет. Просто люди с более грубыми органами чувств ищут удовольствий, в которых душа не принимает участия; те же, кто обладает более утонченными ощущениями, стремятся к более изящным забавам: каждому человеку надо жить.

LX

Когда Вселенная сокрушает человека, последний оказывается более благородным, чем то, что его убивает, потому что он знает, что умирает, Вселенная же ничего не знает о своем преимуществе над ним.

Что должно означать это слово – благородный? Верно, что моя мысль – это нечто иное, чем солнечный шар; но разве четко доказано, будто живое существо, имея некоторые мысли, является более благородным, чем Солнце, вдыхающее жизнь во все известные нам в природе вещи? И человеку ли дано выносить об этом суждение? Ведь он – и судья, и заинтересованное лицо. Говорят, что одно творение превосходит другое, когда оно стоило своему творцу большей затраты труда и когда оно приносит большую пользу. Но меньшего ли труда стоило Творцу создать Солнце, чем вылепить существо ростом около пяти футов, умеющее хорошо ли худо ли рассуждать? Что более полезно для мира – это существо или звезда, освещающая столько шаровидных тел? И в какой мере можно предпочесть материальной вселенной несколько идей, воспринятых чьим-то мозгом?

LXI

Выберите любое положение по вашему вкусу и включите в него все блага и удовольствия, какими только может удовлетвориться человек, все равно тот, кто будет поставлен в подобную ситуацию, но не будет иметь занятий и развлечений, если дать ему поразмыслить над тем, что он собой представляет, не сможет найти поддержки в этом тоскливом счастье.

Каким образом можно собрать все блага и удовольствия вокруг одного человека и оставить его в то же самое время без занятий и развлечений? Не заключено ли здесь явное противоречие?

LXII

Оставьте какого-нибудь короля в полном одиночестве, лишенным любого удовлетворения чувств и любой заботы ума, а также общества, и предоставьте ему свободный досуг для размышления о самом себе, и вы увидите, что познающий себя король – это человек, исполненный печалей и переживающий их так же, как все остальные.

Все тот же софизм. Король, уединяющийся для размышлений, тем самым бывает весьма занят. Но если он остановит свои мысли на себе самом, сказав себе: "Я царствую, и баста!", он будет просто идиотом.

LXIII

Любая религия, не признающая Иисуса Христа, заведомо ложна, и чудеса не могут принести ей никакой пользы.

Что такое чудо? Какое бы понятие себе о нем ни составить, оно есть то, что дано творить одному лишь Богу. Однако здесь делается предположение, что Бог может творить чудеса для поддержания ложной религии: это заслуживает более углубленного подхода; каждый из возникающих тут вопросов может составить целую книгу.

LXIV

Сказано: "Верьте церкви", но не сказано: "Верьте чудесам", ибо последнее естественно, первое же – нет. Одно нуждается в предписании, другое – отнюдь нет.

Здесь, как я думаю, явное противоречие. С одной стороны, в определенных случаях чудеса не приносят никакой пользы, а с другой, чудесам совершенно необходимо верить, и довод этот выдается за столь убедительный, что он якобы не нуждается даже в рекомендации. Это явно означает говорить одновременно и за, и против.

LXV

Я не считаю, что более трудно поверить в воскресение мертвых и в непорочное зачатие, чем в акт творения. Разве труднее воспроизвести человека, чем создать его заново?

С помощью одного лишь рассуждения можно прийти к доказательствам акта творения, ибо, если учесть, что материя не существует сама по себе, не имеет сама по себе движения и т.д., это приводит к признанию необходимости ее сотворения; в то же время рассуждение не может привести к мысли, будто постоянно изменяющееся тело должно в один прекрасный день восстановиться таким, каким оно было в то самое время, когда претерпевало изменения. Точно так же рассуждение не приводит к выводу, будто человек должен родиться без семени. Таким образом, если творение – это объект разума, то оба других чуда – объект веры.

10 мая сего 1738 года

Недавно я прочел "Мысли" Паскаля, еще не опубликованные. Отец де Молле получил их в виде рукописи этого знаменитого автора, и [было] предпринято их издание; мне кажется, они подкрепляют уже высказанное мной соображение, а именно, что великий гений разбросал наудачу все эти мысли, с тем чтобы часть их затем переделать, другую часть использовать и т.д.

Среди этих последних мыслей, которые издатели "Трудов" Паскаля изъяли из его Собрания сочинений, мне кажется, есть многие, заслуживающие того, чтобы их сохранить; вот несколько из них, которые этот великий человек должен был бы, по-моему, исправить.

I

Всякий раз, как какое-либо положение оказывается непостижимым, не следует его отвергать под этим предлогом, но надо исследовать противоположный тезис, и если он окажется явно ложным, можно смело утверждать противное, каким бы непостижимым оно ни было.

Мне представляется очевидным, что ложными могут быть два противоположных тезиса. Крылатый бык летит на юг, бескрылый бык летит на север; двадцать тысяч ангелов умертвили вчера двадцать тысяч людей, двадцать тысяч людей умертвили вчера двадцать тысяч ангелов: эти противоположные тезисы явно ложны.

II

Сколько суетного тщеславия в живописи, вызывающей восхищение сходством вещей, оригиналами которых не восхищаются!

Несомненно, заслуга портрета заключается вовсе не в доброте характера изображенного на нем человека, но в сходстве. Цезарем восхищаются в одном смысле, а его статуей или живописным изображением – совсем в другом.

III

Если бы врачи не носили халатов и шлепанцев, а ученые не имели своих четырехугольных колпаков и широченных мантий, они никогда не пользовались бы тем уважением, какое к ним обычно питают в свете.

Наоборот, медики перестали быть смешными и стали пользоваться истинным уважением лишь с тех пор, как они отбросили свои ливреи и свой педантизм; ученых принимают в свете, в кругу порядочных людей, лишь тогда, когда они предстают там без четырехугольных колпаков и без своих аргументов.

Существуют даже страны, где заставляют себя уважать без всякой помпы судебные

власти. Есть весьма законопослушные христианские короли, пренебрегающие церемонией коронации и посвящения в сан. По мере того как люди становятся просвещеннее, все показное становится бесполезным, и только для простонародья оно бывает подчас необходимым: ad populum phaleras*".

Знаки отличия – для толпы (лат.; Персии Сатиры, III, 26). – Примеч. переводчика.

IV

Согласно этим естественным понятиям, Бог, если он существует, бесконечно непостижим, ибо, не имея ни частей, ни границ, он не стоит к нам ни в каком отношении, и мы, таким образом, не способны познать, ни что он есть, ни есть ли он.

Странно, что г-н Паскаль допустил, будто можно с помощью разума разгадать первородный грех, и он же утверждает, что разум не может постичь, есть ли Бог. Ясно, что прочтение именно этой мысли побудило отца Гардуэна поместить Паскаля в своей нелепой перечень атеистов; Паскаль, несомненно, отбросил бы эту идею, ибо он опровергает ее в других местах. Действительно, мы вынуждены допускать вещи, которые мы не постигаем: я существую, значит, нечто существует от века – это очевидное положение, однако постигаем ли мы вечность?

V

Вы полагаете невозможным, чтобы Бог был бесконечным, не имея частей? Да, но я все-таки хочу вам показать одну бесконечную и неделимую вещь: это точка, движущаяся во всех направлениях с бесконечной скоростью, ибо она одновременно находится всюду, причем в каждом из мест – целиком.

Здесь заключены четыре заметные ошибки:

- 1) положение, что математическая точка существует сама по себе;
- 2) что она одновременно передвигается и вправо, и влево;
- 3) что она движется с бесконечной скоростью, ибо нет той большой скорости, которую нельзя было бы увеличить;
- 4) что эта точка целиком находится всюду.

VI

Гомер создал роман, который он за таковой и выдает. Никто не сомневается в том, что Троя и Агамемнон существовали не более чем золотое яблоко.

Никогда ни один писатель не ставил под сомнение существование Трои. Вымысел относительно золотого яблока не бросает тень на истинность основного сюжета. Слякка, доставленная голубем, и хоругвь, принесенная ангелом, не препятствуют тому, что Хлодвиг действительно царствовал во Франции.

VII

Я не стал бы здесь доказывать с помощью естественных доводов ни существование Бога, ни Троицу, ни бессмертие души, ибо я не чувствую себя достаточно сильным для того, чтобы отыскать в природе доводы, которыми я мог бы убедить закоренелых атеистов.

Еще раз: возможно ли, что это Паскаль не чувствует себя достаточно сильным для доказательства существования Бога?

VIII

Разнузданные мнения столь естественным образом нравятся людям, что странно бывает, когда они им не нравятся.

Не доказывает ли, наоборот, опыт, что завоевать умы народов можно, лишь предлагая им для их веры и действий нечто трудное, даже невыполнимое? Стоиков

уважали, потому что они подавляли человеческую природу. Если вы будете предлагать лишь разумные вещи, весь свет вам ответит: "Мы все хорошо это знаем". Нетрудно взять себе за образец нечто заурядное; но приказывайте вещи суровые, неосуществимые, рисуйте образ Бога, постоянно вооруженного молниями, проливайте кровь у подножия его алтарей – и толпа будет вас слушать, каждый скажет про вас: "Видно, он прав, ибо так отважно вещает столь странные вещи".

Примечания

//грязь не вычищена

1 Речь идет о реальном лице – Эндрю Питте, с которым Вольтер встречался и беседовал во время пребывания в Англии.

2 Имеется в виду произведение Роберта Беркли (1648–1690), опубликованное на латыни в 1675 г. под заглавием "Истинная теология апология христианства" и на английском языке под заглавием "Апология истинно христианского божества как его почитают и проповедуют люди, именуемые в просторечии квакерами".

3 Имеется в виду колонна высотой в 100 футов, воздвигнутая Карлом II в память о великом лондонском пожаре.

4 Мальбранш, Николя (1638–1715) французский философ, который в соответствии с религиозно-идеалистической концепцией окказионализма учил, что люди все видят в Боге и существуют в Боге.

, 5 Это, видимо, опечатка. Проповедь квакерства его основателем Фоксом началась в 1649 г.

6 Имеется в виду английская революция (1642–1648), в которой противоборствующие силы выступали под религиозными знаменами и которую просветители поэтому воспринимали как конфликт, порожденный распрями между фанатичными протестантами и католиками.

7 Кромвель, Оливер (1599–1658) – командующий революционными войсками, возглавивший английскую республику после ее учреждения в 1649 г.

8 Сикст V – папа римский (1585–1590).

9 Карл II – король Англии (1660–1685), сын казненного после победы революции Карла I; занял престол в результате реставрации.

10 Пени, Вильям (Уильям) (1644–1718) – английский религиозный и политический деятель, основавший в Северной Америке колонию Пенсильвания.

11 Яков II – брат Карла II, последний английский король (1685–1689) из династии Стюартов, лишенный престола в результате "славной революции" 1688–1689 гг.

12 Георг I – английский король (1714–1727), родоначальник Ганноверской династии.

13 "Философским романом" Вольтер пренебрежительно называет работу Декарта "О страстях души" (1649).

14 Здесь, видимо, опечатка. Пенсильвания расположена к северу от Мериленда.

15 Вильгельм III – английский король (1689–1702), являвшийся до этого штатгальтером Голландии под именем Вильгельма Оранского и женатый на старшей дочери Якова П. Занял престол по решению английского парламента в результате "славной революции".

16 Англиканская церковь возникла в эпоху Реформации в XVI в. и принадлежит к числу протестантских церквей.

17 Тори – так после английской революции середины XVII в. стали называть сторонников партии консервативных землевладельцев. Тори были одной из двух главных политических партий в Англии.

18 Анна – английская королева (1702–1714), преемница Вильгельма III.

19 Виги – так после английской революции середины XVII в. стали называть сторонников партии, отражавшей преимущественно интересы буржуазии и нового дворянства. Виги были одной из двух главных политических партий в Англии.

20 Гвельфы и гибеллины – две противоборствующие группировки в Германии и Италии XI–XIV вв. В целом гвельфы поддерживали папство в его борьбе за светскую власть, а гибеллины – императоров Священной Римской империи.

21 Харлей (1661–1724) занимал в 1712–1714 гг. пост канцлера и главы казначейства.

22 Болинброк (1678–1751) возглавлял кабинет тори в последние годы правления королевы Анны (с 1711 г.).

23 Курейе (1681–1776) – каноник и библиотекарь церкви св. Женевьевы в Париже, автор изданной в 1723 г. в Брюсселе книги "Рассуждение о достоинстве установлений англичан и о преемственности епископов англиканской церкви".

24 Имеется в виду архиепископ Паркер (1504–1575).

25 Эта ссылка на Франсуа Рабле (1494–1553), одного из крупнейших французских вольнодумцев эпохи Возрождения, гуманиста и антиклерикала, носит иронический характер.

26 Имеется в виду Диоген из Синопа (404–323 гг. до н.э.), философ–киник, критиковавший учение Платона об идеях и отличавшийся смелостью и независимостью по отношению к власти имущим.

27 Платон (428/427–347 гг. до н.э.) – один из крупнейших древнегреческих мыслителей, философ–идеалист.

28 Имеется в виду Александр Македонский (356–323 до н.э.) – властелин огромного царства, простиравшегося от Греции до Индии.

29 Речь идет о древнеримском государственном деятеле и мыслителе Марке Порции Катоне Старшем (234–149 до н.э.) как проповеднике нравственного ригоризма, неуклонного следования "добрым старым нравам".

30 Три королевства – это Англия, Шотландия и Ирландия, входящие в состав Соединенного королевства Великобритании.

31 Янсенист – сторонник янсенизма (по имени голландского богослова Янсения (1585–1638)), близкого к протестантизму нравственно–религиозного течения внутри католицизма. Наибольшее распространение янсенизм получил во Франции, являясь в XVII – начале XVIII в. формой выражения социального протеста буржуазных слоев населения против феодально–абсолютистского строя. Своих главных противников янсенисты видели в это время в иезуитах.

32 Иезуит – член монашеского ордена "Общество Иисуса", созданного в 1534 г. Игнатием Лойолой для борьбы против Реформации, упрочения папства и католицизма в целом. Ради достижения своих целей иезуиты сознательно шли на использование любых средств, цинично попирая мораль. В феодально–абсолютистской Франции иезуиты пользовались огромным влиянием и были надежной опорой королевской власти.

33 Социниане, ариане, антитринитариане – христианские секты, для которых общим является отрицание троичности божества.

34 Имеется в виду один из "отцов церкви" – Афанасий Александрийский (295–373), который в борьбе с арианством разработал догмат о единосущности Бога–Отца и Бога–Сына, включенный на I Вселенском соборе в никее (325 г.) в христианский символ веры.

35 Ньютон, Исаак (1643–1727) – великий английский физик, в мировоззрении которого сочетались естественнонаучные положения с религиозностью и теологическими рассуждениями.

- 36 Кларк, Сэмюел (1675–1729) – английский теолог.
- 37 Имеется в виду книга Кларка "Рассуждение о бытии и атрибутах Бога" (1705–1706).
- 38 Имеется в виду книга Кларка "Истинность и достоверность естественной и откровенной религии" (1705).
- 39 Имеется в виду книга Кларка "Святое учение о троице" (1712).
- 40 Лютер, Мартин (1483–1546) – зачинатель Реформации, основатель лютеранства – первой и главной разновидности протестантизма.
- 41 Кальвин, Жан (1509–1564) – один из крупнейших деятелей Реформации, основатель новой влиятельной разновидности протестантизма – кальвинизма.
- 42 Цвингли, Ульрих (1484–1531) – глава Реформации в Цюрихе, основатель одной из разновидностей протестантизма – цвинглианства.
- 43 Магомет (Мухаммед) (570–632) – основатель ислама, одной из главных мировых религий.
- 44 Джон Локк (1632–1704) – английский философ–сенсуалист.
- 45 Леклерк (ум. 1736) – философ, способствовавший распространению идей Локка в странах Европейского континента, прежде всего в Голландии.
- 46 Рец де, кардинал (1614–1679) – один из главных вдохновителей фронды (1648–1652) – сложного социального движения, направленного с различных классовых позиций против королевского абсолютизма.
- 47 Шиппинг, Вильям (1673–1743) – видный тори, член палаты общин английского парламента.
- 48 Марий, Гай (156–86 до н.э.) – древнеримский полководец и политический деятель, жестоко преследовавший приверженцев своего главного противника в борьбе за власть в Риме – Суллы.
- 49 Сулла, Луций Корнелий (138–78 до н.э.) – древнеримский полководец и политический деятель, установивший в Риме военную диктатуру и жестоко расправившийся с приверженцами своего противника Мария.
- 50 Помпей, Гней (106–48 до н.э.) – древнеримский полководец и политический деятель, погибший в борьбе с Цезарем за власть в Риме.
- 51 Цезарь, Гай Юлий (100–44 до н.э.) – древнеримский полководец и политический деятель, установивший в Риме диктатуру и тем самым положивший конец республиканскому строю.
- 52 Антоний, Марк (83–30 до н.э.) – древнеримский полководец и политический деятель, участник правившего Римом после смерти Цезаря триумvirата, затем боролся за власть с Октавианом и потерпел поражение.
- 53 Август – имя, принятое древнеримским полководцем и политическим деятелем Октавианом (63 до н.э. – 14 н.э.) в связи с дарованием ему в 27 г. до н.э. императорской власти; первый римский император.
- 54 Фламины – жрецы древнеримской религии.
- 55 Людовик XIV – французский король (1643–1715), вел широкую экспансионистскую политику.
- 56 Карл IX – французский король (1560–1574), в царствование которого католики устроили резню гугенотов в Париже, известную под именем Варфоломеевской ночи (1572 г.).
- 57 Генрих III – французский король (1574–1589), приказавший умертвить главу

католической партии герцога Гиза и в отместку за это убитый монахом-доминиканцем Жаком Клеманом.

58 Гизы – старинная французская аристократическая фамилия, возглавившая в период религиозных войн во Франции (1562–1594) воинствующих католиков и стремившаяся воспользоваться этим для овладения французским престолом, низложив династию Валуа.

59 Имеется в виду Фронда (1648–1653).

60 Джулио Мазарини, кардинал (1602–1661) – всесильный первый министр в годы детства и юности Людовика XIV (1643–1661).

61 Карл IV – французский король (1380–1422), в царствование которого происходили многочисленные жестокие войны внутри страны, прежде всего между бургундцами и арманьяками.

62 Лига – наименование возглавлявшегося Гизами в период религиозных войн объединения французских католиков, стремившихся искоренить в стране гугенотов (протестантов).

63 Карл I – английский король (1625–1649), казненный по приговору революционного верховного трибунала.

64 Генрих VII – германский император (1308–1313).

65 Генрих IV – французский король (1589–1610), убитый монахом Равальяком за веротерпимость в отношении гугенотов.

66 Вильгельм I Завоеватель – английский король (1066–1087), основатель Нормандской династии в Англии.

67 Инас – король Уэссекса (VIII в.), одного из семи англосаксонских государств; в начале IX в. объединил их в одно государство – Англию.

68 Иоанн Безземельный – английский король (1199–1216).

69 Людовик VIII – французский король (1223–1226).

70 Имеется в виду французский король Людовик XI (1226–1270).

71 Генрих III – английский король (1216–1272).

72 Речь идет о Великой хартии вольностей, которую в 1215 г. был вынужден даровать своим подданным английский король Иоанн Безземельный, затем отказавшийся ее соблюдать; его сын Генрих III был принужден подтвердить эту хартию.

73 Генрих VII – английский король (1485–1509).

74 Вильгельм III – английский король (1689–1702).

75 Здесь, видимо, опечатка. Отправка эскадр произошла в 1726 г.

76 Принц Евгений (1663–1736) – знаменитый полководец, состоявший на службе у германского императора.

77 Таунсенд (1676–1734) – премьер-министр при Георге I.

78 Имеется в виду Харлей (см. примеч. 21).

79 Неточность: в действительности – дочь.

80 Речь идет о жене Георга II (1727–1760) Каролине, завоевавшей огромную популярность в Великобритании. Вольтер посвятил ей "Генриаду" (1728) – существенно переработанный вариант произведения, которое первоначально называлось "Поэма о Лиге" (1723).

81 Мильтон, Джон (1608–1676) – великий английский поэт, видный публицист и деятель английской революции. Первый перевод на французский язык его лучшей поэмы "Потерянный рай" был осуществлен Вольтером. Дочь Мильтона миссис Кларк, умершая в 1728 г., получила в дар от королевы годом ранее крупную сумму в 50 гиней.

82 Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646–1716) – великий немецкий философ и ученый-энциклопедист, полемизировавший с Кларком (выступавшим в защиту воззрений Ньютона) по вопросу о сущности пространства и времени.

83 Людовик XV – французский король (1723–1774).

84 Бэкон, Френсис (1561–1626) – один из основоположников новоевропейской философии, научного эмпиризма, родоначальник английского материализма и всей современной экспериментирующей науки".

85 Тамерлан, правильнее Тимур (1336–1405) – знаменитый азиатский завоеватель.

86 Яков I – английский король (1603–1625).

87 Работа Бэкона "Новый органон" была опубликована в 1620 г.

88 Мнение древнегреческого философа Эмпедокла (483–423 до н.э.).

89 Мнение древнегреческого философа Анаксагора (500–428 до н.э.).

90 Торичелли, Эванджелиста (1608–1647) – видный итальянский физик и математик, основоположник гидростатики.

91 Имеется в виду работа Бэкона "Опыты и наставления нравственные и политические" (1597).

92 Ларошфуко, Франсуа де (1613–1680) – французский писатель-моралист, считавший интерес движущей силой человеческих поступков.

93 Монтень, Мишель де (1553–1592) – крупнейший французский философ-гуманист эпохи Возрождения, представитель свободомыслия и антиклерикализма.

94 Бэконовская "История Генриха VII" была опубликована в 1622 г.

95 де Ту, Жак Огюст (1583–1617) – французский историк, написавший хронику своего времени и сравниваемый Вольтером с Титом Ливнем.

96 Имеется в виду знаменитый авантюрист Уорбек Перкин, который выдавал себя за второго сына покойного короля Эдуарда IV. Герцогиня Бургундская сестра Эдуарда IV. В 1498 г. Перкин принял участие в восстании против Генриха VII, попал после поражения восстания в плен и был обезглавлен в 1499 г.

97 Эпикур (341–270 до н.э.) – древнегреческий философ-материалист, сторонник атонизма.

98 Аристотель (384–322 до н.э.) – древнегреческий философ, в учении которого наряду с доминирующей идеалистической линией имеются также подходы к материализму.

99 Сократ (469–399 до н.э.) – древнегреческий философ, стоящий у истоков античного идеализма.

100 Мнение о телесности души поддерживали раннехристианские теологи Тертулиан, Афанасий, Августин и др.

101 Имеется в виду теолог и церковный деятель Бернар Клервосский (1091–1153).

102 Мабильон, Жан (1632–1707) – французский бенедиктинец, проповедник и церковный историк, публикатор сочинений Бернара Клервосского.

103 Так называли в средние века схоластиков Александра Гэльского, Дунса Скота, Фому Аквинского, Бонавентуру.

104 Декарт, Рене (1596–1650) – французский философ и естествоиспытатель, разработавший рационалистический метод, материалистическое учение о природе ("физику") и идеалистическое учение о душе и боге ("метафизику").

105 Депрео, собственно Буало-депрео, Никола (1636–1711) – французский поэт и теоретик классицизма.

106 Стиллингфлит, Эдвард (1635–1699) – английский теолог и церковный деятель, епископ Вустерский; полемизировал с Локком, в "Опыте о человеческом разуме" которого усмотрел отрицание троичности христианского Бога в духе учения унитариев.

107 Бейль, Пьер (1647–1706) – французский философ, предшественник просветителей, ниспровергавший теологию и спекулятивную "метафизику" XVII в. оружием скептицизма.

108 Спиноза, Бенедикт (1632–1677) – выдающийся голландский философ, критик религии и теологии, теоретик натуралистического пантеизма.

109 Гоббс, Томас (1588–1679) – выдающийся английский философ, критик религии и теологии.

110 Шефтсбери, Антони Эшли Купер (1671–1713) – английский политический деятель и философ-деист, развивавший концепцию секуляризованной этики.

111 Коллинз, Энтони (1676–1729) – английский философ-деист, развивал материалистический детерминизм и материалистическое понимание души.

112 Толанд, Джон (1670–1722) – выдающийся английский философ, критик религии и теологии, теоретик натуралистического пантеизма.

113 Кордельеры – члены монашеского ордена; упоминаемый диспут имел место в 1581 г.

114 Архимед (ок. 287–212) – великий древнегреческий ученый, механик и математик.

115 Здесь и далее Вольтер противопоставляет физике Декарта, господствовавшей во Франции, положения физической теории Ньютона, утвердившейся в Англии.

116 Фонтенель, Бернар де (1657–1757) – французский философ, представитель материалистической ветви картезианства, постоянный секретарь Французской академии.

117 Видимо, опечатка: в момент проведения инквизицией судебного процесса против Галилея (1564–1642) в 1633 г. ему было около 70 лет.

118 Шоотен и Ферма – голландский и французский математики XVII в.

119 Имеется в виду книга французского ученого Рого (1620–1672) "Физический трактат" (1671), являвшаяся во Франции в течение нескольких десятилетий основным учебным пособием по физике.

120 Кеплер, Иоганн (1571–1630) – великий немецкий астроном, открывший законы движения планет вокруг Солнца.

121 Пикар, Жан (1620–1682) – французский ученый, преемник Гассенди на кафедре астрономии Коллеж де Франс, осуществил уточненное измерение градуса широты, что позволило внести существенные коррективы в определение размера Земли.

122 Галлей, Эдмунд (1656–1742) – английский астроном, изучавший движение комет.

123 Бернулли, Якоб (1654–1705) – немецкий математик.

124 Вильстон, точнее Вистон (Whinston), Вильям (1667–1702) предшественник Ньютона на кафедре математики. Имеется в виду его работа "Установленная причина всемирного потопа", опубликованная в 1714 г. в виде приложения ко второму

Вольтер философские письма filosoff.org
изданию его книги "Теории Земли".

125 Сорен, Жозеф (1655–1737) – французский ученый, автор работы "Исследование важного возражения, выдвинутого Гюйгенсом против картезианской системы по вопросу о причине тяжести".

126 Домини, Антонио де (1566–1624) – итальянский, ученый, исследовавший оптические явления.

127 Уоллис, Джон (1616–1703) – профессор математики в Оксфорде, автор работы "Арифметика бесконечного" (1655).

128 Бранкер, Уильям (1620–1684) – английский математик, один из основателей Королевского общества.

129 Меркатор – псевдоним немецкого математика в XVII в. Кауфмана (не путать с географом Меркатором!), автора работы "Техника логарифмирования".

130 Гарвей, Вильям (1578–1657) – английский естествоиспытатель и врач.

131 Перро, Клод (1613–1688) – французский естествоиспытатель.

132 Гартсукер, Никола (1656–1725) – голландский естествоиспытатель.

133 Левенгук, Антони (1632–1723) – голландский естествоиспытатель, изобретатель микроскопа, основоположник микробиологии.

134 Гюйгенс, Христиан (1629–1695) – голландский естествоиспытатель, создатель волновой теории света.

135 Имеется в виду изданная в Лондоне в 1728 г. книга Ньютона "Исправленная хронология древних царств".

136 Менес – основатель первой египетской династии.

137 Сетон – возможно Сетос I, фараон XIX династии, отождествляемый некоторыми историками с Сезострисом.

138 Гиппарх (160–125 до н.э.) – древнегреческий математик и астроном.

139 Климент Александрийский (ок. 150–215) – раннехристианский теолог, один из "отцов церкви".

140 Метон – афинский математик и астроном V в. до н.э. Пелопоннесская война началась в 431 г. до н.э.

141 Аполлоний Родосский–древнегреческий математик III в. до н.э.

142 Гиппократ из Хиоса (ок. 450–330 до н.э.) – древнегреческий математик.

143 Диоклесс (IV в.)–древнегреческий математик.

144 Никомед (III–II вв. до н.э.) –древнегреческий математик.

145 Гарриот – английский математик XVI в.

146 Вьетт, Франсуа (1540–1603)–крупнейший французский математик XVI в.

147 Кавальеро, точнее Кавальери, Бонавентура (1598–1647) – итальянский математик.

148 Роберваль, Жиль (1602–1675) – французский математик, физик, астроном.

149 Сен-Винсент де, Грегуар – голландский математик XVII в.

150 Клеро, Алексис–Клод (1713–1765) – французский математик.

151 Лалубер, А. де (1600–1664) – французский математик.

- 152 Арий (270–336) – священник из Александрии, выступивший с отрицанием догмата о "единосущности" Иисуса Христа Богу-Отцу; взгляды Ария были осуждены на Никейском соборе 325 г. как еретические, но они находили приверженцев во все последующие века.
- 153 Апокалипсис, или откровение Иоанна, – новозаветное произведение, предвещающее скорый "конец света", борьбу между "воинством небесным" и "силами антихриста", завершающуюся установлением "тысячелетнего царства Христова".
- 154–155 Мариотт, Эдм (1620–1684) – французский физик.
- 156 Поклен, Жан-Батист (1622–1673), именовавший себя с начала своего литературного творчества Мольером, – великий французский драматург.
- 157 Полиньяк, Мельхиор (1661–1746), кардинал – французский писатель и дипломат, автор поэмы "Анти-Лукреций", опубликованной посмертно в 1747 г.
- 158 Мария Тюдор – английская королева (1553–1558), в правление которой развернулась феодально-католическая реакция.
- 159 Коперник, Николай (1473–1543) – великий польский ученый, основоположник научной астрономии, создатель гелиоцентрической системы.
- 160 Шекспир, Уильям (1564–1616) – великий английский драматург.
- 161 Корнель, Пьер (1606–1684)–великий французский драматург.
- 162 Лопе де Вега (1562–1635)–великий испанский драматург.
- 163 Имеется в виду трагедия Шекспира "Отелло".
- 164 Отоуэй, Томас (1651–1685) – английский драматург.
- 165 Гомер – легендарный древнегреческий поэт, приписываемые которому поэмы "Илиада" и "Одиссея" были созданы, видимо, в IX–VIII вв. и записаны в VII в. до н.э.
- 166 Вергилий (70–19 до н.э.) – великий древнеримский поэт.
- 167 Драйден, Джон (1631–1700) – английский драматург и литературный критик.
- 168 Аддисон, Джозеф (1672–1719) – английский государственный деятель, писатель, драматург
- 169 Мюро, Беа де – швейцарский протестант из Берна, опубликовавший в 1725 "Письма об англичанах и французах"
- 170 Шадуол, Томас (ум. 1692) – английский драматург.
- 171 Уичерли, Уильям (1640–1715)–английский драматург.
- 172 Ванбрук, Джон (1666–1726) – английский драматург.
- 173 Конгрив, Уильям (1670–1729) – английский драматург.
- 174 Люлли, Жан-Батист (1632–1687) – французский композитор, основоположник классической оперы во Франции.
- 175 Бононини – итальянский композитор XVIII в.
- 176 Мид, Ричард (1673–1754) – известный английский врач, автор трудов по медицине.
- 177 Имеется в виду отец философа Клода-Адриана Гельвеция, являвшийся врачом французской королевы в царствование Людовика XV и дававший медицинские советы Вольтеру.

- 178 Сильва – знаменитый французский врач XVIII в.
- 179 Стил, Ричард (1671-1729)-английский комедиограф и критик.
- 180 Сибер, Колей(1671-1757) -английский драматург, поэт, актер.
- 181 Плавт, Тит Макк (ок. 255-184 до н.э.) – древнеримский комедиограф.
- 182 Аристофан (ок. 446-385 до н.э.) – древнегреческий комедиограф.
- 183 "Эдип" (собственно "царь Эдип" и "Эдип в Колоне"), "Электра" трагедии великого древнегреческого драматурга Софокла (497-406 до н.э.).
- 184 Видимо, имеется в виду лорд Гервей (р. 1696), возвратившийся из Италии в Англию в 1729 г. Произведение, отрывок из которого приводится далее, Гервей не публиковал, и рукописи его не имеется. Возможно, эти антиклерикальные стихи об Италии сочинены самим Вольтером.
- 185 Граф Рочестер, Джон Уильмот (1648-1680) – крупный английский поэт-вольнодумец
- 186 Шолье (1639-1720) – французский поэт-вольнодумец, аббат.
- 187 Сарраси (1605-1654) – французский поэт-вольнодумец.
- 188 Шапель (1626-1686) – французский поэт-вольнодумец, ученик Гассенди, друг Мольера и Лафонтена.
- 189 Гораций Флакк, Квинт (65-8 до н.э.) – знаменитый древнеримский поэт.
- 190 Ювенал, Децим Юний (60-е гг. – после 127) – крупнейший римский поэт-сатирик.
- 191 Сент-Эвремон, Шарль (1613-1703)-французский философ-вольнодумец.
- 192 Отрывок из X сатиры Буало.
- 193 Уоллер, Эдмонд (1606-1687) – английский поэт.
- 194 Вуатюр, Венсан (1588-1648) – ведущий поэт наиболее значительного французского литературного салона первой половины XVII в. – Отеля Рамбуйе.
- 195 Сегре (1624-1701) – малозначительный французский поэт, принадлежавший к Отелю Рамбуйе.
- 196 Кино, Филипп (1635-1688) – французский поэт и драматург, автор либретто к операм Люлли.
- 197 Граф Дорсет, Томас Секвил (1536-1608) – автор первой английской трагедии.
- 198 Граф Роскоммон, Уэнтворт Диллон (1633-1684) – один из придворных Карла II, перевел на английский язык "Поэтическое искусство" Горация.
- 199 Первый герцог Букингемский, Джордж Вильерс (1627-1688). Второй герцог Букингемский, Джон Шеффилд – придворный королевы Анны. Оба выступали как писатели.
- 200 Маркиз Галифакс, Джордж Севилл (XVII в.) – автор ряда литературных произведений.
- 201 Прайор, Мэтью (1664-1721) – английский поэт.
- 202 "Гудибрас" – героико-комическая поэма английского поэта Батлера (1612-1680), пронизанная вольнодумством.
- 203 "Мениппова сатира" – произведение XVI в. в прозе и в стихах, направленное против католической Лиги и написанное группой авторов, примыкавших к противникам религиозных войн – "политикам".

- 204 Свифт, Джонатан (1667–1745) – знаменитый английский писатель-сатирик.
- 205 Поп, Александр (1688–1744) – английский поэт, просветитель-деист, приверженец философии Лейбница.
- 206 "Певчие" – героико-комическая поэма Буало.
- 207 Милорд Мальборо – английский вельможа, перешедший во время "славной революции" на сторону Вильгельма III.
- 208 Бурдалу, Луи (1632–1704) – французский иезуит, знаменитый проповедник.
- 209 Мария Стюарт – королева Шотландии, потерявшая трон в 1568 г. в результате восстания, проходившего под знаменем протестантизма. В поисках убежища обратилась к королеве Англии Елизавете, но была подвергнута последней заключению, участвовала в организации заговоров против нее, претендуя на английскую корону, и была казнена в 1587г.
- 210 Рапен де Туара, Поль (1621–1725) – французский историк.
- 211 Булла Unigenitus, обнародованная папой Климентом XI в 1713 г., осуждала янсенизм, получивший значительное распространение в кругах французской буржуазии. Ставшая знаменем католической реакции, булла вызвала длившиеся несколько десятилетий ожесточенные споры, в которые наряду с духовенством и фанатичными приверженцами янсенистов и иезуитов оказались вовлечены также правительство, судебные палаты ("парламенты") и общественное мнение Франции.
- 212 Данте, Алигьери (1265–1321) – великий итальянский поэт.
- 213 "Радамист и Зиновия" (1711) – имевшая огромный успех трагедия французского драматурга Клода-Проспера Жюлио де Кребийона (1674–1762).
- 214 Речь идет о сыне французского драматурга Расина, которому врач Людовика XIV Фа-гон выхлопотал должность налогового инспектора, а затем директора.
- 215 Имеется в виду Вестминстерское аббатство, в котором находится усыпальница английских королей.
- 216 Мисс Олдфилд (ум. 1730) – знаменитая английская актриса.
- 217 Адриана Лекуврер (ум. 1730) – знаменитая французская актриса, которой из-за ее профессии католическая церковь отказала в погребении.
- 218 Принн (1600–1669) – магистр искусств в Оксфорде, фанатичный пуританин. Речь идет о его книге "Хистриомастрикс, или Бич для актеров".
- 219 Теренций, Публий Афр (ок. 190–159 до н.э.) – древнеримский драматург.
- 220 Сенозини – знаменитый итальянский певец XVIII в.
- 221 Куззони – знаменитая итальянская певица XVIII в.
- 222 Имеется в виду осуждающее отношение руководства французской церкви к театральным представлениям.
- 223 Речь идет о том, что иезуиты поощряли постановку театральных пьес (тщательно отобранных и переработанных в религиозном духе) в находящихся под их началом учебных заведениях и монастырях.
- 224 Видимо, намек на вольтеровскую трагедию "Заира", которая после прохождения строгой цензуры, видоизменившей ее, была в октябре 1732 г. поставлена на сцене театра в Фонтенбло, где ее смотрел Людовик XV с супругой.
- 225 Имеется в виду написанное Лебреном в 1694 г. и опубликованное в 1731 г. "Рассуждение о комедии".
- 226 Под английской Академией наук Вольтер имеет в виду лондонское Королевское

Вольтер философские письма filosoff.org
общество, датой основания которого считается 1662 г. Во Франции Академия наук
была основана в 1666 г.

227 Жак Кёр (1395–1456) – французский негодник-ростовщик, имя которого стало
синонимом обладателя сказочного богатства; ссужал деньги королю Карлу VII для
ведения Столетней войны.

228 Делм, сэр Питер – английский негодник (ум. 1728).

229 Бернард, Сэмюэл (1651–1739) – богатейший английский негодник.

230 Имеется в виду член Французской академии аббат де Ротлен, занимавший в
период публикаций "Философских писем" Вольтера пост правительственного цензора.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!